

Изъ путевыхъ замѣтокъ бѣженца*).

Кн. Е. Н. Трубецкого

I. ПЕРЕѢЗДЪ НА УКРАИНУ.

11-го сентября (ст. ст.) 1918 года я бѣжалъ изъ Москвы на Украину, такъ какъ дальнѣйшее мое пребываніе въ Совдепіи представлялось не безопаснымъ. Съ тѣхъ поръ я провелъ время въ непрерывныхъ скитаніяхъ. Въ началѣ декабря я вынужденъ былъ бѣжать изъ Кіева, осажденнаго войсками Петлюры. Потомъ въ мартѣ 1919 года я долженъ былъ окончательно покинуть Одессу вслѣдствіе нашествія большевиковъ. Я наблюдалъ и Украину, и Одессу, и юго-востокъ Россіи, въ особенности Екатеринодаръ.

Теперь пользуюсь свободнымъ временемъ, чтобы привести въ порядокъ мои впечатлѣнія и попытаться подвести итогъ важнѣйшему изъ того, чему свидѣтелемъ я былъ.

Все было поучительно и интересно въ моемъ путешествіи на Украину, начиная съ вагона-теплушки, въ которомъ я доѣхалъ отъ

---

*) «Записки Бѣженца» были написаны моимъ покойнымъ отцомъ княземъ Евгениемъ Николаевичемъ Трубецкимъ, лѣтомъ 1919 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины.

Онѣ представляютъ изъ себя вторую совершенно самостоятельную часть «записокъ о второмъ смутномъ времени», въ которыхъ мой отецъ хотѣлъ описать то, что ему пришлось лично наблюдать со времени «Февральской революціи» 1917 года.

Первая часть записокъ, охватывавшая время отъ революціи до бѣгства автора изъ Москвы осенью 1918 года, пропала во время гражданской войны; вторая уцѣлѣвшая часть не была обработана моимъ отцомъ для печати, но издается нынѣ въ томъ видѣ, какъ онъ ее оставилъ, лишь съ нѣкоторыми самими незначительными пропусками.

Эта часть записокъ была написана во время самыхъ яркихъ успѣховъ Добровольческой арміи. Казалось, паденіе большевиковъ и освобожденіе Россіи — дѣло почти совершившееся. Это оптимистическое настроеніе всецѣло охватило моего отца и этимъ объясняются нѣкоторыя ошибки въ перспективѣ и оцѣнкѣ явленій того времени. Сами эти ошибки являются яркимъ изображеніемъ господствовавшихъ тогда настроеній и отнюдь не уменьшаютъ значенія конечныхъ выводовъ.

Кн. С. Трубецкой.

Парижъ, 15 апрѣля 1926 года.

Москвы до Брянска. Переѣздъ былъ не изъ легкихъ, такъ какъ теплушка была переполнена. Ноги и руки должны были замереть въ томъ положеніи, въ какое я попалъ въ Москвѣ; двигаться было почти невозможно. Ночью я почувствовалъ тяжесть, давившую мнѣ грудь; я попытался освободиться, но ворчливый женскій голосъ запротестовалъ: «какой вы непосѣда». Это дѣвица спала у меня на груди и извинялась тѣмъ, что «приняла меня за чемоданъ». А въ то же время ко мнѣ на плечо періодически падала голова спящаго юноши. Къ тому же въ вагонѣ у меня былъ припадокъ инфлуэнцы, длившійся нѣскольکو часовъ съ порядочнымъ подъемомъ температуры. Все это было невесело, но непріятности дороги съ избыткомъ окупилась. Прежде всего этой цѣной была достигнута полная безопасность.

Какъ я узналъ въ послѣдствіи, въ нашемъ поѣздѣ въ классныхъ вагонахъ производились обыски. Въ одномъ купѣ II класса большевики конфисковали тридцать съ лишнимъ тысячъ рублей. Меня могли бы арестовать. Теплушку же, какъ учрежденіе «демократическое», оставили въ покоѣ, даже билетовъ не спрашивали. Думаю, впрочемъ, что даже и при желаніи это было бы неосуществимо въ виду невозможности протискаться среди этой невѣроятной тѣсноты. Для контроля просто не оставалось мѣста.

Другое вознагражденіе за неудобство — тѣ разговоры, которые мнѣ пришлось слышать. Въ теплушкѣ упраздняется различіе между «буржуемъ» и «демократомъ». Тамъ всякій признается простонародіемъ за своего. Разговоры ведутся безъ всякаго стѣсненія. Поэтому для ознакомленія съ народнымъ настроеніемъ путешествія въ теплушкѣ чрезвычайно цѣнны.

Отъ Москвы до Брянска разговоры велись преимущественно на политическія темы. Ругали на всѣ лады большевиковъ. И что всего замѣчательнѣе, у нихъ не оказалось ни одного защитника. Былъ тутъ и матросъ, пользовавшійся большимъ успѣхомъ и очаровавшій всѣхъ дѣвиць. Онъ присоединился къ обличителямъ большевиковъ. Его стали укорять: «вотъ, вы, матросы, этихъ мерзавцевъ посадили». Но онъ не смутился: «ну, что-жъ — мы ихъ посадили, мы же теперь должны ихъ скинуть. Мы думали — они путевые, а оказались жида, да притомъ негодяи». —

Впослѣдствіи на Украинѣ мнѣ довелось слышать иные разговоры. Тамъ иллюзіи не были изжиты и народъ ждалъ прихода большевиковъ какъ манны небесной. Съ разныхъ сторонъ мнѣ приходилось слышать отъ путешествующихъ о большевицкомъ настроеніи украинской теплушки. Парадоксальное явленіе, которое прежде всего бросается въ глаза, заключается въ томъ, что обѣимъ воюющимъ сторонамъ въ теченіе извѣстнаго періода времени приходилось дѣйствовать среди атмосферы имъ враждебной. Большевики окружены народной ненавистью въ изжившей большевизмъ Совдепіи; добровольцамъ же долго приходилось дѣйствовать въ мѣстностяхъ, гдѣ большевикамъ сочувствовали значительныя группы населенія. Такъ было въ 1918 году на Украинѣ и въ Одесскомъ районѣ.

Проночевавъ въ Брянскѣ на постояломъ дворѣ въ коечномъ номерѣ, гдѣ кромѣ меня и моего спутника помѣщалось четверо крестьянъ,

янь, я двинулся дальше въ пограничный пунктъ Унечу, откуда мнѣ предстояло совершить переѣздъ на лошадахъ въ украинскій пограничный городъ Клинцы. Тутъ я сразу попалъ въ атмосферу спекуляціи на бѣженцахъ.

Все мѣстечко промышляло перевозомъ бѣженцевъ черезъ границу. Меня поразилъ тотъ фактъ, что промыселъ ведется совершенно открыто. На станціи желѣзной дороги къ пассажирамъ обращались крестьяне возчики съ предложеніемъ доставить въ Клинцы. Разговоры объ этомъ велись громко — большевики видимо не наблюдали. Я пошелъ отыскивать въ Унечѣ того еврея, который былъ мнѣ рекомендованъ, какъ главный организаторъ переѣздовъ. Но его въ Унечѣ не было: повидимому и онъ былъ вынужденъ бѣжать на Украину, — за то оказалось, что перевозомъ промышляютъ другіе обыватели, — евреи и русскіе; было много частныхъ домовъ, превратившихся въ постоянные дворы. Хозяева брали съ постояльцевъ большія цѣны и рекомендовали возчиковъ, знавшихъ какъ провезти мимо большевиковъ. Мнѣ указывали одного спеціалиста, который устраивалъ переѣзды подъ охраной матросовъ, сопровождающихъ подводы.

Насъ собралось около одного такого постоялаго двора цѣлыхъ девять подводъ подъ водительство проводника, знавшаго, гдѣ въ данную минуту стоятъ большевицкіе сторожевые посты и какъ ихъ объѣхать. Для крестьянъ этотъ промыселъ необыкновенно выгодный. За одинъ переѣздъ въ 40 верстъ они зарабатываютъ по 1000 рублей на подводу. Въ нашу подводу возчикъ набралъ четверыхъ пассажировъ, взявши по 250 рублей съ cadaго.

Большевиковъ мы дѣйствительно не встрѣтили и обыскамъ не подвергались. Это объясняется, какъ мнѣ кажется, не только познаніями нашего главнаго проводника, но и общимъ сочувствіемъ населенія. Думаю, впрочемъ, что сочувствіе относилось не столько къ бѣженцамъ, сколько къ выгодному промыслу своихъ односельчанъ — возчиковъ. Всякій встрѣчный крестьянинъ давалъ имъ указанія, — въ какой деревнѣ есть и въ какой нѣтъ солдатъ-большевиковъ. Расцѣнка этихъ показаній, впрочемъ, была неодинакова. Когда къ нашему обозу присталъ крестьянинъ, усердно убѣждавшій насъ съѣхать съ поля и углубиться въ лѣсъ, чтобы скрыться отъ большевицкихъ взоровъ, наши возчики его отогнали: по ихъ словамъ онъ хотѣлъ «навести насъ на комара», т. е. просто на просто на шайку разбойниковъ, которые промышляли бѣженцами нѣсколько иначе. По словамъ моего возчика въ данную минуту препятствіемъ къ промыслу служили неоконченныя полевые работы: «когда работы окончатся, говорилъ онъ, мы по дорогамъ свою стражу поставимъ, которая будетъ насъ извѣщать о каждомъ движеніи большевиковъ».

Когда встрѣчный мужикъ возвѣстилъ, что «большевиковъ всѣхъ проѣхали, теперь германъ пошелъ» — всѣ лица вдругъ просіяли, такъ какъ путешествіе было далеко не безопасно. Намъ казалось, что большевикамъ трудно не замѣтить нашего большого поѣзда изъ девяти подводъ, скрипѣвшаго шагомъ и нагруженного богатою кладью, такъ какъ съ нами ѣхало именитое купеческое семейство изъ Москвы.

Къ тому же одинъ изъ попутчиковъ, — еврей, дрожавшій отъ страха, утѣшалъ насъ разказами о томъ, какъ большевики въ Унечѣ его, сорокалѣтняго, заарестовали и заставили рыть окопы, да о томъ, какъ къ нему вторгались въ домъ грабители въ маскахъ, которые истязали его и его жену.

Въ странѣ, занятой «германомъ», было тоже чрезвычайно интересно; тутъ мнѣ пришлось наблюдать первые симптомы нравственного разложенія — передававшася отъ насъ германской арміи.

Дѣло было къ вечеру. — «Когда увидите огонекъ въ лѣсу — предупредялъ насъ встрѣчный мужикъ, — вы на него не ѣзжайте. Это германская сторожка будетъ. Тамъ васъ обыщутъ, да задержать; лучше, не доѣзжая до сторожки, сверните влѣво».

Такъ мы и собирались поступить. Увидавъ сторожку, мы попытались свернуть влѣво, но какъ разъ у перекрестка были остановлены криками «Halt»*) нѣмецкаго часового. Ъхавшіе въ передней телѣгѣ хотѣли откупиться семьюдесятью пятью рублями, но нѣмецъ запротестовалъ. «Сосчитайте сами,—говорилъ онъ,—васъ девять подводъ, по 15 рублей съ каждой — стало быть съ васъ слѣдуетъ ровно сто тридцать пять рублей». Очевидно, это была установленная такса за право проѣзда; получивъ ее, нѣмецъ любезно указалъ намъ путь влѣво, въ объѣздъ сторожки, которую необходимо миновать, чтобы она не была обязана насъ обыскивать. Для меня несомнѣнно, что въ этомъ промыслѣ участвовалъ весь карауль, въ томъ числѣ и господа офицеры. Мы свернули влѣво настолько близко отъ сторожки, что тамъ, конечно, не могли не слышать отчаяннаго скрипа нашихъ немазаныхъ колесъ.

Крестьяне-возчики наблюдали эту сцену съ довольнымъ выраженіемъ сочувствующихъ знатоковъ дѣла. «Надыть покормить германа», говорилъ одинъ, а степенный мужикъ, съ окладистой бородой, тутъ же наставительно замѣтилъ: «вы, баринъ, не смотрите на германа, — Россея ихъ образуетъ, всѣ выучатся воровать понемногу; вотъ какъ взятки ужъ берутъ». Впослѣдствіи меня поражалъ широкій масштабъ этого нѣмецкаго взяточничества. Все можно было купить у нѣмцевъ за деньги: право стоять не въ очередь въ хвостѣ у нѣмецкой комендантуры, пропускъ въ Кіевъ, разрѣшеніе выѣхать внутрь Украйны безъ сидѣнія въ карантинѣ, пропускъ на желѣзнодорожную платформу для посадки въ неурочное время въ вагонъ, даже *Entlausungscertificat*. Стихійный характеръ приняло и воровство. Въ Кіевѣ пришлось снять зелеными плоды изъ моего фруктоваго сада, потому что нѣмцы лазили черезъ заборъ и воровали, а въ это время другіе нѣмцы стояли у забора и караулили. Отъ русскихъ офицеровъ, вернувшихся изъ Германіи, я узналъ, что низшее «русское образованіе», полученное нѣмцами, дало свои плоды и тамъ. Въ лучшихъ берлинскихъ гостиницахъ вывѣшены были объявленія, которыя приглашаютъ жильцовъ во избѣжаніе кражъ не выставлятъ въ корридорахъ для чистки платья и ботинокъ. Традиціи «нѣмецкой честности», какъ видно, основательно поколеблены.

---

*) Стой.

Въ Клинцахъ мнѣ пришлось провести цѣлыхъ три дня въ безплодныхъ поискахъ разрѣшенія на выѣздъ въ Кіевъ безъ карантина, потому что я сначала не зналъ, какъ упрощеннымъ способомъ добыть разрѣшеніе, а потомъ все-таки предпочелъ не прибѣгать къ этому способу, который не всегда удается.

За эти три дня пришлось познакомиться со всѣми прелестями бѣженской жизни. Приѣхавъ въ Клинцы глубокой ночью, мы не могли найти помѣщенія для ночлега, такъ какъ всѣ постоянные дворы были заняты, а стучаться въ частныя квартиры мы не рѣшались. Пришлось ночевать въ свѣжую сентябрьскую ночь на открытомъ воздухѣ. Къ счастью встрѣтившійся съ нами германскій офицеръ принялъ въ насъ участіе: онъ предложилъ мнѣ и моему спутнику провести ночь на дворѣ нѣмецкой комендантуры, куда мы вѣхали съ подводой и расположились кое какъ на доскахъ. Не смотря на шубу къ утру стало такъ холодно, что спать я не могъ и сталъ ходить по двору, гдѣ провелъ остатокъ ночи въ разговорахъ съ нѣмецкими солдатами. Они спрашивали про большевиковъ и поражали трезвостью своихъ сужденій о Ленинѣ, котораго они считали «утопистомъ». О войнѣ они говорили безъ всякаго подъема, видимо уже утративъ вѣру въ побѣду. «Въ концѣ концовъ, Богъ вѣсть кто побѣдитъ. Возможно, что всѣ народы Европы работаютъ въ пользу желтыхъ». Таковъ былъ общій смыслъ ихъ сужденій задолго до перемирія.

Когда на другой день я понялъ, что придется еще переночевать въ Клинцахъ послѣ безсонной ночи на дворѣ, я сталъ усиленно искать ночлега, но всѣ поиски были безрезультатны. Тутъ выручила изъ бѣды счастливая случайность. Иду по улицѣ, вижу маленькій, чистенькій и уютный домикъ, одноэтажный, въ четыре окна по улицѣ, а на заваленкѣ сидитъ чья то добрая душа съ мужемъ и кучей дѣтей и голубыми глазами на меня смотритъ. Я почувялъ, что тутъ найду пріютъ и обратился къ доброй душѣ за совѣтомъ, какъ и гдѣ найти ночлегъ, рассказавъ о нашихъ скитаніяхъ. Мужъ «доброй души» сталъ отговариваться трудностью найти помѣщеніе. А она вдругъ строго на него посмотрѣла: «ты не знаешь гдѣ найти комнату, а вотъ я знаю, пожалуйста къ намъ переночевать, милости просимъ».

Мы вошли въ ослѣпительной чистоты «гостиную», которая была намъ отведена. Передняя стѣна вся сплошь до потолка была увѣшана иконами съ горящими передъ ними лампадками. Это было жилище почтеннаго старообрядческаго семейства. Все тамъ дышало благолѣпіемъ, честностью и добротой. Отношеніе къ намъ было въ высшей степени сердечное и ласковое. Тогда какъ въ другихъ мѣстахъ и насъ, и другихъ бѣженцевъ обдирали, какъ могли, здѣсь, наоборотъ, трудность при расчетѣ заключалась въ томъ, что хозяева, которые для насъ стѣснили себя какъ только могли, опасались взять съ насъ лишнее. Послѣ всего утомительнаго путешествія нѣсколькихъ дней — эти лампадки, образа, возня кучи дѣтей, да сочувствующія добрыя лица производили удивительно успокоительное впечатлѣніе. Среди всеобщаго разложенія, мерзости воровства, эксплоатаціи и всяческой нечистоты, вдругъ этотъ уголокъ старой Россіи, сохранившій Божій миръ и Божью благодать. И кажется, все будущее

Россіи зависить отъ того, много или мало въ ней уцѣлѣло такихъ невѣдомыхъ людямъ, но Богу вѣдомыхъ, уголковъ.

Это еще не былъ конецъ мытарствамъ. Рѣшившись ѣхать безъ нѣмецкаго пропуска, я нанялъ подводу, которая доставила меня на слѣдующую станцію, откуда пропускъ уже не требовался. А тамъ пришлось опять садиться въ теплушку въ единственный въ сутки и совершенно переполненный поѣздъ. Я не нашелъ мѣста даже на площадкѣ вагона. Пришлось висѣть въ дождь и вѣтеръ на нижней его ступенькѣ, какъ висѣли въ революціонные дни въ московскихъ трамваяхъ. Только когда рукамъ стало холодно и я боялся, что отъ усталости могу не удержаться на ступенькахъ, верхніе пассажиры сжалились и дали мнѣ мѣсто на площадкѣ.

Приѣхавъ вдребезги усталый въ Гомель, я снова былъ возмущенъ эксплуатаціей. Извозчикъ взялъ тридцать рублей только за то, чтобы «рекомендовать» номеръ, находившійся почти около самага вокзала. А за крошечный номеръ-клоповникъ, безъ бѣлья, содержатель еврей взялъ пятьдесятъ рублей. Такъ обижали бѣженцевъ на каждомъ шагу. Попадаясь всегда въ разставленные для нихъ сѣти, словно мухи къ паукамъ, многіе изъ нихъ въ дорогѣ тратили все, что имѣли, и доѣзжали до мѣста буквально безъ гроша.

На другой день на пароходѣ изъ Гомеля въ Кіевъ я почувствовалъ сразу полный отдыхъ. Мягкая скамья, гдѣ я могъ разлечься, обильная мясная пища, которой я былъ лишенъ въ Совдепѣ, масло, сахаръ вволю къ чаю и многое другое, отъ чего я отвыкъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, — все это вмѣстѣ взятое заставило забыть про усталость путешествія.

II. НА УКРАИНѢ.

Отъ пребыванія на Украинѣ у меня осталось впечатлѣніе тяжкаго сна. Точно вся та дѣйствительность, которую я наблюдалъ, была не подлинною былью, а калейдоскопической смѣною фантастическихъ видѣній, которыя быстро появлялись и столь же быстро улетучивались. Какихъ только народовъ я не видалъ въ южной Россіи: и нѣмцевъ, и австрійцевъ, и румынъ, и французовъ, и грековъ. Всѣ мелькали и исчезали какъ призраки. Призраками оказались и народы и всѣ тѣ государственныя образованія, которыя они насаждали; призрачною была самая государственная жизнь и не только наша русская, а государственная жизнь всѣхъ народовъ Европы. Но не призрачнымъ, реальнымъ былъ тотъ хаосъ, который грозитъ похитить всякую государственность въ мірѣ, а съ нею вмѣстѣ и все то, что до селѣ называлось «цивилизаціей». Не призрачно еще что то другое, высшее, сверхгосударственное, что предохраняетъ народы отъ полнаго и окончательнаго паденія.

Первое, что меня поразило на Украинѣ, это неестественное кошмарное видѣніе германской государственности въ русской обстановкѣ. Порою бывало испытываешь впечатлѣніе, словно Украина стала уголкомъ Германіи. Всюду по дорогамъ нѣмецкіе столбы съ надпи-

сами, съ точнымъ обозначеніемъ направленій и разстояній — путь на вокзалъ, въ городъ, въ комендантуру, «10 минутъ ходьбы» и т. п. А въ городахъ, особенно въ Кіевѣ, — все полно германской культурой: и нѣмецкій театръ, и нѣмецкій книжный магазинъ, и нѣмецкій походный книжный магазинъ, и гастролирующіе нѣмецкіе актеры, да музыканты. Въ концертныхъ залахъ раздавались побѣдные звуки музыки Вагнера. На улицахъ нѣмецкій говоръ, множество нѣмокъ пріѣхавшихъ съ голодающей родины покушать хлѣба да сахара во вновь завоеванныхъ земляхъ. Носились тревожные слухи о томъ, что отнынѣ Крымъ станетъ нѣмецкимъ уголкомъ, потому что онъ нѣмцамъ разъ навсегда понравился и они рѣшили не отдавать его назадъ «русскимъ варварамъ».

Казалось, все это зданіе нѣмецкаго владычества построено такъ прочно, какъ умѣютъ только нѣмцы. Впечатлѣніе прочности производили и войска, когда они маршировали: маршировка, смѣна карауловъ, вообще военная обрядность у нѣмца носить характеръ священнодѣйствія. Но вдругъ какая то неуловимая черта вамъ выдавала, что все это не настоящее, неподлинное, что весь этотъ внушительный парадъ чѣмъ то глубоко изнутри подточенъ. Такое впечатлѣніе я испытывалъ, когда видѣлъ нѣмецкое взяточничество и воровство. Тотъ русскій мужикъ, который смѣялся въ бороду, глядя на эти сценки, видимо, радовался, что серьезный и солидный нѣмецъ вдругъ обрусѣлъ и сталъ совсѣмъ на него похожимъ. Такое впечатлѣніе приходится испытывать въ извѣстной опереткѣ, когда на сцену являются Ахилесъ, Аяксъ, Агамемнонъ, но вдругъ торжественные жесты классическихъ героев сбиваются на канканъ. Когда въ дни нѣмецкой революціи канканъ сталъ явнымъ и открытымъ, радость русскаго мужика перешла въ ликованіе. Я видѣлъ въ Кіевѣ безподобную картинку. Двое нѣмецкихъ солдатъ курили на часахъ. А надъ ними сіялъ съ улыбкой во весь ротъ бородачъ извозчикъ, бывшій русскій солдатъ: «господа, господа,—говорилъ онъ наставительнымъ тономъ, —какъ нехорошо, на часахъ курите; вотъ насъ бывало въ русской арміи за это разстрѣливали». А нѣмцы, словно понимавшіе, тоже смѣялись: пришла ихъ очередь смѣяться надъ порядкомъ и дисциплиной. Въ тѣ дни описанный Щедринымъ споръ мальчика въ штанахъ и мальчика безъ штановъ разрѣшился въ пользу послѣдняго. И испарилась какъ дымъ нѣмецкая «героическая мечта». Что осталось теперь отъ нѣмецкаго театра въ Кіевѣ, отъ нѣмецкой „Feldbuchhandlung“ и отъ нѣмецкаго Крыма. Германія въ Россіи была только призракомъ. Была трагическая минута, когда она казалась призракомъ даже у себя дома. «Поздравляю, вы возвращаетесь въ отечество», сказалъ одинъ знакомый кіевлянинъ нѣмецкому солдату послѣ революціи, а тотъ отвѣтилъ: „es gibt ja kein Vaterland mehr, es bleibt nur Heimat“ **).

Были рядомъ съ этими другіе призраки русскаго происхожденія, тоже обреченные на быстрое и еще болѣе позорное исчезновеніе. Призракомъ изъ призраковъ была выдуманная ради нѣмцевъ, изо-

*) Походная книжная лавка.

***) Нѣтъ у насъ больше отечества, есть только родина.

брѣтенная озлобленными русскими интеллигентами украинская національность, о которой сами нѣмцы острили, что это народность безъ языка и безъ головы, и безъ рукъ. — Рядомъ съ надписями нѣмецкими были другія, еще болѣе оскорблявшія глазъ, написанныя на какомъ то странномъ языкѣ, непонятномъ мѣстному малорусскому населенію, — надписи на провинціальномъ галицкомъ нарѣччі, выдававшемъ себя за «украинское». Русскіе люди тщетно силились говорить на этомъ языкѣ, выдавая его за свой родной, бесплодно пытались перевести на этотъ захолустный крестьянскій діалектъ сложныя понятія современной государственной жизни. При министрахъ состояли особые чиновники, которые переводили по украински офіціальныя протоколы ихъ засѣданій. И министры не могли провѣрить этой работы, потому что не понимали своего «родного языка»... Это не мѣшало Скоропадскому и Лизогубу говорить рѣчи о томъ, какъ «двѣсти лѣтъ стонала Украина подъ русскимъ игомъ». И эти рѣчи свидѣтельствовали о той, увы, непризрачной дѣйствительности, которая въ угоду нѣмцамъ создавала и поддерживала фикціи, о характерномъ для русскаго человѣка отсутствіи чувства собственнаго достоинства.

То была маленькая доморощенная мечта объ украинскомъ гетманскомъ величчі, которая примазалась къ великодержавной нѣмецкой мечтѣ о «срединной имперіи». Я видѣлъ яркія образныя выраженія этого провинціальнаго отраженія славы Вильгельма. Въ Кіевѣ, на углу Крещатика и Лютеранской, была фотографія, предательски обнажавшая тайныя пружины украинскаго политическаго міра. Приѣхавъ въ Кіевъ въ концѣ сентября, я видѣлъ тамъ въ витринѣ разнообразныя портреты гетмана. Одинъ съ перомъ въ рукѣ, поднятымъ надъ бумагой, съ вдохновеннымъ взглядомъ и морщиной на бессмысленномъ челѣ: это гетманъ въ тиши своего кабинета «творить жизнь», пытаюсь придать тусклому взору выраженіе государственной мысли. На другомъ портретѣ стоитъ самъ Вильгельмъ, съ руками въ карманахъ, а передъ нимъ, какъ робкій молодой солдатъ передъ начальствомъ, тянется, держа руки по швамъ, тотъ же великій гетманъ Украины. А на третьемъ — опять гетманъ, сіяющій и довольный между Гинденбургомъ и Людендорфомъ.

Прошло два мѣсяца, нѣмцы были разбиты. Послѣ заключенія перемирія гетманъ объявилъ «русскую оріентацію» и попытался задобрить союзниковъ. Тогда въ витринѣ фотографіи тоже произошла перемѣна оріентаціи. Исчезли и Вильгельмъ, и Гинденбургъ, и Людендорфъ, остался на время гетманъ наединѣ со своей государственной мыслью. А съ нимъ рядомъ — Пуанкарэ, Фошъ и другіе именитые французы съ надписью: «добро пожаловать». На этомъ я и разстался съ Кіевомъ. Хотѣлось мнѣ хоть однимъ глазкомъ заглянуть въ витрину фотографіи, посмотреть, кѣмъ изъ совдеповъ замѣненъ былъ гетманъ и какая мысль бродила на челѣ этихъ вновь пришедшихъ.

Было въ Кіевѣ и другое яркое символическое изображеніе гетманскаго режима — гетманскій дворецъ. Не всякому кіевлянину выпадало на долю счастье къ нему приближаться: для этого нужно было имѣть пропускъ отъ нѣмецкихъ властей; постоянный пропускъ

былъ снабженъ фотографической карточкой его обладателя. Снаружи дворецъ былъ окруженъ двумя цѣпями караульныхъ. Цѣлый прилегающій къ нему кварталъ былъ отгороженъ нѣмецкими заставами, которыя пропускали лишь по предъявленіи пропуска. Далѣе, самый дворецъ былъ окруженъ стражей изъ украинскихъ казаковъ и сѣчевиковъ. Публикѣ позволялось ходить лишь по противоположной сторонѣ улицы. Случайно мнѣ удалось проникнуть въ самую глубь дворца, въ его жилия помѣщенія, куда я ходилъ навѣщать одного знакомаго — родственника гетмана. Къ величайшему моему удивленію я увидѣлъ тамъ еще третью цѣпь. Я проходилъ черезъ длинный корридоръ со множествомъ дверей и передъ каждой дверью стояли часовые съ винтовками — украинцы въ перемежку съ нѣмцами. «Немного похоже на тюрьму», говоритъ мнѣ мой знакомый, «но ничего — не смущайтесь». Сходство было дѣйствительно жуткое. Сочетаніе двухъ національностей было подсказано недоумѣемъ: гетманъ видимо не полагался на своихъ и, безопасности ради, перемѣшалъ ихъ съ нѣмцами. Онъ имѣлъ на это основанія. Когда послѣ франко-германскаго перемирія осовдепившіеся нѣмцы отказались караулить гетманскій дворецъ и на Кіевъ сталъ двигаться Петлюра, среди украинской стражи дворца возникъ заговоръ, — попытка убить гетмана. Въ концѣ концовъ всѣ три желѣзныя цѣпи, окружавшія и ограждавшія верховнаго блюстителя Украйны, оказались призрачными. Какъ только нѣмцы перестали ему покровительствовать, онъ упалъ какъ зрѣлый плодъ и Украйна подпала подъ другую, тоже фиктивную власть Петлюры, которая черезъ нѣсколько недѣль была вынуждена уступить свое мѣсто власти большевиковъ.

Интересна та общественная атмосфера, которая дала жизнь призрачному гетманскому владычеству. Въ кругахъ, наиболѣе сочувствующихъ гетманской власти, господствовало настроеніе, которое можетъ быть точно охарактеризовано какъ интернаціонализмъ справа. Это были испуганные обыватели, которые чувствовали себя гораздо ближе къ нѣмецкому буржую, чѣмъ къ русской демократіи, и въ сущности вдохновлялись лозунгомъ: «буржуи всѣхъ странъ соединяйтесь». Я знаю лицъ, которыя откровенно въ этомъ признавались. Ихъ страхъ передъ революціей былъ куда сильнѣе ихъ русскаго національнаго чувства, а ихъ украинскій «націонализмъ» былъ лишь послѣдствіемъ упадка ихъ русскаго патріотизма. Этотъ интернаціонализмъ, переряженный въ синій жупанъ, былъ просто на просто ставкой на нѣмца и ничѣмъ другимъ. Если бы дѣло происходило въ другомъ мѣстѣ, гдѣ нѣмцамъ нужно было бы насаждать другія національности, тѣ же люди съ такой же легкостью признали бы себя грузинами, финляндцами или еще чѣмънибудь другимъ.

И въ Кіевѣ, и въ Одессѣ среди высокопоставленныхъ «бывшихъ людей» я часто наблюдалъ эту гнетущую атмосферу буржуазной деморализаціи. Эти люди драпировались красивымъ и съ виду соблазнительнымъ лозунгомъ «борьба противъ большевиковъ во что бы то ни стало» и при этомъ подразумевали, что она должна вестись какою угодно цѣною, если нужно, цѣной единой Россіи. Упадокъ духа, безграничное невѣріе въ Россію было тутъ преобладающимъ

настроениемъ. Перепуганные и уставшіе они рѣшили, что Россія все равно погибла, каковы бы ни были усилія для ея возстановленія. Остается стало быть спасать порядокъ, жизнь и и м у щ е с т в о. Если нужно, можно пожертвовать для этого Россіей, ставшей «Совдепией». Отсюда сдѣлка съ нѣмцами, спасавшими порядокъ въ отдѣльныхъ русскихъ областяхъ цѣною расчлененія Россіи, да унижительный украинскій маскарадъ Скоропадскаго и Лизогуба.

Не малочисленные и безсильные «украинцы» создали Украину, а русскіе люди, цѣплявшіеся за нѣмцевъ, какъ утопающіе за соломинку. Эти несчастные, малодушно отрекавшіеся отъ родины, не чувствовали глубины этого мірового провала, куда вслѣдъ за Россіей должна была быть втянута Германія. Только послѣ перемирія, непосредственно передъ уходомъ германскихъ войскъ обнаружилось все невѣроятное легкомысліе этой ставки на нѣмцевъ. Когда началось наступленіе Петлюры на Кіевъ, оказалось, что для его защиты гетманъ располагаетъ двумя тысячами добровольцевъ при одномъ орудіи. Съ величайшимъ трудомъ удалось раздобыть у нѣмцевъ еще двѣнадцать орудій. А всего на украинскую державу числилось не болѣе 15.000 «сѣчевиковъ», которые къ тому же перешли почти цѣликомъ на сторону Петлюры. Оно и не удивительно: маскарада ради Скоропадскій и его министры подбирали въ эти войска офицеровъ съ «украинской оріентаціей»; въ угоду нѣмцамъ офицеры съ «русской оріентаціей» на службу не принимались. И вотъ въ тотъ день, когда въ угоду союзникамъ тотъ же Скоропадскій былъ вынужденъ высказаться за «единую и недѣлимую Россію», онъ былъ жестоко наказанъ собственными ставленниками. Онъ былъ побѣжденъ ничтожествомъ Петлюры, потому что самъ онъ оказался еще ничтожнѣе.

Въ минуту опасности обнаружилась безпредѣльная бездарность да нравственное убожество гетмана и его окружающихъ. Всѣ спрашивали, гдѣ же его войска, что дѣлало въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ военное министерство. На засѣданіи совѣта государственнаго объединенія я слышалъ изъ устъ министра внутреннихъ дѣлъ И. А. Кистяковскаго, что военный министръ былъ явный измѣнникъ, что вмѣсто организациі военныхъ силъ онъ занимался организаціей безчисленныхъ штабовъ, да переводомъ командныхъ возгласовъ съ русскаго на украинскій языкъ. Это преступное бездѣйствіе оправдывалось «препятствіями со стороны нѣмцевъ». Но отъ одного изъ немногихъ порядочныхъ членовъ украинскаго правительства я слышалъ определенное заявленіе и по этому поводу: по его словамъ нѣмцы дѣйствительно вставляли палки въ колеса, но непреодолимыхъ препятствій все таки не дѣлали; армію было вполне можно и должно набрать и обучить за этотъ срокъ.

Какъ бы то ни было, арміи въ нужную минуту не оказалось. Защита Кіева и гетмана была волею судебъ ввѣрена немногочисленнымъ добровольческимъ отрядамъ, по отношенію къ которымъ, къ тому же, Скоропадскій игралъ двусмысленную роль. Штабъ генерала гр. Келлера имѣлъ въ рукахъ положительныя доказательства, что черезъ головы арміи изъ гетманскаго дворца велись какіе то тайные переговоры съ Петлюрой. Была еще характерная для облика Скоропадскаго

подробность: Защитники Кіева терпѣли недостатокъ въ автомобиляхъ; а въ это время на дворѣ гетманскаго дворца бездѣйствовали три автомобиля, приготовленные на всякій случай на предметъ возможнаго бѣгства гетмана и его семьи. Въ эти критическія минуты его «государственная мысль» не поднималась выше заботъ о самосохраненіи.

Выросшая на почвѣ буржуазной деморализаціи, гетманская власть сама стала источникомъ деморализаціи. Когда гетманъ отстранилъ отъ командованія войсками генерала графа Келлера только потому, что этотъ прямой и честный человѣкъ былъ ему неудобенъ, когда разнеслась въ рядахъ вѣсть о тайныхъ переговорахъ Скоропадскаго съ Петлюрой, добровольцы стали задаваться вопросомъ, для кого и для чего они жертвуютъ жизнью — ради Россіи или ради гетмана, который, быть можетъ, ихъ предастъ. Иные говорили: да, стоитъ ли сражаться при такихъ условіяхъ. Было и начало заговора; среди офицеровъ была партія, которая требовала низверженія Скоропадскаго и передачи полноты власти графу Келлеру.

Возможно, что слухи были преувеличены. Въ чемъ заключались переговоры гетмана съ Петлюрой, мы не знаемъ и обвиненія въ «предательствѣ» остаются недоказанными. Но какое довѣріе могъ внушить человѣкъ, который сначала въ угоду нѣмцамъ заявлялъ, что Украина двѣсти лѣтъ стонала подъ «русскимъ игомъ», а потомъ въ угоду французамъ вздумалъ выступить въ роли вождя въ борьбѣ за единую Россію. Неудивительно, что дѣло окончилось катастрофою. Рухнулъ украинскій маскарадъ русской буржуазіи: нѣмцы, предавшіе Кіевъ Петлюрѣ, наглядно показали, что значила ставка на нѣмцевъ.

Это предательство положило начало новому маскараду. Раньше въ синій жупанъ облекались «буржуи», теперь подъ именемъ «петлюровцевъ» и украинцевъ явились въ Кіевъ русскіе большевики. Одинъ знакомый мнѣ публицистъ, застигнутый въ Кіевѣ вторженіемъ бандъ Петлюры, былъ пораженъ чисто русскимъ говоромъ его солдатъ. На вопросъ: «какъ это васъ такъ скоро успѣли сформировать», — солдатъ отвѣчалъ: «да мы давно сформированы». «Гдѣ?». — «Въ Курскѣ». — «А кто васъ формировалъ?» — «Да, Троцкій».

Французскій генеральный консулъ въ Одессѣ — Энно, — знавшій этотъ и многіе другіе аналогичные факты, показывалъ мнѣ свой рапортъ Пишону, гдѣ прямо говорилось, что не петлюровцы голова, а большевики хвостъ и что ближайшее будущее принадлежитъ большевикамъ, а не Петлюрѣ.

Такъ думалъ не одинъ Энно. Украинская маска петлюровскаго движенія обманула только немногихъ ограниченныхъ фанатиковъ украинства и въ томъ числѣ самого Петлюру. Народныя массы просто не понимали украинской вивѣски движенія и сочувствовали Петлюрѣ только потому, что онъ обѣщалъ сломить господство буржуазіи, наказатъ помѣщиковъ, съ помощью нѣмцевъ «обобрававшихъ» крестьянъ, и отдать крестьянамъ землю. Въ послѣдніе дни гетмановщины крестьяне говорили: «мы всѣ за Петлюру, вотъ онъ придетъ и господъ лишитъ власти». А на вопросъ: «такъ, значитъ, вы хотите отдѣлать Украину отъ Россіи», тѣ же люди отвѣчали: «ну, это вздоръ, долженъ

быть Петлюра, но должна быть и единая Россія». Успѣхамъ Петлюры способствовали и непониманіе народныхъ массъ и утомленіе междоусобіемъ, жажда мира во что бы то ни стало.

Помню типическую сценку на кievскомъ рынкѣ на Бессарабкѣ. Я покупалъ сливочное масло и слышалъ кругомъ оханіе, да кряхтѣніе людей, жаловавшихся на цѣны, непомерно увеличившіяся во время блокады Кіева повстанцами. Вдругъ мужичекъ радостно возвѣстилъ: «да теперь цѣны скоро опять будутъ божескія. Развѣ не знаете, миръ заключенъ, миръ съ Петлюрой. Я самъ видѣлъ на Крещатикѣ огромный бѣлый флагъ, на которомъ объ этомъ написано». Я поинтересовался узнать, что это за бѣлый флагъ и пошелъ на указанное разсказчикомъ мѣсто. Дѣйствительно тамъ висѣлъ въ воздухѣ протянутый съ одной стороны Крещатика на другую гигантскій бѣлый флагъ съ надписью: «покупайте газету «Миръ». Это была чудовищная реклама о предстоящемъ выходѣ новой гетманской газеты.

III. ПОЛИТИКИ, ПОЛИТИКА И СВЕРХПОЛИТИЧЕСКОЕ.

Бываютъ такія болѣзни, въ особенности эпидемическія, противъ которыхъ никакіе рецепты не помогаютъ. Какъ тамъ ни лечи, болѣзнь возьметъ свое, пройдетъ весь положенный ей срокъ закономернога теченія. Въ этихъ случаяхъ попытки лечить людей обнаруживаютъ безсиліе врачей, а попытки лечить народы — столь же роковое безсиліе политиковъ.

Я думаю, что Украина могла бы управляться умнѣе и искуснѣе, чѣмъ она въ дѣйствительности управлялась, что многія ошибки гетмана и его министровъ могли быть и не сдѣланы, но все таки конечный результатъ былъ бы по всей вѣроятности тотъ же. Украина должна была переболѣть большевизмомъ, чтобы окончательно отъ него освободиться. Если бы, напримѣръ, гетманъ поменьше полагался на нѣмцевъ и постарался обзавестись собственной арміей, онъ могъ бы дольше бороться съ движеніемъ Петлюры и даже, пожалуй, справиться съ нимъ, но основной болѣзни — большевизма — онъ все таки не преодолѣлъ бы. При томъ настроеніи народныхъ массъ, какое господствовало на Украинѣ въ 1918 году, всякое собранное тамъ войско было обречено на болѣе или менѣе быструю большевизацію. Если бы гетманское правительство вело то, что называется «разумной политикой», процессъ пошелъ бы въ затяжку но рано или поздно большевизмъ все таки взялъ бы верхъ. И, кто знаетъ, можетъ быть теперь, лѣтомъ 1919 года, когда сила большевиковъ въ Совдепій надломлена, эта вспышка большевизма на Украинѣ была бы еще опаснѣе для Россіи, потому что въ критическую минуту она дала бы въ руки Троцкаго и Ленина совершенно свѣжую, нетронутую разложеніемъ силу.

Безсиліе рецептовъ и политиковъ — вообще одно изъ самыхъ яркихъ моихъ наблюденій за зиму и весну 1918—1919 года. Въ такіе дни повторяется все тотъ же парадоксъ, который неизмѣнно сопровождается всякія эпидемическія болѣзни. Всякій знаетъ, что корь или

оспу лечить нельзя. Но не лечить дорогого и близкого человека нравственно невозможно. И вотъ вопреки очевидности больного корью лечить, изощряють умъ на изобрѣтеніи способовъ, которые не приводятъ къ цѣли.

Въ политикѣ бываетъ еще хуже. Когда боленъ народъ, попытки леченія составляютъ не только непреодолимую нравственную потребность лечащихъ; онѣ сплошь и рядомъ внушаются той наивной вѣрой въ рецепты, надъ которой уже давнымъ давно возвысилась медицина. Какихъ только рецептовъ не приходилось читать и слушать. Были правые, были лѣвые, были явно наивные, были и такіе, которые казались умными. Но въ концѣ концовъ всѣ были непригодны. Болѣзнь обманула всѣ расчеты, ниспровергла всю нашу обиходную рецептуру.

Кристалльно чистый графъ Келлеръ, исчезнувшій нынѣ типъ генерала добраго времени, говорилъ мнѣ недѣли за двѣ до своего трагическаго конца: «Вся суть въ томъ, что у насъ каждый беретъ не за свое дѣло, забывая о прямыхъ своихъ обязанностяхъ. Вотъ, хотя бы Деникинъ, мой прежній подчиненный. Я ему поставилъ вопросъ: скажите мнѣ, наконецъ, ваше превосходительство, кто вы и что вы такое». Онъ сконфузился и отвѣчалъ: «я монархистъ» и поспѣшно добавилъ: «я конституціонный монархистъ». «Ваше Превосходительство, сказалъ я ему, я думаю, что я не глупѣе васъ, но полагаю, что это не нашего съ вами ума дѣло. Мы военные должны стоять внѣ политики; для насъ должно быть только одно: воля Государя Императора и единая Россія. А о конституціи разсуждать намъ не приходится. Захочетъ Государь Императоръ, будетъ вамъ и конституція или хотя бы даже федерація, не захочетъ Его Величество, не будетъ ни того, ни другого. А мы съ вами должны исполнять его волю, а не политиканствовать». — «Графъ, замѣтилъ я моему собесѣднику, вѣдь это тоже политика, хотя политика правая и монархическая», но тотчасъ понялъ, что попытки убѣдить въ этомъ старика были совершенно бесполезны. Онъ просто разводилъ руками и не понималъ, повторяя: «Государь Императоръ и Россія, да какая же это политика».

Позднѣе въ Одессѣ меня поразило сходство съ этими рѣчами бесѣды французскаго генерала д'Ансельма, столь же прямолинейнаго въ своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ:

„*Nous, autres militaires, nous ne nous mêlons pas de politique, nous sommes au dehors des parties, mais pourvu qu'on ne soit pas trop réactionnaire. Oh, ces diables de monarchistes dans l'armée des volontaires! Ils n'ont rien oublié et rien appris*“*). Было совершенно такъ же бесполезно убѣждать д'Ансельма, что ратуя за республику и за участіе социалистическихъ именъ въ управленіи югомъ Россіи, онъ дѣлаетъ партійную политику. *De la politique ça, je vous demande bien pardon* и увѣрялъ, что республика внѣ партій.

Политическіе рецепты колебались между этими двумя противоположными полюсами. Были правые, которые говорили, что надо от-

---

*) Мы военные не вмѣшиваемся въ политику, мы внѣ партій. Однако, не слѣдуетъ быть слишкомъ реакціонными. Охъ, ужъ эти монархисты въ Добровольческой арміи. Они ничего не забыли и ничему не научились.

крыто объявить себя монархистами. По ихъ словамъ только монархическій лозунгъ въ состояніи удовлетворить разочаровавшіяся въ большевизмъ народныя массы съвера и воодушевить монархически настроенную добровольческую армію. Были и доктринеры слѣва, которые полагали, что только рѣшительное исповѣданіе республики съ лѣвой соціальной программой можетъ отшатнуть отъ большевизма народныя массы, которыя больше всего на свѣтѣ боятся реакціи. Но были одинаково неправы какъ тѣ, такъ и другіе; провозглашать монархическій идеалъ въ неизжившей большевизма Украинѣ было, конечно, безуміемъ. Но по той же причинѣ непригодны были лозунги лѣвые, республиканскіе, демократическіе и соціалистическіе: при наличности стихійнаго влеченія массъ къ большевизму — эти лозунги удовлетворить не могли: они оказывались всего только промежуточными ступенями, на которыхъ народное движеніе даже не задерживалось.

Такъ же несостоятельны были рецепты, исходившіе изъ «оріентацій» нѣмецкой или французской, потому что ни та, ни другая не могла совершить самого главнаго для спасенія Россіи дѣла — исцѣлить южную Россію отъ заразившей ее и еще не изжитой ею болѣзни.

Когда я пріѣхалъ на Украину — нѣмецкая оріентація доживала свои послѣдніе дни. Сторонники единой Россіи отъ нея отшатнулись въ виду обнаруженнаго нѣмцами безсилія и ихъ предательской политики въ Москвѣ. П. Н. Милюковъ, коего я засталъ въ Кіевѣ, въ то время отъ нея рѣшительно отказывался. Но у нѣмцевъ еще оставались приверженцы среди тѣхъ извѣрившихся въ Россію и деморализованныхъ русскихъ, которые связали свою судьбу съ мыслью объ Украинѣ. Они приходили въ панической ужасъ при мысли, что возможный уходъ нѣмцевъ тотчасъ сдѣлаетъ неизбѣжнымъ торжество большевизма на Украинѣ. Я уже говорилъ о томъ, какъ поражение нѣмцевъ и ихъ уходъ опровергли эти возлагавшіяся на нихъ надежды.

Тогда всѣ надежды устремились въ сторону союзниковъ. А. В. Кривошеинъ, высказывавшійся раньше за допустимость при наличіи извѣстныхъ условій «нѣмецкой оріентаціи», отправился вмѣстѣ съ П. Н. Милюковымъ для переговоровъ съ союзниками въ Яссы. Разговоръ мой съ А. В. передъ его отъѣздомъ изъ Кіева ясно показываетъ, до чего преувеличены были тогда надежды «государственно-мыслящихъ» русскихъ людей на англичанъ и французовъ. Я выразилъ надежду, что мы вернемся въ Москву къ осени 1919 г. «Нѣтъ, сказалъ мнѣ А. В., послѣ только что совершившихся событій, мы можемъ вернуться туда гораздо раньше, я думаю, примѣрно къ Рождеству». Если у государственно мыслящихъ были преувеличенныя надежды, то, наоборотъ, у большевицки настроенныхъ массъ явились преувеличенныя опасенія. Крестьяне, доселѣ дрожавшіе передъ нѣмцами, не на шутку испугались прихода «тѣхъ, что побѣдили нѣмца». По деревнямъ говорили: «плохо, братцы, будетъ, вотъ мы союзникамъ измѣнили, а они придутъ въ деревню, да спросятъ, кто въ семнадцатомъ году бѣжалъ съ фронта. Иванъ, да Сидоръ. Подать сюда Ивана да Сидора. Всѣхъ разыщутъ да разстрѣляютъ». И бывшіе солдаты на-

чали въ паникѣ массами выправлять себѣ по волостямъ фальшивыя свидѣтельства, гдѣ значилось: «уволены съ фронта по болѣзни». Какъ безконечно далеки мы были въ то время отъ мысли, что побѣда союзниковъ не ускорить, а наоборотъ задержать освобожденіе Россіи отъ большевиковъ. Союзники въ то время казались какимъ то всемогущимъ земнымъ божествомъ, которое можетъ карать и миловать и непременно будетъ спасать.

Были, конечно, и скептики, которые сомнѣвались, указывая на «утомленіе» союзниковъ, но ихъ тотчасъ приводили къ молчанію. «Развѣ вы забыли угрозы англичанъ большевикамъ за тяжкое оскорбленіе англійскаго посольства въ Петроградѣ и за дерзкое убійство тамъ англійскаго офицера? Неужели вы думаете, что англичане могутъ проглотить такое наглое издѣвательство надъ Англіей? Возможно ли допустить, что англо-французы не понимаютъ международной опасности открытаго очага большевицкой заразы, который заразить весь міръ?» И политическая мысль продолжала работать въ расчетѣ на иноземную помощь.

Сколько было потрачено времени на безплодные засѣданія изъ-за этого ошибочнаго расчета. Помнится, вся зима 1917—1918 года въ Москвѣ ушла на безплодные, безконечные споры объ ориентаціяхъ. Споры эти иногда переходили въ ссоры, инакомыслящіе заподозривались въ отсутствіи патріотизма. Въ Москвѣ двѣ близкія по духу организациі «національный центръ» и «правый центръ» раскололись совершенно понапрасну, изъ-за того только, что послѣдній признавалъ допустимыми и желательными не какія либо соглашенія съ нѣмцами, а хотя бы переговоры съ ними съ цѣлью уяснить ихъ планы относительно Россіи, тогда какъ національный центръ считалъ всякія выясненія безусловно непозволительными. И послѣ того, какъ отношенія были совершенно понапрасну порваны, переговоры праваго центра съ нѣмцами не только не привели къ нѣмецкой ориентаціи, но лишній разъ убѣдительно доказали ея полную нежелательность въ виду недоброжелательнаго отношенія господствующаго въ Германіи направленія къ мысли о единой Россіи.

Потомъ на Украинѣ, когда всѣ колебавшіеся и всѣ разочаровавшіеся перешли на сторону «союзнической ориентаціи», послѣдняя послужила темой для новыхъ столь же многочисленныхъ и безплодныхъ засѣданій. Безплодность ихъ происходила отъ того, что они покоились на двухъ ошибочныхъ предположеніяхъ: 1) что Россія не можетъ возродиться и освободиться отъ большевиковъ собственными силами и 2) что поэтому единственная надежда на спасеніе Россіи военная ей помощь, дѣятельное вмѣшательство державъ согласія въ русскія дѣла.

Изъ этихъ предположеній исходили всѣ тѣ общественныя группы, которыя мнѣ приходилось наблюдать въ Кіевѣ. Также и впослѣдствіи въ Одессѣ все строилось на предположеніи, что союзники окажутъ дѣятельную помощь. Все было направлено къ тому, чтобы во что бы то ни стало получить эту драгоцѣнную помощь, уладить отношенія между союзниками и добровольческой арміей, все время очень шероховатыя. Такъ какъ въ концѣ концовъ французы внезапно бро-

силы Одессу и Крымъ на произволъ судьбы, у меня осталось впечатлѣніе огромнаго усилія, потраченнаго совершенно даромъ.

А между тѣмъ сколько времени, сколько силъ было израсходовано. За эти двѣ зимы въ Москвѣ и на югѣ Россіи меня поражала болѣзненная страсть русскихъ общественныхъ дѣятелей къ засѣданіямъ. Бывали дни и недѣли, когда приходилось засѣдать по два, по три раза въ день и на это уходило все время, такъ что не было возможности заняться чѣмъ либо другимъ. Всегда уходя изъ засѣданія испытываешь гнетущее впечатлѣніе, что мы ни на шагъ не подвинулись впередъ. Получая новую повѣстку, бывало думаешь: «не пропуститъ ли, вѣдь не непременно именно на этомъ засѣданіи спасутъ». И въ концѣ концовъ идешь изъ опасенія, какъ бы какое нибудь случайно составившееся большинство не постановило чего либо несуразнаго. Поразительная черта этихъ засѣданій въ томъ, что большая часть времени въ нихъ уходила на взаимную «информацію». Засимъ въ виду безысходности положенія послѣ томительной болтовни организація или вовсе не приходила къ опредѣленному рѣшенію или принимала такое рѣшеніе, которое только обнаруживало ея безсиліе: составить меморандумъ для отсылки въ Парижъ, послать депутацію къ французамъ или въ Екатеринодаръ. Меморандумъ посылался, но исчезалъ безслѣдно. Оставалось неизвѣстнымъ, прочтенъ онъ или не прочтенъ, къмъ слѣдуетъ, и даже полученъ ли онъ по назначенію. Отправлялась депутація, но она или не оказывала никакого дѣйствія на ходъ событій или оказывала слабое дѣйствіе, которое затѣмъ легко уничтожалось противоположными вліяніями.

Хроническая неудача общественной дѣятельности вызывала нервное настроеніе. Люди горячились, ссорились, обижались, обвиняли другъ друга въ неумѣннн, въ бездѣйствіи, въ политической бездарности, но на другой же день снова собирались и снова безъ конца рассуждали. Повидимому, эта черта свойственна безысходнымъ положеніямъ.

Братъ мой Григорій*) разсказывалъ мнѣ, что та же несчастная страсть къ засѣданіямъ поражала наблюдателей во время войны въ Сербіи, въ дни непосредственно предшествовавшіе ея эвакуаціи. Потребность засѣдать является въ такихъ случаяхъ у людей, которые не хотятъ или не могутъ отдать себѣ отчета въ неизбежности надвигающейся катастрофы или въ безысходности положенія. Они стараются обмануть себя надеждой, что общими усиліями какой то выходъ будетъ найденъ. Типическимъ примѣромъ такой психологіи является для меня М. В. Родзянко, зимою 1918—1919 года неуклонно повторявшій всякому встрѣчному и поперечному, что для спасенія Россіи требуется немедленный созывъ государственнаго совѣщанія изъ бывшихъ членовъ государственныхъ думъ. Несчастный, ему еще не осточертѣли совѣщанія и онъ продолжалъ въ нихъ вѣрить въ то время, когда было столько доказательствъ ихъ бесплодности.

Потребность въ такомъ самообманѣ особенно сильна среди бѣженцевъ. Въ большихъ городахъ скопляется великое множество вы-

---

*) Кн. Гр. Ник. Трубецкой, бывшій русскій посланникъ въ Сербіи.

битыхъ изъ колеи общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, которымъ рѣшительно нечего дѣлать. А между тѣмъ живутъ они въ гнетущей обстановкѣ, въ тѣснотѣ, безъ денегъ, многіе вдали отъ своихъ семействъ, въ тягостномъ сознаніи катастрофы, дрящущейся и развивающейся. Катастрофа напоминаетъ о себѣ каждый часъ, каждую минуту, на каждомъ шагу повседневной жизни. Дома водопроводъ зачастую не работаетъ, звонки не звонятъ, электричество періодически не свѣтится, на улицахъ трамваи не ходятъ, на рынкѣ цѣны непомерно растутъ, а съ сѣвера тревожныя или катастрофическія вѣсти о Россіи, объ участи близкихъ. При этомъ всѣ живутъ съ уложенными чемоданами въ непрекращающемся страхѣ новаго нашествія большевиковъ и въ приготовленіяхъ къ новому бѣгству. Какъ въ этой общей бѣдѣ не собраться и не обсудить, что дѣлать. И вотъ на этой почвѣ рождаются безчисленныя собранія и обсуждения, которыя готовятъ новыя разочарованія.

Помнится, въ Кіевѣ мы ежедневно нѣсколько разъ засѣдали почти въ одномъ и томъ же составѣ, но подъ разными наименованіями. То мы назывались «совѣщаніемъ членовъ законодательныхъ учрежденій», то «совѣщаніемъ городскихъ гласныхъ». Конечно, были варианты; на каждомъ новомъ совѣщаніи не было однихъ дѣятелей, но зато являлись другіе, раньше не встрѣчавшіеся. Въ общемъ же лица до такой степени повторялись, что я иногда забывалъ, кто мы сегодня, горожане, земцы, члены законодательныхъ учреждений или еще ктонибудь. Въ этихъ случаяхъ бывало толкнешь сосѣда и спрашиваешь: «какъ мы сегодня называемся». Собирались кромѣ перечисленныхъ организацій еще промышленники, члены союза земельных собственниковъ, члены церковнаго собора, сенаторы, банкиры, профессоры. Всѣхъ организацій я даже не берусь вспомнить. Наконецъ, общественные дѣятели напали на счастливую, казалось, мысль, объединить всѣ эти организаціи русской буржуазіи въ одно цѣлое, составить изъ нихъ нѣчто вродѣ союза союзовъ. Такъ и было поступлено. Всѣ названныя и неназванныя буржуазныя организаціи составили вмѣстѣ единый «Совѣтъ Государственнаго Объединенія», куда были выбраны представители каждой изъ группъ. Совѣтъ въ свою очередь выбралъ Бюро съ предсѣдателемъ барономъ В. В. Меллеромъ-Закомельскимъ во главѣ. Въ совѣтъ вошли видные государственные и общественные дѣятели: А. В. Кривошеинъ, В. І. Гурко, С. Н. Масловъ, П. Н. Милюковъ, Ф. И. Родичевъ, П. И. Новгородцевъ, графы А. А. и В. А. Бобринскіе, С. Е. Крыжановскій и многіе другіе. Казалось, все обѣщало блестящую будущность этому представительному учрежденію, объединявшему всѣ собранныя въ Кіевѣ, а затѣмъ и въ Одессѣ вершины русской буржуазіи. При этомъ совѣтъ работалъ чрезвычайно много; не проходило дня безъ засѣданій его бюро, которое по мѣрѣ надобности созывало общее собраніе. И, однако, какъ членъ совѣта и бюро, я долженъ по совѣсти сказать, что результаты дѣятельности совѣта за зиму 1918—1919 года равны нулю.

Кто въ этомъ виноватъ? Многіе изъ насъ, къ сожалѣнію, искали виновниковъ, обвиняя то предсѣдателя, то бюро въ его цѣломъ. Напрасныя обвиненія: виноваты были рѣшительно всѣ. Предсѣдатель

и бюро строили всю свою дѣятельность на тѣхъ самыхъ ошибочныхъ предположеніяхъ, изъ которыхъ исходила въ то время вся антибольшевицкая часть русскаго общества. Когда началась дѣятельность совѣта, никто не вѣрилъ въ возможность спасенія Россіи ея собственными силами. Положеніе, что не можетъ быть спасенія безъ военнаго вмѣшательства союзниковъ, всѣмъ казалось аксіоматическимъ. И вотъ жизнь опровергла эту мнимую аксіому.

Казалось, Совѣтъ дебютировалъ блестяще: ясская конференція была по преимуществу дѣломъ его рукъ. Когда его делегаты П. Н. Милюковъ, А. В. Кривошеинъ, Шебеко, Гурко, баронъ Меллеръ-Закомельскій и другіе явились въ Яссы, оказалось, что союзники были далеки отъ намѣренія вмѣшиваться въ наши дѣла. Утомленные великой европейской войной, они не особенно заботились о Россіи, полагая, что ея спасеніе должно быть ея собственнымъ дѣломъ. Делегатамъ Совѣта государственнаго объединенія, національнаго центра и союза возрожденія пришлось потратить не мало усилій, чтобы сдвинуть англичанъ и французовъ съ этой точки зрѣнія. И однако это удалось, причемъ блестящія рѣчи нашихъ делегатовъ — Гурко и Милюкова сыграли большую роль въ этомъ дѣлѣ. Французскій десантъ въ Одессѣ явился прямымъ послѣдствіемъ ясской конференціи. До конференціи онъ вовсе не имѣлся въ виду. Казалось, стало быть, что первый шагъ Совѣта государственнаго объединенія былъ большой заслугой передъ родиной. И однако послѣдующія событія показали, что заслуга была мнимой. Это обнаружилось, когда волею судебъ дѣятельность совѣта перенеслась изъ Кіева въ Одессу. Къ этой темѣ придется вернуться, когда дойдетъ очередь до одесскаго періода моихъ скитаній. Заканчивая этотъ отдѣлъ о пребываніи въ Кіевѣ, мнѣ хочется сказать два слова о томъ подлинномъ, не призрачномъ, что я тамъ наблюдалъ.

Это подлинное было только въ церкви и въ ея окруженіи. Блуждая въ дебряхъ политики, русскіе общественные дѣятели или по стыдно забывали о Россіи, приобрѣтая цѣною этого забвенія помощь нѣмцевъ, или же тщетно искали, но не находили пути къ ея возсозданію. Въ политикѣ мысль объ единой Россіи была только мечтою, въ минуты тяжкаго сомнѣнія могло казаться даже, что это мечта утопическая, неосуществимая. Наоборотъ, въ области сверхполитической она была реальностью.

Утраченная въ міру единая Россія сохранилась въ церкви. Попытки привить къ ней украинство сразу и безнадежно провалились. Засѣдавшій въ Кіевѣ всеукраинскій соборъ рѣшительно и рѣзко высказался противъ автокефаліи, къ которой въ цѣляхъ украинизаціи стремилось гетманское правительство. Всего два-три члена собора — сторонники автокефаліи, пытались произносить рѣчи на украинскомъ нарѣчій. Во время одной такой рѣчи крестьянинъ хохоль спросилъ сосѣда - архимандрита, о чемъ говоритъ ораторъ, ибо онъ его не понималъ; а сосѣдъ оказался чистымъ великороссомъ, по происхожденію тамбовскимъ уроженцемъ. Соборъ вообще не понималъ ни слова, ни тѣмъ болѣе духа этихъ рѣчей. Онъ горячо стоялъ за единеніе со всей православной Россіей. Къ всероссійскому патриарху

онъ относился съ глубокимъ сочувствіемъ и сыновней почитательно-стью. Благодаря этому весь тотъ міръ призраковъ, которымъ жило государство, оказался совершенно чуждымъ церкви.

Бывало, слыша нѣмецкую рѣчь на улицахъ и читая раздражающія украинскія надписи — «поштова скринька» вмѣсто почтовый ящикъ или «спілка» вмѣсто союзъ, чувствуешь себя словно на чужбинѣ. На каждомъ шагу мучительныя напоминанія объ утратѣ родины, наглыя издѣвательства надъ русскимъ національнымъ чувствомъ. Приходишь въ церковь и сразу чувствуешь себя успокоеннымъ, удовлетвореннымъ. Церкви удалось сохранить въ полной неприкосновенности единый для всей православной Россіи богослужебный церковно-славянскій языкъ. Попытка ввести въ церковную службу уродливую украинскую «мову» успѣха не имѣла. Другое яркое напоминаніе о національномъ единствѣ — поминовеніе Тихона — патріарха московскаго и всея Руси во время литургіи. Чувствовалось, что это не буква, а жизнь. Въ украинскихъ храмахъ мы русскіе люди были у себя дома и это необычайно повышало ощущеніе нашей непосредственной близости къ церкви. Приятно и новшество, котораго не было въ богослуженіи во времена дореволюціонныя. «Вѣрую» и «Отче нашъ» теперь исполняются въ храмахъ не однимъ клиромъ или хоромъ пѣвчихъ, а всѣмъ соборомъ молящихся. Въ этой новой бытовой подробности отразилось то оживленіе соборнаго начала, которое составляетъ характерную черту церковной жизни въ нашу смутную эпоху. Богослуженіе тѣмъ самымъ приобрѣтаетъ недостававшую ему раньше жизненность. Именно въ минуты этого соборнаго пѣнія молящихся охватываетъ и поднимаетъ чувство ожившей въ церкви родины.

Въ такія эпохи, какъ наша, становится яснымъ, какую силу приобрѣтаетъ въ церкви и черезъ церковь вѣра въ Россію. Мірское общество во всѣхъ слояхъ своихъ деморализовано; русскіе люди въ большинствѣ своемъ промѣняли родину на низкую корысть, забыли о ней ради классовыхъ интересовъ. А рядомъ съ этимъ въ церкви величайшій подвигъ безкорыстія и самоотверженія — героизмъ и мученичество. За оградой Кіево-Печерской лавры, на печерскомъ крѣпостномъ валу стоитъ крестъ, напоминающій о мученической кончинѣ митрополита Владиміра, убитаго большевиками на этомъ самомъ мѣстѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ убійцы, явившіеся въ келью святителя, требовали отъ него, чтобы онъ освободилъ монаховъ отъ монастырскаго послушанія и преобразовалъ монастырь на началахъ коммунистическаго равенства. Но митрополитъ оказался непоколебимо твердымъ до конца и по долгу пастырской совѣсти отвѣчалъ на эти домогательства рѣшительнымъ отказомъ. Тогда его вывели за монастырскую ограду и разстрѣляли.

Тутъ передъ нами одинъ изъ самыхъ изумительныхъ парадоксовъ нашей дѣйствительности. Съ одной стороны въ жизни все носитъ подобіе смерти, все свидѣтельствуешь объ общественномъ разложеніи и гніеніи, о смертельной болѣзни Россіи. Съ другой стороны крестъ на мѣстѣ кончины митрополита-мученика, да кресты на могилахъ безвременно погибшихъ офицеровъ-мучениковъ — яркія свидѣтельства о неумирающей жизни Россіи. Не все въ ней погибло. Есть

въ ней великія непобѣдимыя духовныя силы, есть люди неспособные капитулировать передъ зломъ и умирающіе за правду. Вотъ о чемъ намъ говорятъ эти кресты. Это духовныя точки опоры для нашей вѣры въ родину. Вспоминая этихъ дорогихъ отошедшихъ, проникаешься чувствомъ неизъяснимой бодрости. И становится очевиднымъ, что своею смертію эти люди сдѣлали для Россіи безконечно больше, чѣмъ можетъ сдѣлать для нея человекъ всею своею жизнью. Они пробудили ту вѣру, которая горы передвигаетъ и тѣмъ самымъ совершили то величайшее дѣло, отъ котораго зависитъ наше спасеніе. Чтобы спасти Россію, надо прежде всего повѣрить въ правду Божию и въ нее, какъ поборницу этой правды. Политика, искавшая спасенія Россіи не въ ней самой, а въ иноземной помощи, не спасала именно потому, что не вѣрила или недостаточно вѣрила.

IV. ПЕРЕѢЗДЪ ВЪ ОДЕССУ.

Возстаніе Петлюры вынудило насъ бѣженцевъ изъ Совдепіи ко второму бѣгству изъ Кіева. Одесса, какъ прибрежный городъ занятый французскими войсками, намѣчалась само собою не только какъ безопасное мѣстопробываніе, но и какъ новый центръ нашей дѣятельности. Пробываніе въ Одессѣ единственнаго дипломатическаго представителя союзныхъ державъ — французскаго генеральнаго консула Энно дѣлало именно ее наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для сношеній съ союзниками. Во всѣхъ прочихъ центрахъ юга Россіи, не исключая и Екатеринодара, были лишь третьестепенные дипломатическіе агенты безъ достаточныхъ полномочій, къ тому же весьма плохо осведомленные о томъ, что творилось у нихъ дома и даже о намѣреніяхъ ихъ правительствъ. Россія вообще была заброшеннымъ союзниками угломъ. Они не позаботились даже объ установленіи съ нею правильныхъ телеграфныхъ и радіотелеграфныхъ сношеній. Радіотелеграммы были чрезвычайно скудны. Нерѣдко были и ложныя; при томъ сенсаціонныя радіотелеграммы, на примѣръ, сообщеніе о мнимомъ низверженіи Клемансо въ моментъ оставленія французами Одессы. Съ перваго же моего появленія въ Одессѣ я былъ пораженъ тѣмъ фактомъ, что консулъ Энно былъ вынужденъ посылать всѣ скольконибудь пространныя, хотя иногда и весьма спѣшныя сообщенія, не телеграммами, а курьерами, которые отправлялись во Францію на миноносцахъ.

Мнѣ пришлось попасть въ Одессу одному изъ первыхъ. До меня изъ членовъ Совѣта государственнаго объединенія тамъ находились лишь члены яской делегаціи съ барономъ Меллеромъ Закомельскимъ во главѣ. Я былъ командированъ туда изъ Кіева съ порученіемъ побудить французовъ къ скорѣйшей присылкѣ отряда для освобожденія Кіева отъ осаждающихъ его войскъ Петлюры.

Когда началось движеніе Петлюры, престижъ союзниковъ, какъ сказано, стоялъ необычайно высоко. Всѣ ждали ихъ выступленія и возмущались медленностью ихъ приготовленій. Мнѣ и моему спутнику А. С. Хрипунову было поручено довести до свѣдѣнія Энно, что

это промедленіе, кромѣ захвата Кіева, можетъ имѣть другія неисчислимыя послѣдствія: движеніе большевиковъ внутрь Украины и захватъ большевиками несмѣтныхъ сокровищъ — запасовъ хлѣба, угля, сукна, оружія и т. п. Премьеръ министръ послѣдняго русскаго кабинета гетмана — С. Н. Гербель нѣсколько наивно признавался намъ въ томъ, что въ расчетъ на будущее наступленіе союзныхъ и русскихъ войскъ «нарочно» оставилъ нетронутыми богатые хлѣбные запасы и сукно (въ Клинцахъ) на сѣверѣ Черниговской и Харьковской губерній, какъ разъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Совдепией. Онъ побуждалъ насъ къ скорѣйшему отъѣзду. «Кіевъ можетъ продержаться еще восемь дней», говорилъ онъ, «за дальнѣйшее я не ручаюсь». И это не смотря на то, что и у Петлюры настоящихъ войскъ было мало. Хорошихъ солдатъ по официальнымъ свѣдѣніямъ было не болѣе трехъ тысячъ. Остальные были шайки грабителей изъ возставшихъ крестьянъ. Безопасность Кіева при этихъ условіяхъ зависѣла всецѣло отъ нѣмцевъ, которые играли во всѣхъ этихъ событіяхъ весьма двойственную роль. Съ одной стороны они провозгласили «нейтралитетъ» и невмѣшательство въ домашнія ссоры русскихъ съ украинцами, съ другой — выходило сплошь да рядомъ, что этотъ нейтралитетъ служилъ на пользу украинцевъ. Одинъ изъ немногихъ успѣховъ добровольцевъ былъ остановленъ нѣмецкими войсками, которыя объявили, что въ данномъ мѣстѣ нейтральная полоса, и потребовали прекращенія военныхъ дѣйствій какъ разъ въ важный моментъ преслѣдованія добровольцами дрогнувшихъ петлюровцевъ. Энно изъ Одессы оказывалъ давленіе на нѣмцевъ въ нашу пользу и благодаря этому они объявили, что не допустятъ уличныхъ боевъ въ Кіевѣ. Но въ общемъ нѣмцы были въ высшей степени ненадежны. Ихъ командованіе, сохранившее не смотря на революцію нѣкоторое вліяніе на солдатъ, явно симпатизировало петлюровцамъ. Оно, видимо, продолжало традиціонную политику нѣмецкой дипломатіи, стремившейся къ расчлененію Россіи.

При этихъ условіяхъ откладывать нашу поѣздку въ Одессу было дѣйствительно невозможно. Но затрудненіе заключалось въ томъ, что Кіевъ былъ обложенъ почти со всѣхъ сторонъ. Въ моментъ нашего отъѣзда былъ свободенъ только путь на Харьковъ. Туда насъ и направили, но съ предупрежденіемъ принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности. «У васъ, конечно, есть фальшивые паспорта», заботливо внушала намъ напутствовавшій насъ министръ путей сообщенія и, подумавъ, добавилъ: «впрочемъ, кто же не знаетъ, что теперь нельзя путешествовать безъ фальшиваго паспорта». Это было мое послѣднее впечатлѣніе отъ украинскаго правительства. Совѣтъ обзавестись фальшивымъ паспортомъ. Можно ли подыскать болѣе яркое изображеніе призрачности того государства, гдѣ министры вынуждены давать подобные совѣты. Министръ былъ правъ. Фальшивый паспортъ на имя Евгенія Николаевича Торленко съ моимъ портретомъ, припасенный еще въ Совдепії, пригодился въ дорогѣ.

Переѣздъ до Харькова обошелся безъ какихъ либо осмотровъ, хотя близъ станціи Ромоданы Полтавской губерніи мы проѣзжали въ непосредственномъ сосѣдствѣ отъ поля сраженія, видѣли стояв-

шія недалеко другъ отъ друга петлюровскія и наши войска. Генераль, занимавшій Ромоданы, спѣшившій съ эвакуаціей, не хотѣлъ насъ пропускать, говоря, что раньше онъ долженъ эвакуировать четыре поѣзда съ воинскимъ имуществомъ. Но на наше счастье съ нами ѣхало желѣзнодорожное начальство, а въ то же время изъ Кіева за движеніемъ нашего поѣзда слѣдилъ С. Н. Гербель. Желѣзнодорожники во время дали телеграмму въ Кіевъ и отвѣтной телеграммой оттуда насъ велѣли пропустить. Мы счастливо проскочили въ Харьковъ, откуда мы должны были искать путь къ морю и въ Одессу, куда иначе какъ моремъ проникнуть было нельзя.

Свѣдѣнія полученныя нами въ Харьковѣ были весьма безотрадны: путь на Севастополь оказался почти отрѣзаннымъ, такъ какъ близъ станціи Синельниково дѣйствовала разбойничья банда знаменитаго Махно, которая останавливала поѣзда и нещадно ихъ грабила. А путь на Новороссійскъ былъ перерѣзанъ другой бандой. Поѣзда, впрочемъ, ходили какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи. Въ виду важности даннаго намъ порученія ѣхать было все-таки необходимо. А ждать было невыносимо, какъ въ виду срочности порученія, такъ и въ виду событій назрѣвавшихъ въ Харьковѣ. Приходъ большевиковъ тамъ ожидался со дня на день. На желѣзнодорожномъ вокзалѣ прислуга, ожидавшая прихода большевиковъ, держала себя необыкновенно нахально и грубила пассажирамъ. Лакей, вообразившій, что я ѣду на сѣверъ, говорилъ мнѣ: «чего вы къ большевикамъ ѣдете, не стоитъ, они сами сюда придутъ».

Въ виду неизбежности поѣздки мы выбрали кратчайшій путь на Севастополь. Въ дорогѣ наши фальшивые паспорта провѣрялись петлюровцами. Мы ждали съ волненіемъ Махно и на всякій случай прикололи имѣвшіяся у насъ пачки «керенокъ» къ оконной занавѣскѣ съ задней стороны, обращенной къ окну. Предосторожность оказалась лишней. Махно, наканунѣ ограбившій поѣздъ, шедшій въ тѣ же часы, оставилъ насъ въ покоѣ. Онъ, видимо, обладалъ природой удава, который, только что проглотивъ добычу, на другой день ее перевариваетъ, а потому пока не нападаетъ.

По приѣздѣ въ Севастополь насъ встрѣтили пассажиры съ предыдущаго поѣзда съ распросами: «ну что, ну что, какъ доѣхали» и рассказали, что ихъ обобрали до нитки, у нѣкоторыхъ отняли даже шапки. Синельниково мы проспали и только рано утромъ были разбужены выстрѣлами. «Ну, все пропало, грабятъ», раздался голосъ полусоннаго пассажира. Поѣздъ вскорѣ тронулся. Стрѣляли не грабители, а офицеры-добровольцы, которые остановили насъ для осмотра и провѣрки документовъ. Отъ одного изъ этихъ добровольцевъ я узналъ о томъ, какъ грабятъ поѣзда въ пути. «Какъ то разъ, началъ онъ, постучались мы въ запертое купѣ перваго класса, но оттуда женскій голосъ отвѣчалъ: скорѣе застрѣлюсь, но не открою дверь. Что дѣлать? Мы обязаны осматривать, пришлось взломать купѣ. И увидели мы тамъ совершенно раздѣтую женщину безъ вещей, безъ денегъ и безъ платья. Вотъ какъ очистили».

Въ Севастополѣ произошла первая наша встрѣча съ союзниками. Дипломатическихъ агентовъ, какъ сказано, тамъ не было. Но тамъ

находился небольшой англійскій десантъ и стояла англійская эскадра съ адмираломъ Кольторномъ во главѣ. Мы рѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы довести до свѣдѣнія союзниковъ объ ожидаемомъ паденіи Кіева и о необходимости помощи. Тутъ передъ нами въ первый разъ обрисовалась вся трагическая безысходность положенія.

Первое тяжелое впечатлѣніе произвели на насъ свои же, русскіе. Мы попытались устроить свиданіе съ англичанами черезъ мѣстныхъ властей. Должностное лицо, къ которому мы за этимъ обратились, заявило намъ, что теперь оно не у власти, такъ какъ вся власть переходитъ къ демократической думѣ: «вотъ, въ сосѣдней комнатѣ сидятъ ихъ представители, мы ихъ спросимъ». Чиновникъ, посланный съ вопросомъ къ «демократамъ», вернулся съ отвѣтомъ, что демократы сами спрашиваютъ, петлюровцы мы или гетманцы и вообще къ какой партіи мы принадлежимъ. Послѣ этого было рѣшено съ лѣвыми не связываться. Если бы они узнали о нашей партійности, отъ нихъ нельзя было бы ожидать ничего кромѣ пакостей. Мы рѣшили попытаться проникнуть къ англичанамъ безъ всякой мѣстной рекомендаціи. Это и удалось безъ труда.

Мы попали на англійскій броненосецъ. Но самъ адмиралъ въ это время былъ занятъ разговоромъ съ начальникомъ нѣмецкаго гарнизона, еще находившагося въ Севастополѣ. Поэтому вмѣсто адмирала насъ принялъ его начальникъ штаба. За всю жизнь я не помню официальнаго пріема болѣе холоднаго и непріятнаго. Англичанинъ не подалъ намъ руки и, выслушавъ наше сообщеніе, отвѣтилъ намъ, злобно смотря на насъ: «Мы кончили великую европейскую войну, а вы хотите вовлечь насъ въ войну, можетъ быть еще болѣе трудную. Нѣтъ, извините, о возрожденіи Россіи должны заботиться сами русскіе. Мы занимаемъ здѣсь портовые города, которые намъ нужны. А Кіевъ и Харьковъ далеко. Позаботьтесь о нихъ сами». Въ сухомъ и холодномъ тонѣ, какимъ это говорилось, чувствовались непріязнь и безграничное презрѣніе къ Россіи. Къ тому же отъ нашего собесѣдника мы узнали поразившую насъ громомъ вѣсть о вступленіи въ Одессу войскъ Петлюры. Англичанинъ, видимо, тѣшился нашимъ отчаяніемъ. «Вы напрасно говорите, что они бандиты», замѣтилъ онъ. «По нашимъ свѣдѣніямъ, это прекрасно дисциплинированныя войска и въ Одессѣ господствуетъ порядокъ».

Мы поспѣшили откланяться. И когда мы очутились на берегу, встрѣчные нѣмецкіе офицеры показались намъ симпатичными по сравненію съ англичаниномъ.

Возникалъ вопросъ, стоитъ ли ѣхать дальше. Но жребій былъ брошенъ. Даже отчаявшись въ надеждѣ добиться помощи, мы должны были ѣхать въ Одессу, чтобы узнать отъ Энно о видахъ на будущее и соотвѣтственно съ этимъ предупредить нашихъ друзей и единомышленниковъ въ Кіевѣ о томъ, что ихъ ожидаетъ, и побудить ихъ къ отъѣзду, если это окажется нужнымъ. Пребываніе въ Одессѣ при наличіи тамъ петлюровцевъ было не безопасно. Но съ нами были наши фальшивые паспорта, которые на первое время послужили намъ защитой.

Отдохнувши благодряя пріятному морскому путешествію, мы очутились въ Одессѣ, гдѣ первоначально остановились и прописали наши фальшивые паспорта въ дрянной и грязной гостиницѣ третьяго разряда. Оттуда мы отправились непосредственно къ Энно, проживавшему въ Лондонской гостиницѣ, и получили совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ отъ разговора съ англичанами. Но все же мучительная тревога за будущее не была разсѣяна и этимъ свиданіемъ. Въ концѣ Екатерининской улицы, въ непосредственной близости отъ Лондонской гостиницы насъ остановили французскіе часовые и польскіе легіонеры. Оказалось, что мы подошли къ французской зонѣ, охватывавшей портъ и часть прибрежной полосы. Ненормальность положенія бросалась въ глаза. Во французской полосѣ кромѣ польскихъ легіонеровъ находился весь одесскій отрядъ добровольцевъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сражавшійся съ петлюровцами на границахъ зоны. Обѣ враждующія арміи находились на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ одна отъ другой. Когда нѣкоторые изъ добровольцевъ, пользуясь фактически установившимся перемиріемъ, отважились на прогулку за предѣлами зоны, петлюровцы срывали съ нихъ погоны. Было очевидно, что такъ долго продолжаться не можетъ. Положеніе было опаснымъ и сначала не намѣчалось опредѣленнаго выхода. А между тѣмъ уже самый фактъ вторженія бандъ Петлюры въ Одессу былъ тяжелымъ ударомъ престижу тѣхъ, что побѣдили нѣмцевъ. Мы, пріѣхавшіе искать защиты у непобѣдимой силы французской арміи, на границахъ зоны впервые испытали мучительное для насъ ощущеніе безсилія побѣдителей. И мы недоумѣвали, что это значитъ, какъ это понять. Какъ могли французы попасть въ столь грязную лужу, получить это неожиданное посрамленіе отъ ничтожнаго отряда, наполовину состоявшаго изъ разбойничьихъ бандъ, когда силъ небольшого французскаго десанта и мощной артиллеріи французскихъ броненосцевъ, стоявшихъ въ порту, было вполне достаточно, чтобы стереть съ лица земли самое воспоминаніе объ этой сволочи. Увы, то же впечатлѣніе рокового безсилія побѣдителей продолжалось до самаго конца моего пребыванія въ Одессѣ, а «недоумѣнные вопросы» кончились лишь въ ту минуту, когда я понялъ, что ставка на французовъ разъ навсегда и притомъ безнадежно провалилась.

Во французскую зону насъ пропустили сравнительно легко, а въ Лондонской гостиницѣ у моего спутника А. С. Хрипунова нашелся вліятельный пріятель Н. Н. Богдановичъ (впослѣдствіи помощникъ одесскаго градоначальника), который безъ труда тутъ же устроилъ намъ пріемъ у Энно. Послѣдній искренно обрадовался пріѣзду членовъ Совѣта государственнаго объединенія и немедленно предложилъ намъ переѣхать въ Лондонскую гостиницу, въ реквизированный французскими властями номеръ, подъ защиту французскаго оружія, что мы немедленно исполнили, прописавъ на этотъ разъ наши подлинныя паспорта.

Оказалось, что пріѣздъ нашъ былъ какъ нельзя болѣе кстати. Энно, встрѣтившій насъ чрезвычайно пріятливо, какъ искренній другъ Россіи, жаловался намъ на то, что въ эту критическую минуту онъ остался одинъ безъ русскихъ совѣтниковъ. Даже тѣ, кто былъ рань-

ше въ Одессѣ, послѣ втроженія петлюровцевъ поспѣшно уѣхали въ Крымъ. Мы тутъ же составили телеграммы въ Крымъ и Кіевъ—звать всѣхъ членовъ нашей организаціи въ Одессу. Энно выразилъ полное удовлетвореніе, просилъ насъ остаться съ нимъ въ эти тревожные дни и началъ съ нами откровенную, чрезвычайно волнующую бесѣду.

Съ первыхъ же словъ мы убѣдились, что имѣемъ дѣло съ человекомъ, который прекрасно знаетъ и тонко понимаетъ Россію, и при этомъ чрезвычайно ей преданъ и убѣжденъ, что возстановленіе единой и неделимой Россіи необходимо для безопасности Франціи въ будущемъ. Мы тотчасъ поняли, что весь тотъ освѣдомительный матеріалъ, который мы привезли съ собою въ Одессу, совершенно бесполезенъ, такъ какъ Энно знаетъ не меньше, а гораздо больше насъ. Такъ мы хотѣли освѣдомить его о связи германцевъ съ петлюровцами. А онъ показалъ намъ цитаты изъ своего рапорта министру иностранныхъ дѣлъ Пишону, гдѣ говорилось, кто изъ петлюровцевъ, когда и сколько получилъ во время войны нѣмецкихъ и австрійскихъ денегъ. Всѣ характеристики отдѣльныхъ лицъ были совершенно точны. Онъ зналъ, кто изъ петлюровцевъ подкупленъ и кто честенъ. Отъ него не ускользнулъ ни тотъ фактъ, что Грушевскій продажный негодяй, ни тотъ, что Петлюра убѣжденный, но наивный фанатикъ. *C'est un esprit honnête dans le sens français du mot, me comprenez vous? — Vous voulez dire borné?* пояснилъ я. *C'est ça, nous nous comprenons* *).

Призрачность украинства была для него такъ же очевидна, какъ и для насъ. Онъ ясными словами говорилъ Пишону, что это, во первыхъ, большевицкій маскарадъ, который можетъ обманывать только наивныхъ, а во вторыхъ плодъ нѣмецкой интриги, попытка нѣмцевъ отыграться на Украинѣ за проигрышъ войны. Я знаю, говорилъ онъ, если мы не возстановимъ единую Россію, всѣ наши побѣды сведутся къ нулю; нѣмцамъ нужно расчленивъ Россію, чтобы со временемъ имѣть возможность насъ раздавить.

Я слушалъ эти умныя рѣчи со смѣшаннымъ чувствомъ. Мнѣ было и радостно, и страшно. Слава Богу, говорилъ я себѣ, у французовъ есть здѣсь представитель, ясно сознающій положеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я недоумѣвалъ, какъ это все дѣлается французами на югѣ Россіи какъ разъ вразрѣзъ съ этимъ яснымъ сознаніемъ спасительнаго для Россіи и Франціи пути. Вспоминались дошедшіе до насъ еще въ Кіевѣ тревожные слухи о непрочности положенія Энно.

Мысли, зарождавшіяся во мнѣ по этому поводу, приняли совершенно ясную конкретную форму, когда я прочелъ Энно французскій мемуаръ Совѣта государственнаго объединенія, написанный мною и одобренный Совѣтомъ, который поручилъ намъ настоять на отсылкѣ этого мемуара Пишону и Клемансо. Тамъ мы указывали на международную опасность большевизма въ виду его всемірно-завоевательныхъ стремленій. Мы доказывали ту простую, ясную для насъ истину, что программа большевизма, составляющая его сущность, война

---

*) Это честный умъ — во французскомъ смыслѣ этого слова. Вы меня понимаете? — Вы хотите сказать — ограниченный? — Именно такъ, мы понимаемъ другъ друга.

противъ буржуазіи всѣхъ странъ. «Коммунизмъ, говорилось въ мемуарѣ, существуетъ или вездѣ, или нигдѣ». Если русскій гражданинъ можетъ быть владѣльцемъ недвижимости и капиталовъ во Франціи или французъ можетъ владѣть капиталомъ или землей въ Россіи, это значитъ, что нѣтъ коммунизма ни въ Москвѣ, ни гдѣ бы то ни было. Для большевизма поэтому всемірное осуществленіе коммунизма — вопросъ жизни или смерти. И пока большевики у власти въ Москвѣ, всѣ средства русскаго казначейства будутъ затрачиваться на пропаганду съ единственной цѣлью всюду зажечь междоусобную войну, которая теперь происходитъ въ Россіи.

«Я съ удовольствіемъ пошлю вашъ мемуаръ съ первымъ же митингомъ въ Парижъ, сказалъ Энно, но только долженъ васъ предупредить: меня вамъ убѣждать незачѣмъ, такъ какъ я совершенно съ вами согласенъ, а убѣдите ли вы тѣхъ тамъ въ Парижѣ — другой вопросъ. Какъ бы дѣло не ограничилось доставленіемъ имъ пріятнаго чтенія послѣ завтрака. Но вѣдь не о литературѣ же вы заботитесь». И онъ обѣщаль не только послать мемуаръ, но и использовать его въ рапортѣ. Я ясно почувствовалъ, что «у нихъ тамъ въ Парижѣ» какія то глубокія внутреннія препятствія къ пониманію, быть можетъ, даже нежеланіе понимать, вслѣдствіе чего не только нашъ мемуаръ, не только Энно, но и самъ Клемансо, который несомнѣнно понимаетъ, рискуетъ остаться непонятымъ. И чѣмъ дальше я жилъ въ Одессѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе становилась для меня природа этихъ внутреннихъ препятствій.

Разговоръ перешелъ на мѣстныя одесскія впечатлѣнія и тутъ я испыталъ мучительное чувство стыда за своихъ соотечественниковъ. Энно рассказалъ намъ, какъ и почему была сдана Одесса. Оказалось, что ее было можно и должно защищать. Но одесскимъ отрядомъ Добровольческой арміи командоваль недостойный и неспособный генераль. вмѣсто того, чтобы оказать сопротивление, онъ увелъ и укрылъ весь свой отрядъ на пароходѣ добровольческаго флота «Саратовъ» и городъ былъ сданъ. Когда Энно потребоваль у этого полководца объясненій его дѣйствій, тотъ отвѣчалъ: «да, что же мнѣ оставалось дѣлать?». «Вы спрашиваете меня, что дѣлать» — отвѣчалъ Энно, «выполнить вашъ долгъ, генераль» и не подалъ ему руки на прощаніе.

«Вы знаете, продолжалъ мой собесѣдникъ, я преданъ Россіи, я скоро вступлю въ родство съ ней (Энно въ то время былъ женихомъ патристически настроенной русской еврейки), это моя вторая родина. Но этого эпизода постыдной сдачи Одессы я цѣликомъ французамъ не рассказываю. Если какой либо французскій генераль встрѣтится съ этимъ русскимъ генераломъ, я вамъ ручаюсь, дѣло Россіи проиграно — *la cause de la Russie est perdue*».

Мнѣ было невѣроятно больно слушать этотъ рассказъ. Но слушая, я все таки недоумѣваль. Да, русскій генераль велъ себя постыдно, но вѣдь вся его команда въ шестьсотъ человекъ легко умѣстилась на одномъ пароходѣ. Что же дѣлали въ то время двѣ тысячи французовъ, да тысяча польскихъ легіонеровъ имъ подчиненныхъ,

если цифра въ шестьсотъ добровольцевъ признавалась вполне достаточной для защиты города?

Основательность этого моего недоумѣнія получила черезъ нѣсколько дней полное подтвержденіе. Энно видимо получилъ изъ Парижа то разрѣшеніе приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, котораго онъ добивался. «Завтра не будетъ зоны въ Одессѣ, у насъ будетъ весь городъ, русскій городъ», сказалъ онъ мнѣ съ радостнымъ лицомъ.

Такъ и вышло. На другой день я былъ разбуженъ неистовой пальбой—ружейной и орудійной. Наши пушки палили у самой Лондонской гостиницы. Къ концу дня пальба стала удаляться и стихать, а на другой день она и вовсе прекратилась. Городъ былъ нашъ. Шестьсотъ добровольцевъ прогнали изъ Одессы три тысячи петлюровцевъ; въ ихъ рядахъ было лишь немного французскихъ офицеровъ. Раненъ былъ всего одинъ французъ на суднѣ орудійнымъ выстрѣломъ. За то добровольцы потеряли убитыми и ранеными треть своего состава — двѣсти человекъ. Честь добровольческой арміи была восстановлена благодаря смѣнѣ недостойнаго генерала энергичнымъ генераломъ Гришинымъ-Алмазовымъ. Французскій генераль Боріусъ далъ лестный отзывъ о блестящемъ поведеніи доблестныхъ русскихъ офицеровъ. Но снова возникалъ вопросъ, о чемъ же раньше думали французы, почему они дали посадить себя въ калошу? Впослѣдствіи, когда я присмотрѣлся къ французскимъ солдатамъ, я понялъ, въ чемъ дѣло. Я видѣлъ солдата на часахъ, который приставилъ ружье къ караульной будкѣ и, скрестивши руки, около него прогуливался. Живо вспомнилось мнѣ замѣчаніе русскаго извозчика курящимъ нѣмецкимъ часовымъ: у насъ въ русской арміи бывало за это разстрѣливали. И я не могъ удержаться отъ мысли: побѣдители нѣмцевъ тоже чѣмъ то подточены. Они просто на-просто «отвоевали» и никакими силами въ мірѣ нельзя заставить ихъ послѣ міровой войны начать новую войну, хотя бы и маленькую. Ибо и маленькая война для cadaго можетъ окончиться смертью. А перемиріе было принято всѣми этими измученными и уставшими людьми, какъ безцѣнное обѣтованіе жизни. Кончилось царство смерти, теперь жизнь во что бы то ни стало и какой бы то ни было цѣной, хотя бы для этого пришлось пожертвовать престижемъ Франціи и кричать: да здравствуютъ большевики.

V. ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ОДЕССѢ. НАРОДНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАСТРОЕНІЯ.

Отъ пребыванія въ Одессѣ у меня осталось впечатлѣніе, быть можетъ, еще болѣе тягостное, чѣмъ отъ пребыванія на Украинѣ. И русскіе способствовали этому не меньше, чѣмъ французы. Я чувствовалъ себя въ атмосферѣ общественнаго разложенія, въ странѣ обреченной большевизму. Было очевидно, что торжество его задерживается только внѣшней силой, только страхомъ. Поэтому ухода французовъ въ

Одессъ боялись совершенно такъ же, какъ незадолго передъ тѣмъ — ухода нѣмцевъ въ Кіевъ.

Всѣмъ намъ было прекрасно извѣстно, что городъ кишмя кишитъ большевиками, что въ немъ денно и ночью ведется большевистская пропаганда какъ среди русскаго простонародья, такъ и среди французскихъ солдатъ. Доходили свѣдѣнія (потомъ по уходѣ французовъ подтвердившіяся), что весь городъ раздѣленъ большевиками на участки, что въ каждомъ участкѣ имѣется заранѣе намѣченный комиссаръ, что существуетъ уже, хотя пока на нелегальномъ положеніи, совѣтъ рабочихъ депутатовъ, который только ждетъ благоприятной минуты, чтобы объявиться и организовать возстаніе. Обыватели объ этомъ знали, полиція или не знала, или не хотѣла знать, или не умѣла выслѣдить.

Пропагандѣ способствовало то ненормальное положеніе, которое создалось благодаря пассивному образу дѣйствій французовъ. Городъ былъ окруженъ тѣснымъ кольцомъ петлюровской блокады, а французы противъ него долго ничего не предпринимали. Снабженіе предметами продовольствія было до крайности затруднено, а потому и цѣны стояли въ Одессъ такія, какихъ я въ то время нигдѣ на югѣ Россіи не помню: фунтъ хлѣба иногда доходилъ до семи рублей и болѣе. Поэтому на базарахъ слышался народный ропотъ, который, разумѣется, муссировался большевиками. «Ѣсть нечего, хоть помпай» — говорили одни. «Надо умѣть доставать» — отвѣчали другіе, «всѣ припасы въ Лондонской гостиницѣ припрятаны, тамъ ихъ и доставайте». Этотъ кивокъ на Лондонскую гостиницу былъ направленъ не только въ сторону Энно, тамъ жили нѣкоторые видные представители власти, тамъ же былъ центръ дѣятельности Совѣта государственнаго объединенія. Многіе номера были заняты его членами, въ одномъ помѣщалась его канцелярія. Въ той же гостиницѣ происходили засѣданія совѣта и его бюро. Словомъ, Лондонская гостиница была центромъ франко-русскаго официальнаго міра и въ то же время центромъ дѣятельности наиболѣе могущественной буржуазной организациі. При этомъ ресторанъ гостиницы, возбуждавшій зависть большевиковъ, всегда былъ переполненъ обѣдающими, не смотря на неимоверно дорогую цѣну — по сорока рублей за обѣдъ.

Большевизмъ поддерживался въ Одессъ и чрезмѣрнымъ изобиліемъ уголовнаго элемента... Ни въ одномъ городѣ Россіи не было такого количества «налетовъ», т. е. разбойничьихъ нападеній днемъ и ночью, на улицахъ и въ домахъ. Выходить вечеромъ было опасно. Я не помню ни одного вечера безъ многихъ и частыхъ выстрѣловъ. Возвращаясь домой послѣ встрѣчи новаго года, одинъ мой знакомый насчиталъ свыше ста сорока выстрѣловъ. Любителей пограбить было въ Одессъ исключительно много и всѣ они, разумѣется, съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали прихода большевиковъ.

Не болѣе отрадное впечатлѣніе производили и образованные классы населенія. *Il parait qu'ici le patriotisme n'est que l'apanage des classes cultivées de la société**), сказалъ мнѣ однажды Энно. Слова

*) Повидимому здѣсь патріотизмъ — свойство однихъ образованныхъ классовъ общества.

эти были не совсѣмъ справедливы только потому, что патріотизмъ въ Одессѣ являлся достояніемъ отнюдь не всего образованнаго класса, а только нѣкоторой его части. Нигдѣ въ Россіи я не наблюдалъ большей деморализаціи, чѣмъ въ Одессѣ.

Нѣкоторое объясненіе этого явленія заключается въ томъ, что Одесса скорѣе космополитическій, чѣмъ русскій городъ; въ ней много грековъ и евреевъ. Я никогда не былъ іудофобомъ и не сочувствую современному стремленію изображать евреевъ, какъ единственныхъ или даже главныхъ виновниковъ гибели Россіи. Но съ другой стороны было бы странно ожидать, чтобы еврейская интеллигенція могла стать носительницей русскаго патріотизма. Бываютъ, конечно, блестящія исключенія изъ общаго правила: русская еврейка, г-жа Энно, какъ я уже сказалъ, пріятно поражала своимъ горячимъ русскимъ патріотизмомъ и въ этомъ смыслѣ несомнѣнно оказывала благотворное вліяніе на своего мужа. Изъ за нея онъ даже навлекъ на себя обвиненіе недоброжелателей изъ французовъ. О немъ говорили, что онъ, женатый на русской, ведетъ не французскую политику. Въ этомъ заключалась одна изъ причинъ послѣдующаго удаленія Энно изъ Одессы.

Но повторяю, это не правило, а исключеніе. Оно поражаетъ тѣмъ болѣе, что отсутствіе патріотизма въ Одессѣ вовсе не было особенностью однихъ евреевъ. Вспоминаю эпизодъ, ярко обрисовавшій для меня мѣстныя русскія лѣвыя настроенія. Я готовился къ поѣздкѣ въ Екатеринодаръ. Слухи объ этой поѣздкѣ какимъ то образомъ проникли въ печать. Вдругъ по этому поводу является ко мнѣ депутація изъ трехъ лицъ отъ одной изъ студенческихъ организацій. Всѣ три депутата несомнѣнно русскіе и по фамиліямъ, и по типамъ. Думаю, что русскіе были выбраны въ депутацію не безъ умысла. Депутаты объяснили, что въ университетѣ объявлена мобилизація и просили походатайствовать передъ генераломъ Деникинымъ, «чтобы мобилизація была не принудительная, а добровольная».

Завязался разговоръ. Я объяснилъ депутатамъ, что мобилизація по существу своему принудительная мѣра и что «добровольная мобилизація» вещь нигдѣ въ мірѣ не осуществимая. Изъ объясненій ихъ мнѣ стало ясно, что они просятъ въ сущности объ отмѣнѣ мобилизаціи и о замѣнѣ ея наборомъ добровольцевъ, но при этомъ нѣсколько конфузятся, а потому не рѣшаются называть вещи ихъ именами.

Я откровенно высказалъ имъ, что привыкъ понимать русскую молодежь, но ихъ просто не понимаю. «Вѣдь вы же несомнѣнно не большевики, сказалъ я, иначе бы вы ко мнѣ не обращались; почему вы не хотите принять участіе въ борьбѣ за Россію противъ большевиковъ?» — «Профессоръ, отвѣчали они, мы не отказываемся отъ борьбы, но эта мобилизація классовая. Мобилизуются студенты, но не мобилизуются широкія демократическія массы населенія. Вотъ мы боимся попасть въ неловкое положеніе по отношенію къ этимъ массамъ». — «Но вѣдь вы, господа, прекрасно знаете, что эти массы въ Одессѣ насквозь большевицкія. Почему же вы ихъ конфузитесь и не рѣшаетесь отъ нихъ отдѣлиться? Я повторяю, что не понимаю васъ». Тутъ мои собесѣдники окончательно смутились, стали было оправдывать-

ся, но вскорѣ ушли. Меня такъ и обдало отъ этой бесѣды типическимъ интеллигентскимъ настроеніемъ. *Прежде всего демократія, потомъ уже Россія.* Еще хорошо, если ея очередь приходитъ хотя бы послѣ демократіи. Чаше встрѣчаются такіе типы, которые молятся на демократію и совершенно забываютъ о Россіи. Они *боятся* патріотизма, ко всякому патріотическому движенію и чувству они подходятъ съ вопросомъ: «а демократично ли оно», и при этомъ боязливо озираются налѣво. Въ этихъ слояхъ русскаго общества я чувствовалъ стихійную ненависть къ добровольческой арміи. Ненависть эта объясняется многими причинами, о которыхъ я въ свое время поговорю. Но изъ нихъ главная — убѣжденіе въ томъ, что добровольческая армія «не демократична» и «реакціонна».

Вообще вся интеллигенція въ Одессѣ производила на меня впечатлѣніе чего-то насквозь гнилого и мертвеннаго. Отсутствіе живой души и рабство передъ заученными казенными формулами современнаго демократизма, вотъ наиболѣе выдающаяся и типическая черта этихъ людей. Встрѣчалъ я среди нихъ и людей порядочныхъ, которые «хотѣли быть патріотами». Но именно безпомощность этого исканія путей къ патріотизму и производила наиболѣе тягостное впечатлѣніе. Они слышали звонъ, но не знали, гдѣ онъ, были не прочь «полюбить Россію», но не знали, какъ это дѣлается, и въ особенности, какъ можно совмѣстить эту любовь съ «демократизмомъ».

Какъ разъ въ Одессѣ мнѣ приходилось наблюдать этихъ людей на продолжительныхъ и частыхъ совѣщаніяхъ буржуазныхъ и социалистическихъ организацій. Со стороны лѣвыхъ участвовали представители «Союза Возрожденія» и «Симферопольскаго объединенія земствъ и городовъ». Съ нашей стороны — представители Совѣта государственнаго объединенія и «Національнаго центра». Въ числѣ лѣвыхъ были эсеры, эсдеки — меньшевики и народные социалисты. Съ нашей стороны были представители буржуазныхъ партій разныхъ оттѣнковъ — кадеты, бывшіе прогрессисты, октябристы и даже одинъ націоналистъ.

Интересенъ самый поводъ совѣщаній. Французы ставили непременнымъ условіемъ своей помощи соглашеніе буржуазныхъ и социалистическихъ группъ. «Какъ мы можемъ помогать вамъ, говорили они, когда вы между собою не спѣлись». Требованіе это настойчиво повторялось еще въ 1917—1918 г. въ Москвѣ. Въ Одессѣ объ этомъ напоминалъ Энно, а нашимъ делегатамъ, вѣдшимъ въ Яссы къ генералу Бертело, говорили: „il faut que vous ayez une blouse d'ouvrier dans votre gouvernement, — il vous faut des noms socialistes“^{*)}). Социалистамъ повидимому тоже вмѣнялось въ обязанность объединиться съ бружуями. Собственно прямого ультиматума въ обращеніи къ намъ французовъ не было. Но мы прекрасно понимали, что требованіе объединенія русскихъ партій ставилось совершенно ультимативно по отношенію къ самимъ правительствамъ Франціи и Англіи. Имъ нужно было оправдывать свой образъ дѣй-

---

^{*)} Нужно, чтобы въ Вашемъ правительствѣ была рабочая блуза, Вамъ нужны социалистическія имена.

ствій передъ ихъ парламентами и отвѣчать на вопросъ, который ставился ребромъ: кому вы собственно хотите помочь, русской буржуазіи, русскимъ социалистамъ или единой Россіи? Мысль о помощи русской буржуазіи возмущала всѣхъ социалистовъ въ Англии и Франціи. Мысль объ односторонней помощи русскимъ социалистамъ не могла нравиться англійскимъ и французскимъ буржуазнымъ партіямъ. Отсюда обращенное къ намъ повелительное требованіе, чтобы мы образовали «единый демократическій фронтъ».

Было, къ сожалѣнію, слишкомъ много основаній думать, что передъ нами ставится задача неразрѣшимая. И, однако, для насъ была безусловно обязательна хотя бы даже безнадежная попытка ея разрѣшенія. Мы должны были имѣть возможность сказать союзникамъ, что съ нашей стороны сдѣлано все возможное, чтобы достигнуть соглашенія и что не мы виноваты въ томъ, что оно не могло состояться. Съ первыхъ же шаговъ я почувствовалъ, что между нами и лѣвыми есть пропасть, которая рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть заполнена. Думаю, что то же чувствовали и лѣвые. Тѣмъ не менѣе совѣщанія продолжались, согласительныя формулы вырабатывались, потому что ни та, ни другая сторона не хотѣла быть виновницей разрыва. И основная причина этого безнадежнаго расхожденія — все та же: для насъ цѣлью, къ которой мы стремились, была единая Россія, для нихъ прежде всего «демократія» и единая Россія лишь «постольку-поскольку».

Главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ о временномъ устройствѣ верховной власти впредь до окончанія войны. Лѣвые требовали директоріи изъ трехъ равноправныхъ членовъ — одного военного (за такового они готовы были признать главнокомандующаго вооруженными силами юга Россіи) и двухъ гражданскихъ. Напротивъ, первоначальная точка зрѣнія Совѣта государственнаго объединенія была чистая диктатура. Потомъ, чтобы не разрывать отношеній, представители Совѣта пошли на компромиссъ, который, впрочемъ, мало измѣнялъ дѣло. Они согласились на врученіе власти трехчленной коллегіи съ тѣмъ, чтобы военному ея члену были предоставлены, во первыхъ, право единоличнаго назначенія всѣхъ военныхъ должностныхъ лицъ, а во вторыхъ, исключительное право объявлять военное положеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это окажется нужнымъ. При этихъ условіяхъ фактически командующій добровольческой арміей могъ оставаться диктаторомъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ для военныхъ цѣлей онъ признаетъ это нужнымъ.

Лѣвые на это безусловно не согласились. Они потребовали, чтобы какъ объявленіе военнаго положенія, такъ и назначеніе всѣхъ корпусныхъ командировъ было предоставлено всѣмъ тремъ членамъ директоріи на равныхъ правахъ. Тутъ то и обнаружилась роковая двойственность ихъ точки зрѣнія, уничтожавшая всякую возможность соглашенія. Они какъ будто признавали добровольческую армію и въ принципѣ изъявили готовность оказать ей поддержку. Но въ то же время они обставляли эту поддержку такими условіями, которыя внесли бы въ армію неизбежное разложеніе. Предоставить штатскимъ

людямъ право назначать корпусныхъ командировъ — значило просто на просто допускать вторженіе политики въ военное дѣло.

Понятно, что на этомъ переговоры были прерваны. Принципъ директоріи, какъ его понимали лѣвые, достаточно показалъ свою несостоятельность въ Сибири. Тамъ директорія была въ концѣ концовъ арестована и свергнута именно потому, что она потворствовала преступной пропагандѣ въ арміи Чернова и его единомышленниковъ. Для людей, признающихъ и любящихъ родину «постольку-поскольку», такой образъ дѣйствій вполне естественъ.

Была и комическая нотка въ демократическомъ пафосѣ этихъ людей. Они относились къ своему демократизму необыкновенно бережно, какъ къ хрупкому сосуду, который можетъ разбиться при скольконибудь неосторожномъ обращеніи, и облекали свое служеніе демократіи въ необыкновенно торжественныя формы. Олицетвореніемъ этой торжественности являлся въ особенности бывший городской голова Р., своей маленькой фигуркой, видимо, стремившійся походить на Шекспира и соотвѣтственно стригшій бороду и волосы. На самомъ дѣлѣ у него было карикатурное сходство съ тѣми бронзовыми статуэтками Шекспира, какія иногда украшаютъ чернильницы, за что мы, члены Совѣта государственнаго объединенія, прозвали его «шекспирчикомъ». Однажды во время перерыва «шекспирчикъ» сталъ мнѣ доказывать необходимость сохранить полномочія за демократическими думами, выбранными при участіи пришлыхъ солдатскихъ массъ. На мое возраженіе, что дума, избранная такимъ способомъ, не можетъ считаться выразительницей воли населенія, онъ отвѣчалъ, что эти демократическія думы и земства—все таки фактъ, съ которымъ намъ придется считаться. «Но вѣдь и учредилка совершившійся фактъ, однако вы не настаиваете на сохраненіи ея полномочій», возразилъ я. Тутъ Р. вдругъ попытался вырости на аршинъ, принявъ величественный видъ и отчеканилъ: «извините, я членъ учредительнаго собранія и не могу допустить, чтобы его въ моемъ присутствіи называли учредилкой».

Хотѣлось вѣрить, что событія русской революціи кое чему научили этихъ людей. Напрасная мечта. Они уступали въ нѣкоторыхъ частностяхъ, напримѣръ, въ вопросѣ о вознагражденіи за принудительное отчужденіе земель, но сохраняли важнѣйшій свой недостатокъ—полное отсутствіе національнаго духа и государственнаго смысла. И это, не смотря на то, что они называли себя «государственно мыслящими социалистами». При этомъ вскорѣ обнаружилось, что удѣльный вѣсъ всѣхъ этихъ группъ—эсеровъ, меньшевиковъ и народныхъ социалистовъ равенъ нулю. Это были генералы безъ арміи, которые вполне честно признавали, что «за ними массы не идутъ». Они годились только въ декорацию для французовъ. Но когда намъ стало ясно, что пріобрѣсти эту декорацию можно только цѣною допущенія разлагающихъ вліяній на армію, Совѣтъ сталъ думать только о томъ, на какомъ вопросѣ удобнѣе и выгоднѣе прервать переговоры его объ «общей платформѣ». Повидимому и лѣвые думали о томъ же самомъ. Они мечтали порвать съ нами на аграрномъ вопросѣ, чтобы изобразить насъ «буржуями и аграріями», неспособными поступиться ради

народа классовыми выгодами. А наша забота заключалась въ томъ, чтобы разоблачить ихъ отношеніе къ арміи. Въ концѣ концовъ вышло по нашему: поводъ къ разрыву былъ именно тотъ, котораго мы хотѣли.

Если «демократы» въ Одессѣ производили впечатлѣніе безнадежно больныхъ, то я не могу сказать, чтобы и «государственно мыслящіе» слои производили впечатлѣніе здоровья. Среди моихъ товарищей по Совѣту государственнаго объединенія я наблюдалъ людей патріотически настроенныхъ, которые искали во французской ориентации только спасенія Россіи, ибо были убѣждены въ полной невозможности для нея спастись собственными силами. Но патріотизмъ большинства собранной въ Одессѣ буржуазіи оставлялъ желать лучшаго.

Въ концѣ концовъ почти всѣ буржуазные общественные элементы, дѣйствовавшіе раньше въ Кіевѣ, послѣ вторженія въ Кіевъ Петлюры перекочевали въ Одессу. Перекочевали и люди, и организаціи. Они возобновили свои безконечныя и бесплодныя засѣданія. Перенеслась вмѣстѣ съ ними къ сожалѣнію и царившая въ Кіевѣ атмосфера буржуазной деморализаціи. Была, впрочемъ, существенная разница между этими людьми и лѣвыми. Лѣвые просто не любили или не умѣли любить Россію. Въ «буржуяхъ» большею частью чувствовались люди, которые извѣрились или отчаялись въ Россіи, измалодушествовались и потому мечтали о пришествіи варяговъ въ какомъ бы то ни было видѣ; все равно въ какой военной формѣ, лишь бы варяги навели порядокъ. «Ахъ, кабы хоть англичане пришли и насъ поработили», говорили одни, «вѣдь лучше иноземное владычество, чѣмъ свой собственный большевизмъ», «намъ одно спасеніе — здоровый иностранный кулакъ», говорили другіе. И замѣчательно, что самыми пламенными сторонниками англо-французскаго кулака были вчерашніе поклонники нѣмецкой ориентации, тѣ самые, которые годомъ раньше мечтали: ахъ, кабы Вильгельмъ пришелъ! Это было неожиданное превращеніе гетмановщины. Характерно, что наиболѣе рьяными сторонниками французской ориентации въ Одессѣ явились «хлѣбоборы», т. е. та самая организація, которая, какъ извѣстно, посадила въ Кіевѣ гетмана. Особенно часто слышались малодушные разговоры среди бывшихъ людей изъ крупныхъ помѣщиковъ и большихъ сановниковъ имперіи. Исторія повторяется. Въ дни «смутнаго времени» также находились бояре, которые полагали, что лучше Владиславу присягать, «чѣмъ отъ своихъ холоповъ поругану и биту быти». Интернаціонализмъ справа былъ и въ тѣ дни тотъ же, что теперь, но только тогда онъ находилъ себѣ убѣжище не въ нѣмецкой или французской, а въ польской ориентации.

Неудивительно, что малодушное настроеніе сказывалось особенно часто среди бѣженцевъ, людей особенно настрадавшихся и приученныхъ къ мысли о ненадежности каждаго мѣстопробыванія. Съ каждой перемѣной мѣста количество ихъ увеличивалось. Въ Кіевѣ я засталъ часть «всего Петербурга» и часть «всей Москвы». Въ Одессу прибыли почти всѣ тѣ же лица плюсъ часть «всего Кіева». По мѣрѣ передвиженія на югъ увеличивалась тѣснота. Если въ Кіевѣ было

трудно найти комнату, то въ Одессѣ это было еще много труднѣе, и платили за комнату до трехсотъ и четырехсотъ рублей безъ отопленія. Я почти все время моего пребыванія въ Одессѣ жилъ въ одномъ небольшомъ номерѣ Лондонской гостиницы съ А. С. Хрипуновымъ и намъ многіе завидовали. Дороговизна была такая, что за одинъ ночлегъ и ѣду приходилось тратить до 60 рублей въ сутки, обѣдая въ столовыхъ третьяго разряда и замѣняя ужинъ колбасой да хлѣбомъ. Тѣ же, кто, какъ я, жилъ въ Лондонской гостиницѣ, тратили на одну ѣду да кофе сто или болѣе рублей. А при этомъ большинство бѣженцевъ было безъ денегъ.

Имѣя достаточный литературный заработокъ, я не терпѣлъ нужды, но имѣлъ денегъ, что называется, въ обрѣзъ. Поэтому я съ не малымъ удивленіемъ спрашивалъ себя, откуда же добываютъ средства всѣ остальные, то огромное большинство, которое не зарабатываетъ. А вѣдь живутъ люди при этомъ не хуже, а лучше меня. Есть и такіе, что ни въ чемъ себѣ не отказываютъ, платятъ за завтракъ тридцать, за обѣдъ сорокъ рублей, да еще требуютъ вина и даже шампанскаго. Огромный ресторанъ Лондонской гостиницы, гдѣ я не позволялъ себѣ обѣдать, былъ всегда переполненъ этими людьми, бывшими землевладельцами и богачами. Они просто не были въ состояніи сократить свои привычки и жили мечтой о «здоровенномъ кулакѣ», который вернетъ имъ ихъ имѣнія, жили изо-дня въ день, стараясь не приподмать завѣсу будущаго.

Мнѣ становилось жутко на нихъ глядя. Вѣдь въ лучшемъ случаѣ они запутываются въ долги за ростовщическіе проценты. Доходили темные слухи о сомнительныхъ спекуляціяхъ, къ которымъ, бывало, стараешься не прислушиваться, боясь повѣрить клеветѣ. Рассказывали про человѣка съ именемъ, зарабатывавшаго большія деньги въ качествѣ маркера въ какой то биллиардной. Въ Кіевѣ множество бывшихъ офицеровъ служили въ ресторанѣ и подавали блюда нѣмцамъ. Были случаи, когда офицеры добровольцы попадались среди «налетчиковъ». Все это вмѣстѣ взятое производило кошмарное впечатлѣніе. Проходя черезъ ресторанъ Лондонской гостиницы, куда я порой заходилъ, разыскивая знакомыхъ, бывало, рисуешь себѣ этихъ обѣдающихъ въ видѣ толпы нищихъ въ будущемъ и невольно думаешь о томъ, сколько изъ нихъ окончатъ самоубійствомъ. А потомъ идешь на «засѣданіе», гдѣ развертываются все новыя и новыя стадіи «французской оріентаціи».

Боже мой, какой кошмаръ эта французская оріентація. Въ нее поневолѣ загоняются люди, искренно и пламенно любящіе свою родину, тѣ, которые по совѣсти не могутъ себѣ представить, какъ она возродится собственными силами. Въ нее съ ликованіемъ устремляются лѣвые, для которыхъ побѣда союзниковъ—торжество всемірной демократіи. Къ ней же примазываются совсѣмъ не демократическія мечты о «здоровенномъ кулакѣ» и о возвращеніи благосостоянія. Словомъ, въ этой оріентаціи оказываются сосѣдями и попутчиками люди, которые не переносятъ другъ друга. Для тѣхъ, кто любитъ Россію, это становится въ концѣ концовъ нравственно невозможнымъ. Для

здорового національного чувства интернаціоналісти слѣва и справа одинаково невыносимы.

Есть еще одинъ невыносимый для русскаго чувства элементъ — мѣстныя центробѣжныя теченія, которыя тоже какъ то пристроились къ французской ориентации, надѣясь съ ея помощью сдѣлать карьеру за счетъ Россіи. Петлюровцы съ самаго начала стали дѣлать попытки, притомъ не безуспѣшныя, втянуть французовъ въ орбиту украинской политики. Но кромѣ этихъ сепаратистовъ чистой воды были въ Одессѣ и федералисты, мечтавшіе при помощи французовъ создать въ одесскомъ районѣ полунезависимую государственную единицу съ самостоятельнымъ правительствомъ во главѣ. Съ этой мечтой связывались и интересы мѣстныхъ финансовыхъ тузовъ, рассчитывавшихъ благодаря своей денежной силѣ вліять на мѣстное правительство и съ его помощью обдѣлывать свои дѣла. Были и просто мѣстные честолюбцы, которые мечтали попасть въ министры.

Трудно повѣрить, сколько маленькихъ честолюбій пробудилъ федеративный строй, временно фактически осуществившійся въ Кубани, на Дону и въ Крыму. Казалось бы, трудно себѣ представить чело-вѣка, который сіяетъ отъ счастья, что онъ попалъ въ какіе нибудь крымскіе министры. Между тѣмъ такіе были. А въ Одессѣ мы видѣли людей, которые завидовали участи этихъ министровъ и мечтали попасть въ ихъ положеніе. Такіе честолюбцы увивались около французскихъ властей, надѣясь при ихъ помощи поставить и провести свою кандидатуру на будущіе министерскіе портфели. Такіе типы проникли, къ сожалѣнію, и въ среду нашего Совѣта государственнаго объединенія. Оставаясь въ немъ въ меньшинствѣ, они принесли однако его дѣятельности не мало вреда, ибо вносили въ его жизнь противорѣчащей его сущности элементъ федерализма и мѣстной интриги.

VI. ФРАНЦУЗЫ ВЪ ОДЕССѢ.

Центромъ тяготѣнія всѣхъ только что охарактеризованныхъ общественныхъ элементовъ, за исключеніемъ большевицки настроенныхъ массъ, были, какъ сказано, французы. Я наблюдалъ въ Одессѣ французскихъ солдатъ, офицеровъ, командующаго войсками генерала д'Ансельма, да консула Энно и въ общемъ вынесъ впечатлѣніе чего то по существу двойственнаго, противорѣчиваго.

Тутъ было желаніе помочь Россіи и въ то же время полное нежеланіе приносить для этого какія бы то ни было жертвы. Противорѣчивы были прежде всего газетныя сообщенія о намѣреніяхъ французскихъ властей. Однимъ и тѣмъ же министрамъ приписывались программныя заявленія о необходимости «борьбы до конца» противъ большевизма и въ то же время лозунгъ «ни капли французской крови». Хотѣлось вѣрить, что корень этого противорѣчія — невѣрныя газетныя сообщенія. Но та же двойственность поражала и въ разговорахъ тѣхъ французовъ, съ которыми приходилось сталкиваться въ Одессѣ.

Помню банкетъ, данный одесситами въ честь союзниковъ. На разныхъ концахъ залы я слышалъ говоръ французскихъ офицеровъ.

«Ну да, конечно, мы вамъ поможемъ возстановить порядокъ и освободиться отъ большевиковъ». Я подсѣлъ къ столу, гдѣ говорились такія рѣчи и началъ усердно подливать въ бокаль офицеру-моряку. Когда вино развязало ему языкъ, онъ договорилъ свою мысль до конца. «Ну, да, конечно, мы вамъ поможемъ, но сражаться за васъ мы не будемъ, это уже дѣло самихъ русскихъ». И разговоръ сразу перешелъ на нѣмцевъ. Тутъ я испыталъ тяжелое впечатлѣніе; мой собесѣдникъ захлебывался отъ злобы. «Вы не знаете, говорилъ онъ, что мы съ ними сдѣлали и что мы съ ними еще сдѣлаемъ. Пусть подохнутъ съ голода мерзавцы, мы ихъ будемъ морить, мы сдѣлаемъ такъ, чтобы они никогда не встали. Мы у нихъ отняли сельско-хозяйственныя машины, флотъ, локомотивы. Посмотримъ, какъ они будутъ питаться. Того ли они заслужили». Въ общемъ разговоры, которые я слышалъ, оставили во мнѣ впечатлѣніе, что французы въ гостяхъ у русскихъ стараются быть любезными и говорятъ безъ внутренняго убѣжденія пустыя фразы о помощи намъ, въ которыя сами не вѣрятъ, но въ душѣ у нихъ нѣтъ мѣста для Россіи. Жажда отдыха и мысль о мести нѣмцамъ—вотъ и все, чѣмъ они живутъ въ данную минуту. Солдаты—тѣ были еще откровеннѣе: «Чортъ съ ней, съ Россіей, говорили они, на кой чортъ насъ привели сюда и какое намъ дѣло до большевиковъ. Эхъ, кабы большевики пришли въ Одессу, тогда насъ бы поскорѣе отсюда убрали. Да здравствуютъ большевики, мы ихъ не боимся, потому что мы сами рабочіе». Таково общее содержаніе французскаго солдатскаго говора, который приходилось слышать русскимъ на улицахъ. Благодаря нежеланію французовъ драться большевицкая пропаганда находила среди нихъ благодарную почву. И большевики не теряли времени, они составляли и распространяли прокламаціи массаами. Меня всегда поражали умѣніе и неутомимая энергія большевицкой пропаганды. Въ то же время наша пропаганда сводилась къ нулю частью благодаря косности буржуазныхъ организацій, частью благодаря препятствіямъ, какія онѣ встрѣчали въ дѣлѣ печатанія своихъ брошюръ. Въ январѣ 1919 года по порученію Совѣта государственнаго объединенія я составилъ въ нѣсколько дней брошюру „Les bolcheviks et-le bolchevisme“ *) для французскихъ солдатъ и сдалъ въ печать, а самъ уѣхалъ въ командировку въ Екатеринодаръ. Когда спустя двѣ недѣли я вернулся оттуда, рукопись еще не была набрана, такъ какъ лицу, которому было поручено это дѣло, таскало ее въ карманѣ. Потомъ цѣлыхъ полтора мѣсяца тянули наборъ несчастныхъ тринадцати страничекъ. Въ концѣ концовъ брошюра была напечатана и начала распространяться лишь въ мартѣ 1919 года, всего за нѣсколько дней до сдачи Одессы большевикамъ. Кромѣ косности и равнодушія своихъ тутъ повліяла и обструкція со стороны типографіи, которая очевидно умышленно задерживала выходъ брошюры. Произведенія большевицкія въ то же самое время умножались чрезвычайно быстро.

Настроеніе войскъ отражалось на дѣйствіяхъ властей. Энно часто и убѣдительно писалъ въ Парижъ, требуя энергичнаго вмѣшательства въ русскія дѣла. Его русскіе друзья, въ томъ числѣ и нѣко-

*) «Большевики и большевизмъ».

торые члены Совѣта государственнаго объединенія, читали его донесенія. И тѣмъ не менѣе французскія войска въ теченіе двухъ мѣсяцевъ почти не прибывали и продолжающаяся блокада Петлюры чрезмерно вздувала цѣны на предметы первой необходимости. Положеніе становилось критическимъ, недовольство въ населеніи росло и авторитетъ французовъ благодаря ихъ бездѣйствію падалъ все ниже и ниже. «Побѣдители нѣмцевъ» производили впечатлѣніе полного безсилія. Донесенія Энно видимо не встрѣчали сочувствія въ Парижѣ. Въ концѣ концовъ онъ утратилъ всякое вліяніе. Въ Одессу прибылъ генераль д'Ансельмъ со своимъ начальникомъ штаба Фреденбергомъ и съ этой минуты значеніе Энно было сведено на нѣтъ. Руководящая роль въ политикѣ перешла къ высшему военному командованію. Поведеніе генерала д'Ансельма и его помощника было болѣе чѣмъ странно. Генераль систематически отказывался принимать депутаціи отъ русскихъ политическихъ организацій, отговариваясь тѣмъ, что онъ солдатъ и не вмѣшивается въ политику. Но въ то же время онъ тотчасъ по прибытіи въ Одессу принялъ мѣстнаго начальника украинскихъ войскъ — генерала Грекова и началъ съ «петлюровцами» весьма двусмысленные переговоры. Переговоры эти съ врагами единой Россіи не могли не смутить русскихъ общественныхъ дѣятелей. Ихъ смущеніе раздѣлялъ Энно, который пожималъ плечами и намекалъ на то, что новые руководители ничего не понимаютъ въ политикѣ. Президіумъ Совѣта Государственнаго Объединенія пытался вступать въ объясненія съ генераломъ д'Ансельмомъ, который произвелъ на насъ впечатлѣніе челоука невѣжественнаго и неумнаго. Въ нашихъ словахъ онъ не понималъ самаго главнаго: мы ставили ему на видъ, что всякіе разговоры съ Петлюрой и его сторонниками нарушаютъ верховенство добровольческой арміи, единственной представительницы русской государственной власти на югѣ Россіи. А онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «я солдатъ, въ политику не вмѣшиваюсь и стою внѣ партій, а потому долженъ разговаривать со всѣми. Еслибы рѣчь шла о Екатеринодарѣ, я обращался бы къ генералу Деникину, который является хозяиномъ въ Екатеринодарѣ. Но на Украинѣ хозяинъ Петлюра: поэтому я долженъ обращаться къ Петлюрѣ». Смущеніе наше усиливалось тѣмъ, что начальникъ штаба д'Ансельма и главный вдохновитель его политики — полковникъ Фреденбергъ былъ челоукомъ несомнѣнно умный. А его роль была болѣе, чѣмъ двусмысленна: покровительство украинцамъ сочеталось у него съ явно враждебнымъ отношеніемъ къ добровольческой арміи. Отъ представителей послѣдней, въ частности отъ одного изъ министровъ, я опредѣленно слышалъ, что по даннымъ контръ-развѣдки, Фреденбергъ подкупленъ украинцами. Впослѣдствіи, когда Одесса была брошена французами, распространились слухи, будто д'Ансельмъ и Фреденбергъ получили за это милліоны отъ большевиковъ. Своеобразное объясненіе всей этой политики далъ генераль Бертелло, пріѣзжавшій на двое сутокъ въ Одессу. «Вы просто на просто большія дѣти», говорилъ онъ предсѣдателю нашего совѣта—барону В. В. Меллеръ-Закомельскому: «сами же вы просили меня заступиться за офицеровъ-добровольцевъ, взявшихъ въ плѣнъ петлюровцами. Скажите, какъ же я могъ бы это сдѣ-

латъ иначе, чѣмъ путемъ переговоровъ. Вѣдь войскъ у меня почти нѣтъ, да и тѣ, которые есть налицо, ненадежны. Знайте, это не тѣ, которые побѣдили нѣмцевъ». О своихъ войскахъ Бертело говорилъ вообще съ величайшею откровенностью. По его словамъ, лучшіе войска въ теченіе всей войны оставались во Франціи. На салоникскій фронтъ давались только отбросы. И вотъ эти то люди, плохо дисциплинированные и чрезвычайно доступные большевистской пропагандѣ, были по окончаніи войны переброшены въ Одессу. «Судите сами, что мнѣ съ ними дѣлать. Къ апрѣлю ожидается прибытіе внушительной цифры колониальныхъ (цветныхъ) войскъ. Прибудутъ французскіе добровольцы. Тѣ и другіе безусловно надежны, съ ними можно будетъ предпринять рѣшительныя дѣйствія; но до ихъ появленія надо во что бы то ни стало тянуть время и избѣгать сраженій. Могу васъ завѣрить самымъ рѣшительнымъ образомъ, что я сторонникъ единой Россіи и не признаю самостоятельной Украины. Но силою вещей я до поры до времени вынужденъ разговаривать съ самостоятельными». Таковъ былъ общій смыслъ всѣхъ объясненій Бертело.

Положеніе французовъ было трагикомическое: побѣдители нѣмцевъ очутились въ Одессѣ въ положеніи осажденныхъ и все таки не смѣли проливать ни капли французской крови. А въ то же время голодъ вынуждалъ расширить зону французской оккупации. Волей неволей приходилось «изворачиваться». Въ концѣ концовъ зона была расширена безо всякаго сопротивленія: французы заняли Николаевъ, Херсонъ, Раздѣльную и рядъ другихъ пунктовъ. Очевидно, что между ними и петлюровцами состоялось на этотъ предметъ какое-то соглашеніе.

Достигнуть его было не трудно, потому что сами петлюровцы находились въ отчаянномъ положеніи. Въ бесѣдѣ съ Энно, ихъ генералъ Грековъ признавался откровенно, что изъ трехъ тысячъ его солдатъ, расположенныхъ по близости отъ Одессы, не болѣе 20% надежны, остальные «бандиты». Петлюровцы повсемѣстно разлагались, а въ то же время на нихъ насѣдали большевики. Немудрено, что они шли на всѣ условія, лишь бы заручиться добрымъ расположеніемъ французовъ.

Въ концѣ концовъ въ Одессѣ получилось невѣроятно нелѣпое положеніе. Обреченное на гибель «украинское» движеніе Петлюры хваталось за французовъ, какъ за послѣдній якорь спасенія. А въ то же время французское командованіе, вѣрное своему девизу, «ни капли французской крови», рассчитывало сражаться противъ большевиковъ украинскими войсками Петлюры. вмѣстѣ съ тѣмъ создавались совершенно невозможныя отношенія между французскимъ командованіемъ и добровольческой арміей. Петлюровцы, съ которыми французы вели переговоры, были ея отъявленными врагами. Въ Кіевѣ вся борьба добровольцевъ противъ Петлюры велась въ расчетѣ на помощь французовъ, причемъ надежда на прибытіе этой помощи поддерживалась французскими властями. Взятіе Одессы добровольцами состоялось въ силу прямого приказанія французскаго командованія. При этомъ петлюровцы обращались съ плѣнными добровольцами съ варварской

жестокостью: многихъ добровольческихъ офицеровъ они разстрѣляли, въ томъ числѣ доблестнаго генерала графа Келлера, а нѣкоторыхъ даже пытали. Поэтому соглашеніе французовъ съ петлюровцами не могло не произвести на добровольческую армию самаго тяжелаго впечатлѣнія. Невольно возникалъ вопросъ, что это — наивность, легкомысліе, или сознательная измѣна Россіи. На всѣ вопросы по этому поводу французское командованіе неизмѣнно отвѣчало: «потерпите, намъ нужно протянуть время до полученія подкрѣпленій».

И подкрѣпленія начали прибывать. Появились не только цвѣтныя (колониальныя) французскія войска: въ февралѣ и мартѣ стали прибывать въ Одессу греки: ихъ было тамъ высажено до двухъ дивизій. Въ концѣ концовъ, въ Одессѣ и ея окрестностяхъ скопилось свыше пятидесяти тысячъ союзныхъ греческихъ и французскихъ войскъ. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы предпринять энергичное наступленіе противъ слабыхъ большевистскихъ силъ, двигавшихся на Одессу. вмѣсто того произошло какъ разъ обратное. Французы, единственно благодаря нежеланію сражаться, были вытѣснены большевиками изъ Николаева и Херсона. А при деревнѣ Березовкѣ на ихъ долю выпало неслыханное посрамленіе: двѣ тысячи французовъ съ танками были обращены въ паническое бѣгство нѣсколькими сотнями большевиковъ; пять танковъ остались въ рукахъ непріятеля. Въ довершеніе посрамленія горсти добровольцевъ удалось отогнать большевиковъ и привести въ негодность танки; вывезти ихъ оказалось невозможнымъ и въ концѣ концовъ они такъ и остались за большевиками. «Что вы хотите дѣлать, — произошла паника», — говорилъ потомъ объ этомъ постыдномъ дѣлѣ д'Ансельмъ. «Знаете ли вы откуда вамъ ожидать возрожденія Россіи», объяснялъ онъ одному изъ членовъ Совѣта Государственнаго Объединенія — «отъ большевистскихъ войскъ; да, не удивляйтесь, отъ большевистскихъ войскъ! О, это настоящія наполеоновскія войска, безстрашныя въ бою; представьте себѣ, они лѣзутъ на танки и умираютъ». А мы прекрасно знали, что эти «наполеоновскія войска» на двѣ трети состоятъ изъ сволочи, что добровольцы неизмѣнно бьютъ ихъ, когда находятся съ ними въ численномъ отношеніи одного противъ трехъ. Греческія войска, которыя въ общемъ производили прекрасное впечатлѣніе, были возмущены поведеніемъ французовъ. Офицеры-греки заявляли, что была полная возможность защитить Херсонъ и Николаевъ, и что они не отдали бы этихъ городовъ большевикамъ, еслибы не прямое приказаніе французскаго командованія.

Все загадочное въ поведеніи французовъ становится яснымъ для того, кто видѣлъ и наблюдалъ французскія войска въ Одессѣ. Профессоръ П. И. Новгородцевъ, садившійся на пароходъ въ моментъ эвакуаціи французами Одессы, сообщалъ мнѣ, что французскіе солдаты, которые сажались одновременно съ нимъ на транспортъ, бросали винтовки въ воду. Въ тѣ же дни среди самихъ начальствующихъ лицъ слышались явно большевистскія рѣчи. Хорошо знакомый мнѣ русскій бѣженецъ — человекъ безусловно правдивый, рассказывалъ мнѣ свой разговоръ съ французскимъ военнымъ врачомъ въ моментъ эвакуаціи. «Вамъ не нравится большевизмъ, — говорилъ ему врачъ,

большевизмъ несомнѣнно выражаетъ волю большинства; да будетъ же воля народа!»

Одни ли одесскія войска французовъ были въ такомъ плачевномъ состояніи? Конечно, нѣтъ. Члены Совѣта Государственнаго Объединенія, Шебеко и Гурко, пріѣхавшіе въ Одессу изъ Парижа, — одинъ въ началѣ, другой въ концѣ марта, сообщали намъ, что, по единодушному отзыву всѣхъ наблюдавшихъ французскія войска въ самой Франціи, ихъ воодушевленіе сейчасъ же по заключеніи перемирія смѣнилось полной протраціей и упадкомъ духа. Нѣтъ той силы въ мірѣ, которая могла бы заставить эти войска возобновить военныя дѣйствія: они утратили всякую боевую способность; возникали даже сомнѣнія въ возможности заставить ихъ воевать съ нѣмцами въ томъ случаѣ, если конференціи не удастся заключить миръ. Въ этомъ главная причина того, что, несмотря на побѣду и разоруженіе нѣмцевъ, германская опасность все еще считается неустранимою.

Дальнѣйшее развитіе событій понятно, несмотря на кажущуюся ихъ парадоксальность. И Шебеко, и Гурко засвидѣтельствовали намъ, что во Франціи въ концѣ зимы произошелъ полный переворотъ общественнаго мнѣнія въ нашу пользу. Страхъ передъ будущимъ возрожденіемъ Германіи заставляеть французовъ мечтать о возстановленіи единой, великой и могущественной Россіи. Другіе союзники не внушаютъ довѣрія французскимъ государственнымъ дѣятелямъ: они убѣждены, что англичане и американцы вскорѣ уйдутъ, оставивъ Францію лицомъ къ лицу съ Германіей. При этихъ условіяхъ возрожденіе Россіи для французовъ — вопросъ жизни и смерти. Бросить Россію на произволь судьбы для французовъ значитъ самимъ наложить на себя руки.

И, однако, вопреки предсказаніямъ Шебеко и Гурко, самоубійство совершилось. Попытка французовъ помочь Россіи — закончилась позорнымъ бѣгствомъ ихъ изъ Одессы. Они отдали на съѣденіе большевикамъ тысячи людей, которые были привлечены въ Одессу исключительно ихъ обѣщаніемъ покровительства; они обнажили флангъ добровольческой арміи, поставивъ ее тѣмъ самымъ въ критическое положеніе.

Какъ и почему это случилось? Возможно, что въ слухахъ о взяткахъ было нѣчто истинное. Возможно, что въ Парижѣ оказали нѣкоторое вліяніе агитація и въ особенности подкупы большевиковъ. Но было бы въ высшей степени поверхностно объяснять одними взятками и подкупами событія, столь роковыя для Франціи. Если въ данномъ случаѣ она поступилась своимъ жизненнымъ интересомъ, — ясно, что это вынуждалось необходимостью. Оставаться въ Одессѣ и въ Крыму послѣ бѣгства французскихъ войскъ въ Николаевѣ и Березовкѣ — было для нихъ просто невозможно. Попытка бороться противъ большевиковъ могла бы привести къ роковому концу: французскіе солдаты, вслѣдствіе пропаганды и нежеланія драться, могли бы сами въ свою очередь перейти на сторону большевиковъ. Въ минуту, когда ихъ эвакуировали, они были уже не защитниками, а скорѣе источникомъ внутренней опасности для Одессы.

Многіе задавались вопросами, почему, удаляясь изъ Одессы, французы не оставили тамъ грековъ и добровольцевъ? Вопросъ этотъ ставился въ особенности греками, которые были въ высшей степени недовольны одесскими событіями. Я уже говорилъ о томъ, что греческое командованіе было полно наилучшихъ намѣреній по отношенію къ намъ. Греческіе офицеры часто говорили о томъ, сколь многимъ ихъ родина обязана Россіи. Можно догадываться, что цѣною этой вооруженной помощи Греція хотѣла заручиться въ будущемъ поддержкой Россіи противъ своего всегдашняго соперника — Болгаріи. Помощь эта въ данную минуту могла оказаться весьма существенною: соединенныхъ силъ грековъ и добровольцевъ было вполне достаточно, чтобы положить конецъ всякимъ попыткамъ большевиковъ завладѣть Одессою. Но оставлять въ Одессѣ грековъ и уходить оттуда самимъ — для французовъ значило бы обнажать свой національный позоръ. Этимъ бы они показали, что оставленіе Одессы вызывается не общими для всѣхъ союзниковъ соображеніями мудрости, а состояніемъ однихъ французскихъ войскъ. Нечего удивляться тому, что французы на это не рѣшились.

Такъ или иначе французы намъ измѣнили. Но всего замѣчательнѣе, что въ конечномъ счетѣ эта измѣна оказалась катастрофой для Франціи, а не для Россіи.

VII. РУССКАЯ ОРИЕНТАЦІЯ.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ своего рода историческимъ чудомъ. Послѣ пораженія Германіи французская ориентація казалась послѣдней ставкой Россіи, единственной ея надеждой на спасеніе. А между тѣмъ именно въ тотъ день, когда эта надежда рухнула, спасеніе оказалось близкимъ и доступнымъ. Оно явилось вопреки всѣмъ соображеніямъ разсудка именно тамъ, гдѣ его не ждали. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ возстановленіе Россіи ея собственными средствами представлялось изъ всѣхъ выходовъ самымъ невѣроятнымъ, невысказаннымъ; между тѣмъ оно то и оказалось единственно возможнымъ.

Ошибка сторонниковъ иностранныхъ ориентацій была естественна. Съ одной стороны распавшаяся на части Россія дѣйствительно казалась мертвымъ тѣломъ: въ особенности на Украинѣ и въ Одессѣ почти все, что мы видѣли, производило впечатлѣніе мертваго, а не живого; зловѣщіе признаки тлѣнія замѣчались во всѣхъ общественныхъ слояхъ — въ народныхъ массахъ, въ социалистическихъ партіяхъ и въ буржуазіи. Порою казалось, что во всемъ этомъ общественномъ тѣлѣ, которое мы наблюдали, нѣтъ ни одной живой ткани: все гніетъ и разрушается. А рядомъ съ этимъ, какъ не повѣрить въ непобѣдимую мощь европейскихъ и тѣхъ американскихъ армій, которыя сокрушили Германію!

Разсужденіе сторонниковъ союзнической ориентаціи казалось неопровержимымъ и однако оно было опровергнуто жизнью. Событія и на этотъ разъ доказали полную несостоятельность всѣхъ матеріалистическихъ расчетовъ.

Сторонники союзнической ориентации слишком вѣрили въ матеріальную мощь тѣхъ иностранныхъ армій, которыя они звали на помощь. Напрасная мечта: во-первыхъ, если-бы Россія дѣйствительно была мертвымъ тѣломъ, какъ это казалось многимъ, никакая вещественная сила извнѣ не могла бы сдѣлать мертвое живымъ... Во-вторыхъ, на примѣрѣ французомъ мы могли бы лишній разъ убѣдиться, что сила и слабость армій зависитъ прежде всего отъ причинъ духовныхъ. Тѣ французскія войска, которыя бѣжали передъ большевистскими бандами, представляли собой не живую силу, такъ же какъ русская армія въ дни революціи: это было тѣло безъ духа.

Наконецъ, въ третьихъ, самая важная ошибка сторонниковъ союзнической ориентации заключалась въ томъ, что они видѣли въ Россіи только мертвое и не замѣчали живого. А между тѣмъ живое сказало въ движеніи Колчака и, быть можетъ, еще болѣе въ ошеломляющихъ успѣхахъ добровольческой арміи. Откуда взялись эти живыя силы, когда рѣшительно всѣ слои русскаго общества казались насквозь гнилыми. Единственно вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ наши дни можетъ показаться невразумительнымъ: нашъ матеріалистическій вѣкъ вѣритъ только въ значеніе количества и въ силу массъ, между тѣмъ, бываютъ эпохи въ исторіи, когда народы спасаются подвигомъ немногихъ личностей, — тѣхъ «семи праведниковъ», которыхъ не оказалось въ наличности въ дни гибели Содома. Такъ бываетъ всегда въ дни упадка духа народнаго. Когда они наступаютъ, — все кажется мертвымъ, все погружается въ какой-то летаргическій сонъ: тогда біеніе пульса народнаго чувствуется уже не въ массахъ, а только въ отдѣльныхъ героическихъ личностяхъ. Но доколѣ есть такія личности, есть и та живая сила, которая воскрешаетъ народы. Эти немногіе избранные — та малая закваска, которая кваситъ все тѣсто.

Я не преувеличиваю. Была эпоха въ исторіи, когда казалось, наступила гибель Франціи: она жила въ одной только Жаннѣ д'Аркъ; но и этого оказалось достаточнымъ для спасенія націи. Явилась та сила, которая горы передвигаетъ. Она повѣрила и заставила другихъ повѣрить: вокругъ нея собрался тотъ героическій кругъ, который спасъ Францію. Въ исторіи Россіи такіе случаи повторялись не разъ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ все трепетало передъ татарами, все лежало ницъ, — никто не думалъ о сопротивленіи. Но Россія, казавшаяся мертвою, жила въ св. Сергіи и вотъ изъ его келіи раздался тотъ дерзновенный призывъ, который вдохнулъ мужество въ войска Дмитрія Донскаго: «иди смѣло на безбожниковъ и побѣдишь». Позднѣе, въ дни смутнаго времени кто были носители русскаго народнаго самознанія и народной жизни? Гермогенъ, Козьма Мининъ, Князь Пожарскій и обчелся. Въ такіе времена все то, что еще заслуживаетъ названіе «народа», сводится къ немногимъ героическимъ личностямъ и къ ихъ окруженію. Все то, что остается внѣ этого героическаго круга — не народъ, а сбродъ. Но героическій кругъ имѣетъ способность безпредѣльно расширяться, онъ таитъ въ себѣ ту силу воодушевленія, которая въ концѣ концовъ заражаетъ массы. Безкорыстное воодушевленіе создаетъ первоначальное, основное ядро возрождающейся жизни народа. Потомъ, когда подвигомъ самоотверженія

и вѣры ядро это становится силой, къ нему примыкають и матеріальныя интересы... — Искатели выгодъ всегда идутъ за силой, но первоначальный источникъ силы народной — не выгода, а подвигъ вѣры, дерзновеніе и самоотверженіе.

Въ дни упадка народнаго всякій думаетъ о себѣ, всѣ ищутъ только собственнаго спасенія и эгоистической выгоды, всѣ забываютъ о цѣломъ и малодушествуютъ. Въ такія времена народы спасаются не хитроумными политическими комбинаціями, не холоднымъ расчетомъ государственной мудрости, а единственно самоотверженіемъ тѣхъ немногихъ, которые отдають себя въ жертву за свой народъ. Оно и понятно: началомъ разложенія общественнаго всегда и вездѣ служитъ корысть, — забвеніе народнаго цѣлаго ради выгодъ личныхъ и классовыхъ. Есть только одна сила въ мірѣ, которая можетъ побѣдить это настроеніе: это жертва, высшій подвигъ безкорыстія. Спасеніе народа всецѣло зависитъ отъ того, найдутся ли въ его средѣ люди способные ее принести.

Слава Богу, въ современной намъ Россіи такіе люди нашлись. За все время моихъ странствованій по Россіи у меня была въ особенности одна точка опоры, которая спасала меня отъ отчаянія. Въ минуты тяжкихъ сомнѣній и унынія мнѣ вспоминался заточенный въ Москвѣ патріархъ Тихонъ, и мысль о немъ давала душѣ какое то неизъяснимое успокоеніе и легкость духа: достовѣрность спасенія Россіи—вотъ что чувствовалось мнѣ въ эти минуты. Чувство это являлось само собою, интуитивно, мгновенно, упреждая мысли. Потомъ я размышлялъ, стараясь понять въ чемъ дѣло. Мнѣ вспоминались слова святителя, когда его предупреждали объ опасности, грозившей его жизни: «умереть, ну, такъ что же такое, я на это готовъ хоть сейчасъ; вотъ если мучить начнутъ, это непріятно, но и на это придется пойти» и мысль о смерти ни на минуту не нарушала его настроенія, всегда свѣтлаго и радостнаго. Изъ частныхъ бесѣдъ съ патріархомъ я неизмѣнно выносилъ впечатлѣніе, что онъ обрекъ себя въ жертву за Россію. Притомъ онъ былъ неизмѣнно свѣтель и спокоенъ и всѣмъ обликомъ своимъ напоминалъ слова апостола: всегда радуйтесь (I Фесс. X 16).

Въ этихъ двухъ чертахъ — готовности отдать себя въ жертву и свѣтлой радости, съ какой это дѣлалось, была полная внутренняя побѣда надъ большевизмомъ: побѣда не индивидуальная, не личная только, а общая, народная, ибо патріархъ — яркій выразитель могучаго русскаго религіознаго движенія — «плоть отъ плоти и кость отъ кости» собора его избравшаго. Эта рѣшимость положить душу за православный народъ есть высшее выраженіе духовной жизни всей русской церкви, ея молитвъ и ея настроенія. Патріархъ не одинъ несетъ на себѣ тяжкій крестъ за Россію. Есть много другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ подвижниковъ уже принявшихъ за нее вѣнецъ мученической. И въ этомъ достовѣрность спасенія православной Россіи. Всѣ попытки большевиковъ пошатнуть русскую церковь, разорвать ея духовное единство, привели только къ ея возрожденію и укрѣпленію.

Этимъ, однако, разрѣшаются далеко не всѣ мучительные вопросы и сомнѣнія. Спасеніе церкви и государства не одно и то же. Духовное спасеніе народа можетъ повлечь за собою возрожденіе его государственности, но оно можетъ совершиться и черезъ полное крушеніе мірскаго порядка. Который изъ этихъ двухъ путей сужденъ Россіи? Есть ли у насъ основаніе надѣяться на спасеніе русскаго государства?

Для этого недостаточно одного возрожденія церкви: нужно кромѣ того еще и вѣяніе духа жизни въ мірской сферѣ. Въ былыя времена, въ дни великихъ бурь и потрясеній разрушенное мірское строеніе Россіи возстановлялось подвигомъ монаха и воина. Такъ было въ дни Куликовской, такъ же было и въ дни первой великой смуты. Есть въ современной Россіи продолжатели святого Сергія и патріарха Гермогена. Найдутся ли въ ней преемники Дмитрія Донскаго и Минина?

Отвѣтъ дается за насъ событіями. Завоеванъ Сѣверный Кавказъ, освобождено Войско Донское. Въ минуту, когда я пишу эти строки, большевики на югѣ разбиты на голову; добровольческая армія подступаетъ къ Царицыну и его взятіе — вопросъ немногихъ дней. Какъ и почему это совершилось? Не политическіе расчеты, а духовный подъемъ сподвижниковъ и продолжателей Корнилова, Маркова и Алексѣева совершилъ это великое дѣло. Годъ тому назадъ среди нашего русскаго Содома нашлось три тысячи праведниковъ, которые рѣшили положить душу за Россію и предприняли безумный, казалось, походъ противъ десятковъ тысячъ большевиковъ. И вотъ вокругъ этого небольшого ядра героевъ собрались теперь силы, которыхъ оказалось достаточно, чтобы разгромить одну за другой рядъ могущественныхъ большевицкихъ армій.

Совершилось то, что казалось невозможнымъ. Помнится, годъ слишкомъ тому назадъ, когда до Москвы донеслась вѣсть объ уходѣ изъ Ростова на Кубань трехъ тысячъ добровольцевъ, ихъ дѣло считалось безнадежно проиграннымъ; они казались обреченными на неизбѣжную гибель, Но случилось непримѣрное, неслыханное въ исторіи. У нихъ не было оружія, имъ приходилось сражаться противъ прекрасно вооруженнаго врага. И вотъ они почти голыми руками отняли у него оружіе, артиллерію, снаряды, броневики, бронированные поѣзда, вооружились сами и вооружили многія другія тысячи, которыя за ними послѣдовали, когда имъ улыбнулось военное счастье; это была побѣда духа надъ матеріей, одна изъ самыхъ чудесныхъ побѣдъ, какія когда либо были одержаны.

Въ этой борьбѣ обнаружилось, до какой степени невозможно построить общество на зыбкой почвѣ экономическихъ интересовъ. Большевицкій коммунизмъ несомнѣнно находится въ полномъ противорѣчій съ экономическими интересами казаковъ кубанскихъ и донскихъ. Большевики могли только уменьшить, а отнюдь не увеличить ихъ богатые земельные надѣлы. И однако, тѣ и другіе прошли черезъ большевизмъ. Часть донскихъ казаковъ все время вела по отношенію къ нему двойственную политику: они то возставали противъ большевиковъ, то снова переходили на ихъ сторону, измѣняя своимъ.

Это вполне понятно: человекъ, который руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ одними интересами, всегда можетъ быть чѣмъ нибудь купленъ, а потому ненадеженъ для общаго дѣла. Во первыхъ, людямъ свойственны ошибки въ расчетѣ, въ особенности темныя массы не всегда ясно понимаютъ, гдѣ ихъ интересы. Въ частности казаки, прельщенные посулами демагоговъ, не сразу поняли, что большевики будутъ за ихъ счетъ надѣлять иногороднее населеніе, и рассчитывали съ ихъ помощью обдѣлать свои дѣла. Во вторыхъ, какъ бы человекъ ни дорожилъ своими экономическими интересами, жизнь все таки ему дороже. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ дни междоусобныхъ войнъ люди нерѣдко становятся на сторону сильнѣйшаго, хотя бы его торжество и противорѣчило ихъ экономическимъ выгодамъ: корысть въ данномъ случаѣ побѣждается страхомъ. Всѣмъ понятно поведение казаковъ въ дни смутнаго времени. Ихъ симпатіи мѣнялись въ зависимости отъ переменъ военнаго счастья: они рѣшительно стали на сторону Минина и Пожарскаго лишь въ тотъ день, когда имъ стало ясно, что побѣда склоняется въ пользу нижегородскаго ополченія. То же мы видимъ и теперь. Вѣдь были же люди среди донцовъ, которые становились то на сторону добровольческой арміи, то на сторону большевиковъ, въ зависимости отъ того, какъ въ каждую данную минуту они учитывали свою выгоду и силу обоихъ противниковъ.

Всякая сила, разъ она существуетъ, привлекаетъ на свою сторону великое множество интересовъ, но въ социальныхъ отношеніяхъ интересъ никогда не бываетъ первоисточникомъ общественной силы. Такимъ первоисточникомъ являются всегда безкорыстные побужденія. Чтобы національное единство было крѣпкимъ, необходимо, чтобы было ядро людей, готовыхъ жертвовать всѣмъ для родины и не задающихся вопросомъ, выгодно или невыгодно быть патриотомъ. Къ счастью для Россіи вокругъ Алексѣева, Корнилова и Маркова собралось такое ядро; и когда оно стало силою, оно привлекло на свою сторону всѣхъ заинтересованныхъ въ низверженіи большевицкаго ига, въ особенности мелкихъ собственниковъ, казаковъ, крестьянъ, изстрадавшихся подъ большевицкимъ владычествомъ и насильственно-мобилизованныхъ красноармейцевъ. Въ дни побѣдъ добровольческой арміи на Сѣверномъ Кавказѣ и позднѣе — въ царицынскомъ направленіи, наблюдалось поучительное явленіе, ярко освѣщающее роль интереса въ междоусобныхъ войнахъ. Въ обоихъ случаяхъ въ началѣ военныхъ дѣйствій численный перевѣсъ былъ на сторонѣ большевиковъ. Но подъ вліяніемъ первыхъ успѣховъ добровольцевъ къ нимъ перебѣгали массами красноармейцы и тотчасъ становились въ строй. Въ обоихъ случаяхъ преслѣдующая армія увеличивалась за счетъ побѣжденнаго на десятки тысячъ. Этимъ наглядно объясняется тотъ фактъ, что три тысячи добровольцевъ могли разростись въ могущественную армію. Я не отрицаю огромнаго значенія экономическаго интереса въ междоусобныхъ войнахъ, но въ послѣдней, высшей инстанціи міромъ правятъ не интересы, а идеи.

VIII. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось наблюдать добровольческую армію въ первый героическій періодъ ея существованія, т. е. въ тѣ дни, когда она была только небольшимъ отрядомъ и совершала наиболѣе трудный свой подвигъ. Я познакомился съ ней въ то время, когда она уже разрослась въ настоящую армію — зимою 1918—1919 года. Разростаясь, она утратила свою первоначальную цѣльность. Она была уже не горстью героевъ, а сравнительно многочисленнымъ, а потому и смѣшаннымъ тѣломъ. Въ нее вступали уже не только по призванію, но и ради того, чтобы получить хоть скудные средства къ существованію. Въ сущности она уже перестала быть «добровольческой» арміей потому, что она комплектовалась не путемъ вербовки, а посредствомъ набора.

Словомъ, изъ начинанія героическаго она превращалась въ большую государственную организацію. Этотъ переходъ совершался далеко не во всемъ удачно. Она должна была такъ или иначе вступить въ компромиссъ съ разнообразными общественными интересами, которые она пыталась привлечь на свою сторону. Въ ея составъ вошли всевозможные общественные элементы, а потому въ ней такъ или иначе отразились всякіе недостатки и даже пороки современной русской дѣйствительности второго смутнаго времени. Неудивительно, что въ общемъ она производила пестрое впечатлѣніе, въ однихъ отношеніяхъ хорошее, а въ другихъ — среднее, въ третьихъ — плохое.

Когда вмѣсто вербовки добровольцевъ или же параллельно съ вербовкою она стала прибѣгать къ набору, оказалась масса уклоняющихся отъ воинской повинности. Благодаря разстройству государственнаго аппарата уклоняться было сравнительно легко. А изъ попавшихъ на военную службу далеко не всѣ попадали на фронтъ. Съ этой цѣлью многіе околачивались около штабовъ; въ тылу арміи изобрѣтались всякія фиктивные должности съ цѣлью избавить офицеровъ отъ службы на фронтѣ. Въ Кіевѣ, напр., при двухъ тысячахъ воюющихъ противъ Петлюры насчитывалось свыше двухъ десятковъ организацій, занимавшихся вербовкою, и въ каждой организаціи работали офицеры. Къ удивленію моему по пріѣздѣ въ Екатеринодаръ я узналъ, что «околачивающіеся около штабовъ» существуютъ и тамъ.

Но это былъ еще наименьшій изъ всѣхъ недостатковъ. Какъ сказано, меня поражала та ненависть, которая окружала добровольческую армію во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось ее наблюдать: въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Крыму, въ Новороссійскѣ, въ Екатеринодарѣ. Не скажу, чтобы ненависть была всеобщей: у добровольческой арміи были пламенные сторонники, но въ общемъ она была непопулярной. И значительная часть вины падаетъ на добровольческую армію. Нечего удивляться тому, что ее ненавидѣли лѣвые, которые считали ее организаціей «контрреволюціонной». У нея было много недоброжелателей изъ буржуазныхъ и въ особенности зажиточныхъ слоевъ населенія. Тутъ уже приходится, что называется, дѣлить «грѣхъ пополамъ».

Конечно, въ упрекахъ, которые дѣлались этими людьми добровольцамъ, была черная неблагодарность, было забвеніе подлинныхъ великихъ заслугъ. Въ общемъ всегда тяжело слушать ожесточенные нападки людей, ничего не дѣлающихъ, для Россіи противъ тѣхъ, которые за нее умираютъ и дѣйствительно спасаютъ ее своимъ подвигомъ. Но еще тяжеле бываетъ убѣждаться, что многіе изъ этихъ упрековъ обоснованы.

Въ Одессѣ мнѣ много приходилось слышать про дикій разгулъ добровольцевъ, про ихъ картежъ, кутежи, да пьяныя оргіи. Ихъ начальникъ генераль Гришинъ-Алмазовъ признавалъ во многомъ справедливость этихъ упрековъ и заявлялъ, что для подавленія безчинствъ требуются энергическія и строгія мѣры вплоть до разстрѣловъ. Собственно эти безчинства въ военное время всегда составляли и составляютъ темную сторону военной жизни въ тылу арміи. Героизмъ проявляется на фронтѣ. А въ тылу находятся частью укрывающіеся, частью отдыхающіе отъ военныхъ трудовъ и опасностей. Эти послѣдніе вознаграждаютъ себя разгуломъ въ тылу за перенесенныя на фронтѣ лишеныя. Опять таки мы имѣемъ здѣсь явленіе сопровождающее рѣшительно всѣ войны: едва ли можно судить за это слишкомъ строго. Къ сожалѣнію съ этимъ разгуломъ сочетается иногда и отталкивающей отѣнокъ высокомерія по отношенію ко всѣмъ недобровольцамъ. Помню сценку на пароходѣ, шедшемъ изъ Новороссійска въ Одессу. Въ виду переполненія парохода приходилось обѣдать и ужинать въ двѣ очереди. И вотъ на моихъ глазахъ группа офицеровъ, не попавшая въ первую очередь къ ужину и уже подгулявшая, шумѣла и волновалась. «Къ чорту штатскихъ, кричалъ одинъ изъ нихъ, вышвырнуть ихъ всѣхъ вонъ и посадить на ихъ мѣсто офицеровъ». Къ счастью на этотъ разъ предложеніе буяна сочувствія не встрѣтило, но съ разныхъ сторонъ приходилось слышать, что иногда кончается менѣе благополучно: «ведутъ себя какъ большевики, прогоняютъ пассажировъ изъ вагоновъ, съ плацкартныхъ дивановъ и садятся на ихъ мѣста». Провѣрить правдивость этого утвержденія я не могъ. Но, повидимому, нѣтъ дыма безъ огня. Ужъ больно часто приходилось слышать, что добровольцы «ведутъ себя, какъ большевики, словно весь міръ только для нихъ и существуетъ»... Были у меня и другія наблюденія по части разгула. На томъ же пароходѣ отъ Новороссійска до Одессы шла въ теченіе почти трехъ сутокъ азартная карточная игра; она продолжалась цѣлую ночь уже по прибытіи въ Одессу. Одинъ изъ трехъ офицеровъ добровольцевъ, ѣхавшихъ со мною въ моей каютѣ, принималъ въ ней весьма оживленное участіе. Въ послѣднюю ночь онъ совсѣмъ не ложился и вернулся къ намъ въ каюту лишь въ восемь часовъ утра. Притворно весело посвистывая и видимо храбрясь, онъ рассказалъ намъ, что ему не повезло въ эту ночь: «продулся, спустилъ полторы тысячи». Я былъ испуганъ этой развязностью, такъ какъ зналъ, что въ это время офицеры получали ничтожное вознагражденіе: 250 — 300 рублей, т. е. гроши при тогдашнихъ цѣнахъ. «Какъ бы онъ не застрѣлился», выразилъ я мое смущеніе, когда онъ вышелъ. Но прочіе попутчики офицеры только разсмѣялись: «какъ, чтобы этотъ застрѣлился, да у него за па-

зухой по меньшей мѣрѣ полтора десятка тысячъ рублей. Вѣдь онъ прямо съ фронта. Бои, какъ знаете, были успѣшные, а онъ командовалъ самостоятельной частью; сколько же онъ съ мертвыхъ большевиковъ-то набралъ».

Этотъ небольшой разговоръ вдругъ разомъ освѣтилъ мнѣ всю оборотную сторону медали. Ничтожные, нищенскіе оклады при естественной склонности молодыхъ офицеровъ къ разгулу. Какъ не понять весь ужасъ тѣхъ искушеній, которыя создаются на этой почвѣ. Тутъ есть величайшая ошибка командованія добровольческой арміи. Какъ разъ передъ описанной сценкой на пароходѣ мнѣ и другому депутату совѣта государственнаго объединенія, С. И. Маслову, пришлось докладывать генералу Деникину о необходимости повышенія окладовъ офицерамъ. Мы указывали на случаи въ Одессѣ, когда среди налетчиковъ попадались офицеры-добровольцы. Но Деникинъ въ этомъ случаѣ проявилъ непонятное упорство, обнаружившее неумѣніе перейти отъ героическаго масштаба къ государственному. Въ дни героическаго періода добровольческая армія располагала грошами. И Деникинъ, рѣдкой честности человѣкъ, былъ помѣшанъ на бережливости. Впослѣдствіи, когда деньги стали печататься въ Ростовѣ, онъ все еще совершенно не считался съ тѣми средствами, какія давалъ ему печатный станокъ. «Да откуда же я возьму средствъ для такого колоссальнаго бюджета», волновался онъ. Въ видѣ компромисса онъ соглашался на нѣкоторыя прибавки на дороговизну — различныя для различныхъ мѣстъ, но по тону бесѣды было не трудно предвидѣть (что и случилось въ дѣйствительности), что прибавки будутъ недостаточны и заставятъ себя долго ждать. «Нѣтъ, извините», сказалъ онъ въ заключеніе, «денегъ съ нихъ довольно, что мнѣ ихъ баловать. Вотъ съ мертвыхъ большевиковъ брать — это ихнее законное право, пускай себѣ берутъ». И Деникинъ вдругъ какъ то странно улыбнулся.

Я даже не сразу понялъ, до того я былъ далекъ въ то время отъ предположеній, которыя оказались дѣйствительностью. Помнится, обирание непріятельскихъ труповъ на войнѣ въ былое время всегда считалось мародерствомъ и строго преслѣдовалось. Но война гражданская научила другому. Въ дни героическаго своего періода добровольческая армія и въ самомъ дѣлѣ не имѣла другихъ средствъ существованія, кромѣ военной добычи. Она все получала отъ большевиковъ и оружіе, и припасы, и деньги, даже одежду. Обирание труповъ, до раздѣванія включительно, было необходимостью и поневолѣ вошло въ норму, такъ какъ иначе добровольцы остались бы не только безъ хлѣба, но и безъ сапогъ, и безъ платья. Но къ сожалѣнію этотъ естественный для героическаго періода добровольческой арміи обычай перешелъ въ ея государственный періодъ. Тутъ неумѣніе добровольческаго командованія приспособиться къ новымъ условіямъ сказалось въ полной силѣ. Въ тѣ дни, когда добровольческая армія располагала печатнымъ станкомъ, фабриковавшимъ донскія деньги, обычай этотъ могъ и долженъ былъ бы быть выведенъ, конечно, при непрѣмѣнномъ условіи повышенія окладовъ. Правда, печатный станокъ не поспѣвалъ за разрастающимися потребностями. Ощущался хроническій недостатокъ въ денежныхъ знакахъ. Но почему же добровольческое командо-

ваніе и его правительственный органъ—«особое совѣщаніе» не позаботились о приобрѣтеніи новыхъ станковъ? Вѣдь помимо всего прочаго, печатаніе кредитокъ въ возможно большемъ числѣ было мощнымъ оружіемъ въ борьбѣ противъ большевиковъ, которые этимъ путемъ добывали свои главныя и основныя денежныя средства. Тутъ была какая то непонятная косность, непростительная въ особенности потому, что она служила источникомъ деморализаціи. Обираніе труповъ большевиковъ приобрѣло характеръ своеобразнаго спорта. Мнѣ приходилось слышать отъ добровольцевъ, что дни, непосредственно слѣдующіе за срокомъ полученія жалованія красноармейцами, были любимыми днями атакъ добровольческой арміи. Война становилась чѣмъ то вродѣ охоты за пушнымъ звѣремъ*).

Было на этой войнѣ и худшее, чѣмъ обираніе труповъ. Въ Одессѣ и въ Крыму мнѣ приходилось слышать частыя жалобы на грабежи, въ которыхъ принимали участіе не только казаки, но и цѣлыя добровольческія части. Въ Одессѣ хлѣборобы именно этимъ объясняли свое недовѣріе и недовольство добровольческой арміей: въ ихъ средѣ говорили о форменномъ разграбленіи цѣлой помѣщичьей усадьбы добровольцами. Изъ Крыма доносились, такія же вѣсти. Къ сожалѣнію, они подтверждались рассказами многихъ офицеровъ добровольцевъ. Вотъ что мнѣ пришлось слышать отъ нихъ по этому поводу.

Независимо отъ того, что до весны 1919 года оклады добровольцамъ выдавались нищенскіе (крупное увеличеніе послѣдовало лишь въ апрѣлѣ 1919 года), выдача во многихъ частяхъ запаздывала такъ, что приходилось сидѣть по три-четыре мѣсяца безъ гроша. При этомъ интендантство не было налажено и казенный столъ періодически отсутствовалъ: безъ денегъ сидѣли не только отдѣльные офицеры, но и цѣлыя части, такъ что покупать съѣстные припасы было не на что. «Не умирать же намъ съ голоду», говорили офицеры, «вотъ мы и посылаемъ солдатъ реквизируютъ въ сосѣднемъ складѣ свинью либо барана; платить было нечѣмъ, а выдавать реквизиціонныя квитанціи было нельзя, такъ какъ реквизировать официально можно было только черезъ особыя реквизиціонныя комиссіи. Гдѣ ее искать эту комиссію, когда она далеко, а ѣсть нечего». Трудно себѣ представить, до чего можетъ довести «необходимость» въ дни междоусобной войны и всеобщаго стихійнаго безпорядка. Къ тому же и соблазнъ великъ. «Реквизиціей» свиньи или барана во время голодовокъ довольствовались лишь сравнительно скромные. По словамъ офицеровъ добровольцевъ, были цѣлыя части, очень доблестныя и отважныя въ бою, но усвоившія себѣ форменныя грабительскіе приемы. Онѣ «реквизировали» все, что попало, бѣлье, обувь, драгоценности и даже деньги.

«Совершенные большевики», говорили о добровольцахъ ихъ обвинители. А это было несправедливо по отношенію къ добровольческой арміи въ ея цѣломъ, но по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и

*) Строки эти были уже написаны, когда я услышалъ интересную бесѣду въ вагонѣ. Генераль горячился и доказывалъ невозможность аннулировать платежную силу керенокъ. «Помилуйте, — говорилъ онъ, — вѣдь этакъ мы уничтожимъ всю лихость атакъ, сколько живутъ надеждой снять керенки съ трупа».

частямъ въ этой характеристикѣ была большая доля правды. Неудивительно, что въ добровольческой арміи сложился двойственный типъ героя и въ то же время грабителя, сильно напоминающаго средневѣковье. Средневѣковый воинъ совмѣщаль въ себѣ тѣ же качества — разбойника и рыцаря. Такіе типы неизбежно зарождаются и развиваются на почвѣ хроническаго междоусобія. Въ исторіи добровольческой арміи они сыграли видную роль. Судя по доходящимъ со всѣхъ сторонъ добровольческимъ рассказамъ, таковъ повидимому, и знаменитый генераль Х, одно имя котораго наводитъ паническій ужасъ на большевиковъ. Съ одной стороны, благодаря совершенно исключительной отвагѣ и лихости онъ сталъ легендарнымъ героемъ, а съ другой стороны, добровольцы говорятъ о немъ, что онъ «возами вывозилъ съ фронта награбленное имущество», что онъ даже увлекаетъ подчиненные ему войска на подвиги разрѣшеніемъ грабить, не дѣлая строгаго различія между врагами и мирнымъ населеніемъ. «Совершенно нельзя себѣ представить Х-ва въ условіяхъ мирнаго времени», говорили мнѣ, «въ мирное время это будетъ уголовный типъ, онъ несомнѣнно кончитъ судомъ и каторгой, но для войны съ большевиками ему цѣны нѣтъ».

Есть и другая опять таки средневѣковая черта, которая на почвѣ междоусобія заражаетъ не только большевиковъ, но и добровольцевъ, — это жестокость. Въ этомъ отношеніи война междоусобная много превосходила всякія другія войны. Большевики не берутъ въ плѣнъ офицеровъ, а добровольцы стали брать въ плѣнъ сравнительно недавно, когда выяснилось, что этимъ способомъ можно побудить къ сдачѣ массу насильственно мобилизованныхъ. — «Коммунисты», взятые въ плѣнъ, «сейчасъ разстрѣливаются». Съ обѣихъ сторонъ есть специалисты и любители этого дѣла. Мнѣ называли имена двухъ выдающихся въ этомъ отношеніи типовъ — дѣвицы большевички и офицера-добровольца. Большевичка медленно разстрѣливала офицеровъ изъ монте-кристо, пулька за пулкой, а офицеръ доброволецъ, разстрѣливавшій сотни, иногда до разстрѣла пилъ чай со своей жертвой. Въ основѣ этого спорта — жажда мести: несчастный мстилъ большевикамъ, которые на его глазахъ надругались надъ его невѣстой.

Такіе типы, разумѣется, составляютъ исключеніе, но въ общемъ какія опустошенія производитъ междоусобная война въ человѣческой душѣ! Сколько молодыхъ людей, выбитыхъ изъ колен, бросившихъ ученіе, утратившихъ всякую способность къ какимъ либо мирнымъ занятіямъ; ихъ привлекала со школьной скамьи на службу жажда подвиговъ. Многіе изъ нихъ и въ самомъ дѣлѣ горятъ священнымъ огнемъ и готовы отдать душу за Россію. Но возвращеніе къ условіямъ мирной жизни и въ особенности къ ученію рисуется имъ въ видѣ тяжкаго кошмара: мало того, оно для нихъ просто невозможно!

Указанные недостатки и пороки объясняютъ рядъ отрицательныхъ сужденій о добровольческой арміи и рядъ разочарованій въ ея собственной средѣ. Отъ чистыхъ и горѣвшихъ священнымъ огнемъ молодыхъ офицеровъ мнѣ приходилось слышать, что добровольческая

армія недостойна и неспособна побѣдить. Люди, наблюдавшіе ее со стороны, приходили въ ужасъ отъ «деморализаціи» и «разложенія»; они говорили, что заслуги ея всѣ въ прошломъ, что она пережила себя. А между тѣмъ, событія блистательно опровергли всѣ эти толки. Какъ и почему это случилось?

Мнѣ кажется, что въ добровольческой арміи надо различать ея середину, которая по существу здорова, и ея периферію, гдѣ имѣются всякіе болѣзненные наросты. Помнится, Деникинъ какъ-то разъ выразился при мнѣ о своихъ войскахъ — «у меня дисциплина, хоть и не такая, какая была въ доброе старое время, но все таки дисциплина: умирать не отказываются». Я не сразу понялъ, чѣмъ же дисциплина другая, чѣмъ въ прежней арміи, но офицеръ-доброволецъ отвѣтилъ на мое неудомѣніе: «не такая, потому что грабятъ, а сражаются великолѣпно». Надо понять, что это контрасты, которые совмѣщаются въ человѣческой душѣ: не только умираютъ, не только жертвуютъ собою, но пламенѣютъ, безкорыстно любятъ Россію, а въ то же время даютъ волю рукамъ и даже аппетитамъ. Въ ихъ воодушевленіи тайна ихъ побѣдъ надъ большевистской арміей, гдѣ только страхъ, корысть, да аппетиты, но нѣтъ любви, нѣтъ самага главнаго — души. И думая о добровольческой арміи, невольно вспоминается изреченіе: прощаются тебѣ грѣхи твои многіе за то, что ты возлюбила многое. Кто изъ двухъ лучше. Тѣ ли не повинные въ грабежахъ, но душою холодные и черствые люди, которые строго судятъ добровольческую армію, а сами и пальцемъ не пошевельнутъ, чтобы помочь Россіи, или тѣ, которые за нее совершаютъ сверхчеловѣческіе подвиги и умираютъ, но рядомъ съ возвышеннымъ и свѣтлымъ порывомъ переживаютъ и минуты тяжкаго паденія. Съ точки зрѣнія человѣческой, объ этомъ можно судить различно, но Божій судъ всегда предпочитаетъ того, кто горячъ, тому, кто только тепелъ. Вспомнимъ слова Апокалипсиса объ ангелѣ Лаодокійской церкви: знаю дѣла твои, ты не холоденъ, не горячъ; о, еслибы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но поелику ты тепелъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ моихъ. (Апок. III. 15, 16).

Спасаютъ Россію во всякомъ случаѣ тѣ, которые за нее подвизаются, а не тѣ, которые ихъ осуждаютъ. Не мертвые дѣлаютъ исторію, а живые — тѣ, въ коихъ чувствуется біеніе національнаго пульса, а живая душа человѣка никогда не слагается изъ однихъ добродѣтелей. —

IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА И ПОЛИТИКА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

Чтобы понять добровольческую армію, ея успѣхи, недостатки и ея судьбу, — надо приглядѣться къ окружающей ее соціальной и политической атмосферѣ. Мнѣ пришлось наблюдать эту атмосферу дважды — въ январѣ и въ мартѣ 1919 года. Оба раза я былъ коман-

дированъ въ Екатеринодаръ Совѣтомъ Государственного Объединенія, причемъ въ первый разъ пробылъ тамъ всего нѣсколько дней, а во второй разъ провелъ больше мѣсяца, такъ какъ вслѣдствіе эвакуаціи Одессы французами, вернуться туда мнѣ уже не пришлось.

Было много ненормального и болѣзненного въ томъ, что приходилось наблюдать въ Екатеринодарѣ; но по сравненію съ Одессою тамъ царил атмосфера относительнаго здоровья. Двѣ черты мѣстной жизни въ особенности бросались въ глаза пріѣхавшему изъ Одессы, — изобиліе съѣстныхъ припасовъ на рынкѣ и болѣе правыя политическія настроенія. Какъ ни парадоксальнымъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, оба эти явленія тѣсно между собою связаны.

За все время моего странствованія по югу Россіи я наблюдалъ такое изобиліе только въ двухъ мѣстахъ — въ Екатеринодарѣ и въ Ставрополѣ. Мнѣ приходилось ѣсть тамъ и поросенка, и гуся, и индѣйку; словомъ, такія блюда, которыя во всѣхъ прочихъ мѣстахъ составляли давно забытую роскошь. На каждомъ шагу въ Екатеринодарѣ — съѣстная лавка, либо гастрономическій магазинъ, на рынкѣ безпредѣльное количество рыбы и горы чуднаго хлѣба такой бѣлизны, которая напоминаетъ былыя дореволюціонныя времена. Изобилію соотвѣтствуютъ и цѣны. Булка бѣлаго хлѣба, стоящая въ Одессѣ семь рублей, въ Екатеринодарѣ продавалась въ январѣ за рубль двадцать копѣекъ. Самый дешевый обѣдъ, какой я ѣлъ въ Одессѣ, стоилъ тринадцать рублей, — за обѣдъ такого же качества я платилъ въ Екатеринодарѣ пять рублей. А за двѣнадцать рублей можно получить тамъ то, что въ Одессѣ стоитъ двадцать и болѣе.

Надо отдать себѣ ясный отчетъ въ социальномъ значеніи этого изобилія. Въ Екатеринодарѣ, въ отличіе отъ Одессы, царитъ атмосфера мелкобуржуазной культуры. И гусятина, и поросята, и дивный бѣлый хлѣбъ, — все это продукты мелко-крестьянскаго казачьяго хозяйства, которое заваливаетъ рынокъ своими избытками. Это богатое крестьянство — природный врагъ большевизма, отъ котораго оно можетъ ждать только ограбленія. Неудивительно, что увлеченіе большевиками среди кубанскихъ казаковъ было болѣе, чѣмъ гдѣ либо, кратковременнымъ: оно было основано на недоразумѣніи: понявъ свою ошибку, казаки возненавидѣли большевиковъ и стали прекрасно противъ нихъ сражаться. Есть на Кубани у большевиковъ друзья — это пришлое и н о г о р о д н е е населеніе, которое мечтаетъ о надѣленіи землею и о всякихъ выгодахъ за счетъ казаковъ. Это соперничество двухъ группъ мѣстнаго населенія усиливаетъ отвращеніе казаковъ къ большевикамъ и къ большевизму.

Тотъ фактъ, что въ подобныхъ же условіяхъ находится и казачество терское, въ высокой степени способствовало успѣхамъ добровольческой арміи на сѣверномъ Кавказѣ. Насильственно мобилизованные большевиками терскіе казаки легко переходили на сторону добровольцевъ и дрались съ ожесточеніемъ за освобожденіе своей области. Этимъ объясняется огромное разрастаніе добровольческой арміи во время преслѣдованія красноармейцевъ послѣ побѣдъ на сѣверномъ Кавказѣ, о чемъ я уже имѣлъ случай говорить. — Союзъ доб-

ровольческой арміи съ казачествомъ представляетъ собою вообще естественный симбіозъ между идеей и интересомъ. Идейнаго воодушевленія у казаковъ чрезвычайно мало; они думаютъ преимущественно о своихъ выгодахъ. — Поэтому у нихъ мѣстный интересъ преобладаетъ надъ общимъ: отсюда ихъ ненадежность для общаго дѣла. Они охотно сражаются за свои домашніе очаги, но много менѣе охотно выходятъ за предѣлы своей области — проливать кровь за единую Россію. Въ концѣ концовъ добровольцамъ удалось увлечь казачество на Царицынъ, главнымъ образомъ потому, что горькій опытъ убѣдилъ казаковъ въ опасности, угрожающей ихъ областямъ отъ сосѣдства съ непобѣжденными большевиками. Другимъ стимуломъ была, конечно, перспектива грабежа, открывшаяся благодаря побѣдамъ. Тутъ мы имѣемъ, повидимому, черту общую всѣмъ казакамъ, — кубанскимъ, донскимъ и терскимъ. Понятно, насколько этимъ подчеркивается заслуга добровольческой арміи передъ Россіей. Построить единую Россію на зыбкой почвѣ казачьихъ и вообще мѣстныхъ интересовъ было бы совершенно невозможно. Ведя борьбу противъ большевиковъ, добровольцы должны были въ то же время преодолевать мѣстныя сепаратическія теченія среди собственныхъ своихъ союзниковъ. Легко себѣ представить ту силу воодушевленія и ту степень стойкости, которая потребовалась, чтобы справиться съ этой неимовѣрно трудной задачей. Вѣдь измѣна донскихъ казаковъ не разъ ставила добровольческую армію на край гибели. А въ то же время узко понятый мѣстный патріотизмъ автономныхъ казачьихъ управленій втыкалъ ей палки въ колеса, гдѣ только могъ. Нужно было немало трудовъ и усилій, чтобы вырвать у богатыхъ кубанцевъ необходимое для добровольческой арміи продовольствіе: кубанцы вообще крайне неохотно выпускаютъ какіе либо съѣстные припасы изъ своихъ предѣловъ; шкурно-желудочными интересами опредѣляется вся дѣятельность кубанской рады. А между тѣмъ для побѣды надъ большевиками подвозъ хлѣба въ завоеванныя мѣстности не менѣе важенъ, чѣмъ военные успѣхи!

На почвѣ борьбы съ сепаратизмомъ между добровольцами и казаками происходятъ непрерывныя столкновенія, но борьба между общими всероссійскими политическими партіями—тутъ не при чемъ. Собственно лѣвые настроенія въ казачествѣ не имѣютъ глубокихъ корней. Соціальныя инстинкты у казаковъ по существу буржуазныя. Лѣвые въ собственномъ смыслѣ, социалисты, какъ таковыя—въ кубанской области есть, какъ и вездѣ, но они лишены реального значенія.

Отсюда яркій контрастъ въ политической атмосферѣ между Екатеринодаромъ и Одессой. Въ Одессѣ—странѣ, обреченной большевизму, вся политическая и общественная жизнь неудержимо сама скатывалась влѣво словно по наклонной плоскости. Влѣво толкалъ страхъ накаплиющагося революціоннаго настроенія, готоваго перейти въ открытое революціонное движеніе. Радикалы всѣхъ видовъ и типовъ повторяли всегдашнюю ошибку революціонныхъ временъ: они хотѣли за добрить массы уступками; многіе сторонники добровольческой арміи надѣялись посулами, да уступками создать болѣе благоприятное настроеніе въ ея пользу, а между тѣмъ уступчивость

только усиливала настроенія большевистскія. Въ томъ же направленіи, какъ мы видѣли, подталкивали и французы. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ самыя умѣренные даже люди стихійно лѣвѣли. Изо дня на день я наблюдалъ это полѣвѣніе въ наиболѣе консервативныхъ элементахъ Совѣта Государственнаго Объединенія. Тутъ дѣйствовалъ гипнозъ мѣстной соціальной среды.

Наоборотъ, въ Екатеринодарѣ замѣчалась столь же естественная тенденція къ поправѣнію. Генералъ А. М. Драгомировъ въ бесѣдѣ со мною и С. Н. Масловымъ въ январѣ жаловался на «кадетское засилье» въ Екатеринодарѣ, «но знаете ли», продолжалъ онъ, «они не удержи-мо правѣютъ: во многихъ отношеніяхъ даже мы лѣвѣе ихъ». То же впечатлѣніе я испыталъ непосредственно при встрѣчѣ съ этими самыми кадетами въ Екатеринодарѣ. Въ Одессѣ меня поражалъ тотъ фактъ, что даже такіе сравнительно правые люди, какъ А. С. Хрипуновъ, въ общемъ типъ октябриста, и націоналистъ графъ В. А. Бобринскій отступили отъ начала диктатуры въ чистомъ видѣ и шли на компромиссъ съ директоріей. А въ то же время въ Екатеринодарѣ такіе опредѣленные кадеты, какъ В. А. Степановъ, рѣшительно заявляли, что впредь до окончанія междоусобной войны — единственной носительницей государственнаго верховенства должна быть диктаторская власть командующаго арміей. Лѣвый кадетъ Н. И. Астровъ, человекъ всегда стоявшій неизмѣримо лѣвѣе меня, при встрѣчѣ со мною выражалъ изумленіе. — «Дайте посмотрѣть на васъ, Евгений Николаевичъ! Какъ! Вы тамъ въ Одессѣ ведете переговоры съ лѣвыми, а мы-то здѣсь съ ними даже не встрѣчаемся». Астровъ, видимо, былъ смущенъ: онъ смотрѣлъ на меня съ чувствомъ зависти и не безъ угрызенія совѣсти. Ему было какъ будто неловко отъ своего поправѣнія, и, глядя на меня, онъ спрашивалъ себя, не слѣдуетъ ли и имъ здѣсь начать разговоры съ лѣвыми, чтобы не оказаться «отсталыми». Но для этихъ разговоровъ въ Екатеринодарѣ не представлялось ни случая, ни повода, ни въ особенности н а д о б н о с т и. Тамъ не было французовъ, да и гипнозъ общественной среды оказывалъ діаметрально противоположное вліяніе. Я поспѣшилъ завѣрить Астрова въ томъ, что ихъ положеніе представляется завиднымъ по сравненію съ нашимъ и высказать убѣжденіе въ чисто временномъ демократическомъ значеніи нашихъ переговоровъ съ лѣвыми.

Въ Январѣ 1919 года была и другая причина, способствовавшая этому общему поправѣнію въ юго-восточной Россіи. Это извѣстія изъ Сибири отъ Колчака, которыя доставлялись пріѣзжавшими оттуда офицерами. Прежде всего эти посланные выяснили причины крушенія директоріи и переворота, выдвинувшаго адмирала Колчака. Изъ ихъ рассказовъ всѣмъ стало яснымъ, что директорія оказывала на армію разлагающее вліяніе, такъ какъ она допускала пропаганду Чернова и Ко. противъ офицеровъ среди солдатъ. Покончить съ директоріей оказалось необходимымъ, чтобы сохранить дисциплину и боеспособность арміи. Выяснилось, что Колчаку удалось сформировать мощную и хорошо дисциплинированную армію не только безъ всякаго содѣйствія со стороны социалистическихъ элементовъ, но вопреки ихъ противодѣйствію. Какъ это могло ему удалиться?

Объясняется это въ общемъ такъ же, какъ и зимніе успѣхи добровольцевъ на сѣверномъ Кавказѣ. Армія Колчака формировалась въ благопріятной для этого дѣла общественной средѣ. Ея главный контингентъ — сибирское крестьянство, богато надѣленное землею и никогда не выдавшее хозяйствъ помѣщичьихъ. Благодаря почти полному отсутствію крупнаго землевладѣнія въ Сибири, тамъ нѣтъ и того соціального антагонизма, который въ Европейской Россіи служилъ главнѣйшей опорой для большевистской пропаганды. Большевикамъ нечѣмъ прельстить сибирское крестьянство: по своимъ соціальнымъ инстинктамъ оно не менѣе, а можетъ быть, и болѣе консервативно, чѣмъ казачество. Поэтому нечего удивляться, что все дѣло Колчака совершалось въ атмосферѣ праваго, а не лѣваго гипноза. Повидимому, этотъ гипнозъ подѣйствовалъ и на тѣхъ соціалистовъ, которые сочли возможнымъ остаться въ составѣ его правительства послѣ провозглашенія его диктатуры. Объ этихъ соціалистахъ офицеры, пріѣхавшіе изъ Сибири, говорили, что они «ручные, домашніе», совершенно непохожіе на тѣхъ, что у насъ называются соціалистами. И дѣйствительно, наши прирученію не поддавались. Примирить ихъ съ диктатурой оказалось безусловно невозможнымъ!

Въ итогѣ уже первая поѣздка въ Екатеринодаръ оказалась для меня настоящимъ откровеніемъ. До тѣхъ поръ въ Кіевѣ и въ Одессѣ я наблюдалъ почти исключительно явленія общественнаго разложенія и смерти. Все, что я видѣлъ, оказалось роковымъ образомъ обреченнымъ большевизму. И вдругъ въ Екатеринодарѣ мнѣ бросилось въ глаза діаметрально противоположное и я ясно увидалъ, откуда придетъ спасеніе для Россіи.

Оказалось, что незанятая большевиками Россія раздѣлена на двѣ части какимъ то своеобразнымъ политическимъ меридіаномъ, проходящимъ гдѣ-то посреди области Войска Донского. Къ западу отъ этого меридіана все заражено революціонной атмосферой, все неудержимо лѣветъ, все скатывается къ большевизму, словно по наклонной плоскости. Наоборотъ — къ востоку — противоположная наклонная плоскость: — тамъ все прогрессивно правѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и здоровѣетъ. Противоположности общественной среды соотвѣтствуютъ и противоположности общественной среды соотвѣтствуютъ и противоположная картина военныхъ дѣйствій. Къ западу отъ меридіана — ошеломляющіе успѣхи большевиковъ, которые почти безъ сопротивленія завладѣли Украиной и навели панической ужасъ на французовъ въ Одессѣ. А къ востоку — столь же ошеломляющіе успѣхи добровольческой арміи — зимній разгромъ большевиковъ на сѣверномъ Кавказѣ, а потомъ весенній ихъ разгромъ на Дону и движеніе къ Царицыну! Повидимому, политическій меридіанъ, о которомъ я говорю, дѣлитъ на двѣ части не только Россію, но весь міръ. Къ западу отъ него всѣ народы Европы, истерзанные, измученные войною и такъ или иначе революціонизированные ею. Въ частности французскія и одесскія лѣвыя настроенія несомнѣнно составляютъ одно цѣлое. Союзники наши увлекаютъ насъ на наклонную плоскость, ведущую къ крайней лѣвой, потому что они сами несомнѣнно катятся туда же. Отсюда то взаимное непониманіе французовъ и добровольческой арміи, которое мнѣ приходилось наблюдать въ теченіе цѣлой

зимы. Непониманіе это было несомнѣнно одной изъ причинъ одесской катастрофы, независимо отъ того, что французы были до послѣдней степени раздражены противъ добровольческой арміи, они ея несомнѣнно недооцѣнили и въ той же мѣрѣ переоцѣнили большевиковъ. Не отдавая себѣ отчета въ различіи соціальной атмосферы на востокѣ и на западѣ Россіи, они были убѣждены въ томъ, что большевизму такъ или иначе обречена вся Россія. Въ дни зимнихъ нашихъ неудачъ на Дону генераль д'Ансельмъ и полковникъ Фреденбергъ говорили, что занятіе Новочеркасска и Ростова большевиками — вопросъ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ дней. Едва ли они ушли бы изъ Одессы такъ поспѣшно и въ особенности едва ли ихъ уходъ сопровождался бы тѣми тяжкими оскорбленіями добровольческой арміи, о которыхъ будетъ рассказано въ дальнѣйшемъ, если-бы они не были убѣждены въ неизбежности и близости ея окончательной гибели. Поразительно, до какой степени дѣйствительность обманула ихъ предвидѣнія. Наиболе блестящіе успѣхи добровольцевъ развернулись вскорѣ послѣ ухода французовъ, т. е. именно въ тотъ моментъ, когда послѣдніе ждали ихъ конца.

Взаимныя отношенія добровольческой арміи и французовъ вообще — одна изъ самыхъ поучительныхъ и интересныхъ страницъ исторіи нашего второго смутнаго времени. Они въ высшей степени типичны для обоихъ противоположныхъ полюсовъ по обѣ стороны политическаго меридіана.

Характерно, что въ то самое время, когда добровольческіе генералы въ Екатеринодарѣ подчинялись «кадетскому» засилію, эти самые генералы слыли въ Одессѣ за величайшихъ реакціонеровъ. *Oh, ces volontaires, ils n'ont rien appris et rien oublié* *) — волновался генераль д'Ансельмъ; съ своей стороны, лѣвые и лѣвѣющіе русскіе поддерживали французское командованіе въ этомъ убѣжденіи.

На самомъ дѣлѣ политика Деникина и его сотрудниковъ въ Одессѣ была не реакціонною, а просто неумѣлою. Они обнаружили съ одной стороны полное незнаніе и непониманіе запутанныхъ мѣстныхъ отношеній, а съ другой стороны неспособность отрѣшиться отъ старинныхъ способовъ управленія, совершенно неприспособленныхъ къ новымъ условіямъ жизни.

Съ самага начала французской оккупации, Одесса разсматривалась и французами, и русскими сторонниками единой Россіи какъ городъ русскій, а не украинскій. Поэтому право добровольческой арміи такъ или иначе участвовать въ управленіи Одессой и одесскимъ райономъ признавалось всѣми, кромѣ украинцевъ и большевиковъ. Командующій мѣстными добровольческими войсками генераль былъ въ то же время и главою гражданскаго управленія. Когда я пріѣхалъ въ Одессу, въ этой должности состоялъ молодой генераль-майоръ А. Н. Гришинъ-Алмазовъ. Съ другой стороны, въ военное время все управленіе, какъ гражданское, такъ и военное, низбѣжно подчиняется высшей военной власти данной мѣстности, а таковою было въ данное

---

*) Ахъ ужъ эти добровольцы: они ничему не научились и ничего не забыли!

время несомнѣнно французское командованіе. Отношенія при этихъ условіяхъ не могли не быть чрезвычайно трудными: съ одной стороны было необходимо сохранить въ Одессѣ верховенство добровольческой арміи; съ другой стороны — ея мѣстный представитель въ Одессѣ долженъ былъ такъ или иначе подчиняться требованіямъ французскаго военнаго командованія. Въ этихъ сложныхъ взаимныхъ отношеніяхъ съ самаго начала таилась возможность конфликта между двумя верховенствами.

Отношенія обострились, въ особенности благодаря тому, что генералъ Деникинъ упорно держался старыхъ способовъ управленія, т. е. стремился все управлять изъ Екатеринодара, какъ въ былые времена вся Россія управлялась изъ Петербурга, и не рѣшался давать своему же собственному представителю на мѣстѣ достаточныхъ полномочій. Благодаря этому, конфликтъ сталъ неизбежнымъ.

Уже въ декабрь 1918 года отношенія стали невозможными и Совету Государственнаго Объединенія стало очевиднымъ, что назрѣваетъ конфликтъ въ самой острой формѣ. Генералъ Деникинъ оставилъ за собою главнѣйшія функціи гражданскаго управленія въ Одессѣ и ея районѣ. Его представитель въ Одессѣ былъ стѣсненъ въ возможности производить экстренные расходы и для каждаго сколько нибудь значительнаго экстреннаго расхода долженъ былъ испрашивать разрѣшенія изъ Екатеринодара. То же разрѣшеніе требовалось для ввоза въ Одессу и для вывоза изъ нея какихъ-бы то ни было продуктовъ и для передвиженія какихъ-бы то ни было морскихъ судовъ изъ одесской гавани. Чтобы понять то тяжелое положеніе, въ какое ставились этими требованіями мѣстныя власти и французское командованіе, надо принять во вниманіе необычныя трудности сношеній между Одессой и Екатеринодаромъ. Телеграфныя сношенія по прямому проводу были рѣдки и неправильны, вслѣдствіе постоянно повторяющейся порчи провода. Радиотелеграфныя сношенія были почти невозможны, такъ какъ радиотелеграфъ воспроизводилъ всю сложную путаницу радиотелеграммъ со всего свѣта, въ которой трудно было отличить своихъ отъ чужихъ. Корреспонденція поддерживалась исключительно пароходными сношеніями. Но въ виду хроническаго недостатка угля и ненадежности «товарищей»-грузчиковъ, рейсы были тоже весьма рѣдки и неправильны. По росписанію, пароходы должны были отправляться и прибывать въ опредѣленные дни два раза въ недѣлю. На самомъ дѣлѣ никогда было предвидѣть дня и часа, когда пароходъ тронется въ путь. Помню, какъ въ Новороссійскѣ я три дня ждалъ парохода, а на четвертый отплылъ и вернулся опять въ портъ. Сначала угля не было, потомъ грузчики отказались грузить уголь, потомъ «капитанъ куда-то ушелъ», потомъ пароходъ отправился, но вернулся для перегрузки, потому что погруженнымъ оказался уголь такого качества, съ которымъ мы дѣлали два узла въ часъ... При такихъ способахъ сношеній, задача управленія Одессой изъ Екатеринодара становилась просто на просто невозможной. Неотложные вопросы, съ которыми обращались одесскія власти въ Екатеринодаръ, оставались недѣлями безъ разрѣшенія, дѣла не двигались, назрѣвали многочисленныя опасности.

«Войдите въ мое положеніе», говорилъ командированнымъ въ Екатеринодаръ членамъ Совѣта Государственнаго Объединенія генералъ Гришинъ-Алмазовъ, — «вдругъ ко мнѣ приходятъ грузчики изъ порта, которымъ мы должны большую сумму, и предъявляютъ ультиматумъ: или уплата въ трехдневный срокъ, или забастовка, полная остановка всякаго пароходнаго движенія и, стало быть, голодъ въ Одессѣ, куда множество продуктовъ подвозится моремъ. Или другой случай. По закону прежняго гетманскаго правительства всѣ чиновники къ празднику получаютъ опредѣленную сумму наградныхъ. Разрѣшеніе выдать такой же процентъ наградныхъ офицерамъ-добровольцамъ было безусловно необходимо; какъ не дать имъ того, что дается всякому чиновнику, но къ празднику это разрѣшеніе еще не было получено въ Одессѣ. Я рѣшился выдать на свой рискъ и страхъ и получилъ за это строгій выговоръ изъ Екатеринодара. Хоть выходить въ отставку. Скажите Деникину, если мнѣ не довѣряютъ, — пусть назначаютъ другого, — если мнѣ вѣрятъ, пусть оставятъ меня. Но буду ли я, будетъ ли другой, все равно—это лицо должно обладать тѣми полномочіями, безъ коихъ управлять невозможно».

Легко себѣ представить, въ какое положеніе были поставлены такими способами управленія французы въ Одессѣ. Отношенія обострялись тѣмъ, что и ихъ требованія тоже не были умѣренны. Между тѣмъ какъ добровольческое командованіе не вступало на путь необходимой децентрализаціи, французы хотѣли быть полными хозяевами въ Одессѣ. Депутаты нашего Совѣта, ѣздившіе въ Яссы къ Бертело еще до пріѣзда въ Одессу генерала д'Ансельма, привезли намъ французскій проектъ будущаго управленія Одессой, совершенно не считавшійся съ требованіями представителя добровольческой арміи. Французы предполагали просто на просто поручить все управленіе Одессой и Одесскимъ райономъ совѣту изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей при французскомъ командованіи. Они даже спрашивали нашихъ депутатовъ, кого имъ назначить въ этотъ совѣтъ, совершенно не задаваясь вопросомъ, нужно ли имъ или не нужно входить объ этомъ въ переговоры съ добровольческой арміей. Эти французскіе проекты встрѣчали поддержку со стороны тѣхъ мѣстныхъ федералистическихъ и автономическихъ теченій, о которыхъ я уже говорилъ.

Съ пріѣздомъ въ Одессу д'Ансельма и его штаба, теченія эти чрезвычайно усилились. Положеніе французскаго командованія и въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно труднымъ. Одесса оставалась безъ нефти и керосина. Французы пытались послать за этими продуктами пароходъ въ Батумъ, но команда отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ выйти изъ порта безъ разрѣшенія изъ Екатеринодара, такъ какъ въ противномъ случаѣ — ей угрожалъ разстрѣлъ. Д'Ансельмъ жаловался намъ, членамъ Совѣта Государственнаго Объединенія, что изъ за этихъ порядковъ Одессѣ угрожаетъ серьезная опасность со стороны большевиковъ: онъ лишенъ возможности послать въ Салоники за десантомъ, который тамъ уже готовъ къ отплытію, потому что Екатеринодаръ упорно отмалчивается на предложеніе — отпустить

пароходы. По словамъ Фреденберга, дѣло будто бы доходило до того, что добровольческое командованіе воспрещало въ Николаевѣ продавать французамъ съѣстные припасы. Рѣзкое столкновение произошло и изъ-за попытки французовъ сформировать новыя части, такъ называемыя «смѣшанныя бригады» изъ русскихъ подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ.

Мотивы къ образованію этихъ бригадъ были двойкіе. Во-первыхъ, французы, не желавшіе сами сражаться, хотѣли имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи русскія части, которыя можно было бы посылать въ бой. Во-вторыхъ, образованія смѣшанныхъ частей жаждали многіе мѣстные люди, особенно хлѣборобы, которые не довѣряли добровольческой арміи изъ-за производимыхъ нѣкоторыми ея частями грабежей, и поэтому мечтали ввѣрить охрану своей безопасности другимъ частямъ подъ контролемъ французовъ.

По весьма понятнымъ причинамъ добровольческая армія не могла дать своего согласія на образованіе такихъ частей. Еслибы рядомъ съ добровольческими частями возникли другія, неподчиненныя добровольческому командованію, иначе поставленныя въ отношеніи вознагражденія и дисциплины, это не могло бы не отозваться на управленіи самой добровольческой арміей: офицеры, недовольные добровольческими порядками, стремились бы переходить къ французамъ; добровольческое командованіе было бы вынуждено дѣлать въ своихъ частяхъ тѣ же прибавки содержанія и допускать тѣ же послабленія дисциплины, какія заблагоразсудятъ допустить французскому командованію. Иначе говоря, при этихъ условіяхъ генераль Деникинъ не былъ бы хозяиномъ у себя дома. Рѣчь шла о сохраненіи единства командованія русской арміи, что исключало возможность какихъ либо уступокъ. Отказъ былъ естествененъ, но безо всякой надобности онъ былъ сдѣланъ въ необычайно рѣзкой и оскорбительной для французской арміи формѣ. Генераль Деникинъ не счелъ даже нужнымъ вступать по этому поводу въ объясненія съ французами: онъ просто на просто прислалъ въ Одессу генералу Санникову для опубликованія приказъ, коимъ объявлялось, что всякій русскій офицеръ, который вступитъ въ «смѣшанныя бригады», будетъ за это преданъ военно-полевому суду.

Д'Ансельмъ, съ которымъ мнѣ приходилось объясняться по этому поводу, говорилъ о явномъ оскорбленіи французской арміи. Оно и неудивительно: въ дни міровой войны, еще при существованіи Императорскаго правительства вступленіе русскихъ во французскую армію не только разрѣшалось, но считалось за честь: а тутъ вдругъ безъ всякихъ причинъ оно было признано за тяжкое преступленіе: „Comment voulez-vous travailler avec ce Deniquine, qui ne fait que nous péter dans les jambes“*) волновался д'Ансельмъ. „Il nous reste a plier nos bagages et nous en aller“ **).

---

*) Какъ вы хотите работать съ этимъ Деникинымъ, который только втыкаетъ палки въ колеса!

**) Остается уложить наши пожитки и уходить.

Получилось положеніе необычайно острое: слушая французовъ, можно было подумать, что добровольческое командованіе дѣлаетъ рядъ нелѣпыхъ и возмутительныхъ выходокъ по отношенію къ французской арміи. Изъ словъ представителей добровольческой арміи вытекало какъ разъ обратное, — что нелѣпости и возмутительные поступки исходятъ отъ французовъ. Одни и тѣ же факты получали при этомъ съ двухъ сторонъ діаметрально-противоположныя объясненія. Такъ, по поводу требованія французовъ, чтобы пароходами въ Одессѣ завѣдывали мѣстные власти, Деникинъ замѣчалъ, что пароходы — общее достояніе всего государства, въ которомъ заинтересована не одна Одесса, а все побережье Чернаго моря. Свое недовѣріе къ мѣстнымъ людямъ онъ объяснялъ между прочимъ тѣмъ, что мѣстные дѣльцы изъ одесситовъ уже успѣли зафрахтовать часть пароходовъ французамъ, которые угнали ихъ въ Средиземное море для своихъ собственныхъ надобностей. По словамъ добровольческихъ властей французы, вслѣдствіе острой нужды въ тоннажѣ, вступили на путь мародерства: они присваиваютъ себѣ и наши, и турецкіе пароходы, вообще все, что плохо лежитъ, а мѣстные дѣльцы имъ въ этомъ потворствуютъ. Фактъ воспрещенія продавать французамъ съѣстные припасы отрицался добровольцами; вмѣстѣ съ тѣмъ они указывали, что французы рѣшительно воспретили добровольческимъ отрядамъ пребываніе въ Херсонѣ и Николаевѣ.

Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ съ обѣихъ сторонъ было великое множество недоразумѣній: чувствовалось, что непосредственное личное объясненіе между Деникинымъ и Бертело могло бы устранить значительную ихъ часть. Но свиданіе роковымъ образомъ не могло состояться: Бертело побуждалъ Деникина пріѣхать въ Констанцу для переговоровъ еще въ декабрѣ 1918 года, но на бѣду, вскорѣ послѣ этого предложенія началось опасное для добровольческой арміи время неудачъ на Дону, вслѣдствіе разложенія и измѣны нѣкоторыхъ донскихъ частей. Деникинъ не могъ уѣхать въ столь критическую для его арміи минуту. Потомъ, когда Деникинъ предлагалъ выѣхать, свиданіе не могло состояться, по причинамъ, зависящимъ отъ Бертело. А между тѣмъ, не назначеніе свиданія истолковывалось французами, какъ доказательство упорнаго нежеланія сдѣлать какіе-либо шаги навстрѣчу французскому командованію. Въ особенности д'Ансельмъ не хотѣлъ слышать никакихъ резоновъ, онъ доказывалъ мнѣ и барону Меллеръ-Закомельскому, что генераль Деникинъ во всякое время могъ выѣхать, поручивъ вмѣсто себя командованіе одному изъ талантливыхъ своихъ помощниковъ.

Положеніе осложнялось личными особенностями характера Деникина; человѣкъ необычайно прямолинейный и честный, онъ не только былъ чуждъ какой-бы то ни было дипломатіи, онъ не чувствовалъ въ ней надобности. «Я солдатъ, высказываю прямо то, что думаю, къ чему эти дипломатическія ухищренія», говаривалъ онъ. Отъ одного виднаго дипломата я слышалъ, что этой своей чертой верховный главнокомандующій причинялъ дипломатіи не мало затрудненій. Французамъ и англичанамъ онъ высказывалъ, нисколько не стѣсняясь, «простымъ языкомъ», все, что онъ думалъ... Англичанамъ

онъ однажды въ упоръ поставилъ вопросъ, въ какомъ качествѣ они пришли на Кавказъ; — въ качествѣ ли друзей, или враговъ! Прибывши въ январѣ 1919 года въ Екатеринодаръ, я былъ пораженъ опубликованной въ газетахъ телеграммой Деникина генералу Бертело, отъ котораго онъ требовалъ, чтобы тотъ заступился за взятыхъ въ плѣнъ арміей Петлюры добровольцевъ. Телеграмма заканчивалась словами: — «напоминаю вамъ о вашемъ долгѣ, генераль». — Такой тонъ считается рѣзкимъ въ обращеніи начальника къ подчиненному и надо удивляться, что Бертело имъ не былъ оскорбленъ». „Oh, Berthelot est bon enfant“ *), замѣтилъ мнѣ по этому поводу Энно.

Всѣ старанія Совѣта Государственнаго Объединенія были направлены къ тому, чтобы такъ или иначе уладить эти невозможныя отношенія, но попытки наши въ этомъ направленіи были совершенно безуспѣшны. Помимо указанныхъ причинъ, этому препятствоваль рядъ мѣстныхъ русскихъ вліяній въ Одессѣ и въ Екатеринодарѣ. Въ Одессѣ подливали масло въ огонь русскіе федералисты, а въ Екатеринодарѣ обостряла отношенія мѣстная бюрократія, которая подъ громкимъ именемъ «верховныхъ правъ добровольческой арміи» ревниво отстаивала собственныя прерогативы и съ этой точки зрѣнія по поводу каждаго проекта децентрализаціи управленія кричала «о расчлененіи Россіи» и чуть ли не объ измѣнѣ. Эти «ревнителі прерогативъ центральной власти», сплошнымъ кольцомъ окружавшіе генерала Деникина, составляли какъ бы маленькій дворикъ, коего главная забота заключалась въ томъ, чтобы не подпускать къ главнокомандующему никакихъ постороннихъ вліяній. Они систематически «начиняли» генерала противъ всѣхъ тѣхъ, кто казался имъ опасными соперниками. Все это были кадеты средней величины, люди съ весьма ограниченнымъ политическимъ кругозоромъ, начиненные узкими и партійно-кадетскими формулами и неимѣвшие ни малѣйшаго понятія объ управленіи. Въ качествѣ «кадетовъ» они стояли за формулы демократическія, упорно проводя «четырёххвостку» для земскихъ и городскихъ выборовъ; а въ качествѣ кадетъ «поправѣвшихъ», они проводили въ жизнь свою программу черезъ диктатуру генерала Деникина. «Какъ ни страннымъ это можетъ показаться», говорилъ мнѣ и С. Н. Маслову генераль А. М. Драгомировъ, — «у насъ собственно демократическая диктатура». Въ политикѣ эта «демократическая диктатура» оказалась созданіемъ весьма неуклюжимъ и неповоротливымъ. По отношенію къ Одессѣ и французамъ, во всякомъ случаѣ, она выказала только отрицательныя стороны. Мнѣ пришлось въ этомъ убѣдиться съ перваго же знакомства съ генераломъ Деникинымъ. —

Въ январѣ 1919 года я былъ командированъ вмѣстѣ съ С. Н. Масловымъ въ Екатеринодаръ съ весьма опредѣленнымъ порученіемъ отъ Совѣта Государственнаго Объединенія. Мы должны были выяснить генералу Деникину всю ненормальность отношеній, сложившихся въ Одессѣ между французами и добровольческими властями. Намъ было вмѣнено въ обязанность предупредить его, что дальнѣйшее раз-

*) О, Бертело добродушень!

витіє такихъ отношеній должно неминуемо привести къ уходу французовъ изъ Одессы, либо къ захвату ими полноты власти на правахъ оккупаціи. Докладъ нашъ заканчивался практическимъ выводомъ. Если генераль Деникинъ хочетъ продолжать прежнюю линію политики, то онъ долженъ пойти и на оккупацію, какъ на неизбежное ея послѣдствіе. Наоборотъ, если онъ хочетъ сохранить власть въ Одессѣ за собою, онъ долженъ вступить на путь децентрализаціи. Отвергая всякую мысль о какомъ-либо федеративномъ устройствѣ управленія, Совѣтъ Государственнаго Объединенія настаивалъ единственно на назначеніи въ Одессу генераль-губернатора съ широкими полномочіями, съ правомъ рѣшенія на мѣстѣ ряда важныхъ денежныхъ вопросовъ. Мы должны были при этомъ указать и указали на безусловную невозможность разрѣшать въ Екатеринодарѣ всѣ сколько-нибудь серьезные вопросы, касающіеся Одесскаго района.

Генераль Деникинъ, принявшій насъ въ присутствіи главнѣйшихъ своихъ помощниковъ, генераловъ — Драгомирова, Лукомскаго и Романовскаго, отнесся къ намъ чрезвычайно сурово. Его отвѣты намъ производили впечатлѣніе форменнаго разноса. Съ первыхъ же словъ стало очевидно, что онъ насъ не только не понимаетъ, но даже и не слушаетъ. Мы настаивали на усиленіи полномочій представителя добровольческой арміи въ Одессѣ, а онъ обвинялъ насъ чуть ли не въ стремленіи къ расчлененію Россіи... Мы старательно отмежевывались отъ федералистовъ, а онъ приписывалъ намъ опредѣленно федералистическіе замыслы. Мы предостерегали его противъ возможности французской оккупаціи, а онъ сказалъ намъ не то въ полушутливой формѣ, не то въ серьезъ, что если мы будемъ содѣйствовать французской оккупаціи, онъ признаетъ насъ измѣнниками и поступить съ нами соотвѣтственно.

Мы долго недоумѣвали, что собственно сей сонъ означаетъ, но вдругъ Деникинъ назвалъ намъ имя, которое все намъ разъяснило. «Я зналъ о вашихъ намѣреніяхъ еще до вашего пріѣзда изъ сообщенія по прямому проводу инженера Демченко». Тутъ только мы поняли, что мы были жертвой двойной махинаціи. Нашему отъѣзду въ Екатеринодаръ предшествовали долгіе дебаты въ Совѣтѣ Государственнаго Объединенія, во время которыхъ между прочимъ обсуждался и былъ отвергнутъ всѣми голосами противъ одного федералистическій проектъ управленія Одессой, составленный присяжнымъ повѣреннымъ Маргуліесомъ. Не будучи никѣмъ уполномоченъ и не предупредивши насъ, Маргуліесъ съ его единомышленникомъ Демченко составили депешу въ Екатеринодаръ, въ которой изложили весь свой федералистическій проектъ, какъ требованіе Совѣта Государственнаго Объединенія; «для подробнаго разъясненія этого постановленія», значилось въ депешѣ, «выѣзжаютъ князь Е. Н. Трубецкой и С. Н. Масловъ». Понятно, что эта депеша вызвала въ Екатеринодарѣ цѣлую бурю негодованія, а «дворикъ» воспользовался случаемъ, чтобы подорвать къ намъ довѣріе и начинить генерала Деникина противъ Совѣта Государственнаго Объединенія.

«Мы знали, что противъ васъ готовится буря и хотѣли васъ предупредить; отчего же вы къ намъ не зашли раньше», спрашивали

меня потомъ члены «дворика». А для меня было ясно, что буря была для нихъ пріятнымъ и занимательнымъ зрѣлищемъ.

Во время первой аудіенціи мы такъ и не были поняты; для этого потребовалась другая. Въ промежуткѣ между обѣими генераль А. М. Драгомировъ — человѣкъ весьма неглупый, объяснилъ Деникину, что онъ понапрасну насъ обидѣлъ, смѣшавъ насъ съ нашими противниками-федералистами. Деникинъ былъ очень сконфуженъ и при второмъ пріемѣ, видимо, старался заглазить впечатлѣніе первой встрѣчи, но онъ не находилъ словъ и старался выказать доброе къ намъ расположеніе улыбками и интонаціями голоса: «да нѣтъ же, ну какъ же, неужели вы меня такъ поняли, да нѣтъ, это у меня манера такая солдатская!»

Въ общемъ для насъ стало сразу очевиднымъ, что какъ правитель — временный носитель верховной власти, Деникинъ — не на высотѣ положенія. Передъ нами былъ несомнѣнно чудный человѣкъ и, по всей вѣроятности, прекрасный полководецъ, но съ политическимъ кругозоромъ средняго дивизионнаго генерала. Такъ его расцѣнивали и въ Екатеринодарѣ.

Сложныя политическія задачи, а въ частности одесскій и французскій Гордіевы узлы, оказались Деникину не по плечу. Въ концѣ концовъ онъ обѣщалъ намъ назначить въ Одессу генерала съ широкими полномочіями и назначилъ генерала А. С. Санникова, который и выѣхалъ изъ Екатеринодара вмѣстѣ съ нами. Но по пріѣздѣ въ Одессу оказалось, что вновь назначенный генераль располагаетъ не большими полномочіями, чѣмъ его предшественникъ. Вмѣсто того, чтобы рѣшать самостоятельно дѣла на мѣстѣ, онъ по каждому сколько-нибудь серьезному вопросу сносился съ Екатеринодаромъ и ждалъ оттуда указаній. Къ тому же назначеніе Санникова безъ согласенія и сговора съ Бертело было само по себѣ большой безтактностью. Оказалось, что какъ разъ между Бертело и Санниковымъ были еще во время войны какія-то непріятныя столкновенія и нелады на румынскомъ фронтѣ. Неудивительно, что тотчасъ послѣ назначенія Санникова, Бертело довелъ до свѣдѣнія Деникина рѣшительное требованіе, чтобы представитель добровольческой арміи въ Одессѣ былъ назначенъ по соглашенію между французскимъ и русскимъ командованіемъ.

До исполненія этого требованія не дошло; не дошло и до свиданія двухъ генераловъ. Въ одинъ прекрасный день Бертело былъ отстраненъ отъ завѣдыванія дѣлами одесскаго района и вмѣсто него пріѣхалъ въ Одессу командующій французскими войсками на Востокѣ генераль Франше д'Эспере — человѣкъ рѣшительный и рѣзкій. Онъ произвелъ въ Одессѣ тотъ переворотъ, который мы предсказывали, назначилъ безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ добровольческой арміей особый совѣтъ при французскомъ командованіи изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей для управленія дѣлами одесскаго района. Добровольческія власти были имъ просто на просто устранены, притомъ въ самой безцеремонной и вызывающей по отношенію къ добровольческой арміи формѣ. Онъ просто на просто отослалъ генерала Санникова и Гришина-Алмазина въ Екатерино-

даръ при письмѣ на имя верховнаго главнокомандующаго. Въ письмѣ было коротко и ясно сказано, что означенные генералы отсылаются въ полное распоряженіе генерала Деникина. Всего нѣсколькими днями позже французы бросили Одессу, а затѣмъ и Крымъ.

Казалось, для добровольческой арміи настали катастрофическіе дни. — «Тяжело на фронтѣ», говорилъ намъ генераль Деникинъ. «Прутъ со всѣхъ сторонъ несмѣтныя полчища большевиковъ, мои полки истекаютъ кровью, а пополнять ихъ нечѣмъ». Но на нашъ вопросъ*), не повліяла ли на ухудшеніе положенія измѣна французовъ, онъ, къ удивленію нашему, отвѣчалъ: «ну, нѣтъ, нисколько; вѣдь они же все равно ничего не дѣлали и даже не отвлекали на себя сколько-нибудь значительныхъ силъ большевиковъ, я полагаю, что ихъ уходъ на насъ совершенно не отзовется».

Слова эти блистательно оправдались. Послѣ трудныхъ дней, которые закончились прорывомъ большевиковъ на Торговую и достигли апогея на Святой, наступилъ внезапный и крупный переломъ военнаго счастья въ нашу пользу. Ударъ по большевикамъ въ Царицынскомъ направленіи, уничтоженіе нѣсколькихъ большевистскихъ армій, взятіе Изюма, Харькова, Бѣлгорода, наконецъ — полное разложеніе большевистскихъ войскъ и всеобщее пламя возстанія у нихъ въ тылу — все это доказываетъ, что теперь конецъ уже близокъ. Гибель большевиковъ и полное крушеніе большевизма — вопросъ немногихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть, и недѣль.

Какъ это ни странно, мы впервые ясно увидѣли берегъ почти непосредственно вслѣдъ за измѣною французовъ, — тотчасъ по окончательномъ крушеніи союзнической оріентаціи. Уже въ самые дни одесской катастрофы получались извѣстія объ ошеломляющихъ успѣхахъ Колчака; потомъ начались еще болѣе ошеломляющіе успѣхи добровольческой арміи.

Разумѣется, между уходомъ французовъ и этими успѣхами нѣтъ причинной связи. Есть, однако, знаменательное совпаденіе. Почти въ тотъ день, когда мы окончательно утратили надежду на иностранную помощь, событія ясно доказали, что собственныхъ нашихъ силъ совершенно достаточно для низверженія большевиковъ. Случилось это настолько неожиданно для всѣхъ, что русскіе люди не сразу повѣрили своему счастью. Бѣженцы, хлынувшіе на юго-востокъ Россіи изъ покинутыхъ французами областей, первоначально принесли съ собою оттуда атмосферу деморализаціи и паники. Они не вѣрили въ прочность новаго убѣжища и готовились къ новому бѣгству въ Сибирь къ Колчаку. «Типическая Вандея», говорили нѣкоторые изъ нихъ о добровольческой арміи и многіе заранѣе мирились съ участью Вандей. Иные, впрочемъ, еще ждали спасенія отъ Колчака; но поразительно, что почти никто не надѣялся на добровольческую армію; даже оптимисты говорили, что ей «въ лучшемъ случаѣ удастся только достоять до прихода Колчака». И это неудивительно: видимость была настолько обманчива, что въ средѣ самыхъ добровольцевъ нахо-

---

*) Я былъ у него въ составѣ депутаціи отъ Совѣта Государственнаго Объединенія съ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ.

дилось не мало стойкихъ, мужественныхъ и доблестныхъ офицеровъ, которые также не вѣрили. «Она не способна побѣдить», говорили они о добровольческой арміи и въ доказательство указывали на ея малочисленность, на плохое управленіе, на полную административную неумѣлость и организаторскую неспособность ея вождей. И точно, организаторскихъ способностей добровольческіе вожди не выказали, въ политикѣ они не поднимались выше уровня посредственности, а ихъ гражданская администрація оказалась изъ рукъ вонъ плохою.

Была въ нихъ иная сила, которая побѣждала: въ тѣ дни, когда мудрые политики малодушествовали, приходили въ отчаяніе и возлагали всѣ свои надежды на постороннюю помощь, — эти «неумные» наперекоръ разсудку вѣрили въ Россію, вопреки здравому смыслу формировали они добровольческіе полки изъ десятковъ храбрыхъ офицеровъ, въ то время, когда большевистскія полчища насчитывали десятки и сотни тысячъ. Ихъ высшій подвигъ — ледяной походъ — могъ казаться и казался актомъ крайняго безумія. Но именно это священное безуміе и было нужно для того, чтобы спасти Россію. Понятно почему именно этимъ и только этимъ можно было сломить силу большевиковъ: чтобы побѣдить большевистскій интернаціонализмъ, нужно было противопоставить ему пламенное, мощное и настойчивое у т в е р ж д е н і е Россіи. Для этого требовалась не столько сила ума, сколько сила вѣры, цѣльность характера и крѣпость нравственнаго закала.

Бесѣдуя съ Деникинымъ, я всякій разъ поражался неясностью его мыслей и недалёковидностью его плановъ. Помню, какъ онъ смутилъ меня и С. Н. Маслова еще въ Январѣ 1919 года. Мы доказывали ему, насколько опасенъ для добровольческой арміи путь на сѣверъ черезъ Украйну, еще не изжившую большевистскихъ настроеній, и совѣтовали идти черезъ Царицынъ — въ тѣ великорусскія губерніи, гдѣ большевики стали ненавистны населенію. А онъ развивалъ свой планъ идти широкимъ фронтомъ съ юга на сѣверъ «отъ Волги до германской границы». Я былъ прямо ошеломленъ этимъ проектомъ, который казался мнѣ явно наивнымъ. Но рядомъ съ этимъ въ главнокомандующемъ чувствовалась иная не умственная сила — кристальная чистота и ясность нравственнаго облика. Вспоминалось изреченіе С. М. Лукомской: «по общему отзыву его товарищей, Деникинъ — это краса рода человѣческаго». Помню впечатлѣніе одного изъ членовъ Совѣта Государственнаго Объединенія А. М. Масленникова, который ѣздилъ въ Екатеринодаръ со мною и барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ въ мартѣ. На этотъ разъ намъ опять не повезло: нашему появленію у Деникина снова предшествовалъ цѣлый коробъ лживыхъ о насъ сообщеній и Деникинъ высказывалъ свое полное недовольство нашей дѣятельностью. Тѣмъ не менѣе одинъ изъ моихъ товарищей по окончаніи разговора, сказалъ, что Деникинъ произвелъ на него обаятельное впечатлѣніе: «и странное дѣло, чѣмъ больше онъ насъ ругалъ, тѣмъ больше онъ мнѣ нравился, — чудный долженъ быть человѣкъ. Вотъ такому бы быть главою государства; ну, конечно, съ тѣмъ, чтобы при немъ состоялъ премьеръ-министръ, хоть сукинъ сынъ, да умный».

Размышляя о событіяхъ, которыя развернулись на нашихъ глазахъ, легко понять огромное значеніе этихъ выдающихся нравственныхъ качествъ главнокомандующаго. Чтобы побѣдить большевизмъ, нужно было, главнымъ образомъ, его изжить. Это одна изъ тѣхъ массовыхъ болѣзней, которыя преодолеваются временемъ и непоколебимымъ упорствомъ. Большевизмъ съ самаго начала таилъ въ себѣ зародыши смертоносной болѣзни, но надо было дать этой болѣзни развиться: необходимо было впредь до окончательнаго его развитія сохранить всю силу сопротивленія добровольческой арміи. Въ этомъ и заключается безсмертная заслуга Деникина и его сподвижниковъ. Они истекали кровью, но не колебались и достояли до конца. Не мудрость политиковъ рѣшила судьбу Россіи, а подвигъ вѣры и безстрашія. Деникинъ явилъ при этомъ высшій подвигъ безкорыстія. Онъ принесъ въ жертву родинѣ свое личное честолюбіе и заявилъ о своемъ подчиненіи верховному правителю Колчаку какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Колчака постигли временныя неудачи, а въ то же время добровольческая армія находилась на высотѣ военнаго счастья. Самоотверженіемъ великаго гражданина достигнуто было единство какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Россія всего больше въ немъ нуждалась. Легко себѣ представить, какимъ тормазомъ въ дѣлѣ объединенія Россіи могло бы оказаться соперничество двухъ главнокомандующихъ и двухъ верховныхъ правителей! Честь и слава Деникину за то, что этого не случилось!

Благодаря безпримѣрному подвигу горсти героическихъ личностей, стало возможнымъ то чудо, которое совершается на нашихъ глазахъ. Спасеніе Россіи собственными силами! Чувствую, что здѣсь я встрѣчу возраженіе: вѣдь Россія пользуется широкою помощью Англій, которая снабжаетъ добровольческую армію всѣмъ необходимымъ, — артиллеріей, танками, снарядами, одеждой, вообще боевыми припасами всякаго рода. Что могла бы сдѣлать добровольческая армія одна безъ этого содѣйствія.

Я не стану отрицать, что матеріальная помощь Англій имѣетъ весьма существенное значеніе, но эта помощь имѣетъ свою поучительную исторію, о которой я могу рассказать кое-что, какъ свидѣтель-очевидецъ. Могу удостовѣрить, что содѣйствіе Англій досталось Россіи не даромъ: какъ и многое другое она завоевана подвигомъ ея сыновъ. — Въ январѣ, когда я впервые пріѣхалъ въ Екатеринодаръ, помощь Англій была меньше нуля: она представляла собою отрицательную величину. — До того времени прибылъ изъ Англій въ Новороссійскъ всего только одинъ транспортъ съ бракованными вещами, съ гнилыми сапогами и совершенно негоднымъ къ употребленію платьемъ. Добровольческая армія категорически отказалась принять эти гнилушки.

Когда я пріѣхалъ въ Новороссійскъ во второй разъ, — я засталъ тамъ первые англійскіе транспорты съ танками и артиллеріей. Потомъ боевой матеріалъ сталъ прибывать изъ Англій въ такомъ изобиліи, что добровольческая армія не поспѣвала его разгружать. Англичане жаловались на медленность разгрузки и спрашивали, не пріостановить ли имъ доставку снаряженія, въ виду неспособности добровольческой

арміи принимать его въ такомъ количествѣ! Очевидно, что весною 1919 года произошелъ какой-то переломъ въ отношеніи Англии къ намъ; онъ отразился не въ одной доставкѣ грузовъ. По свидѣтельству генерала Эрдели, который въ апрѣлѣ 1919 года вернулся въ Екатеринодаръ изъ оккупированнаго англичанами Закавказья и дѣлалъ докладъ о своемъ пребываніи тамъ, въ отношеніи англичанъ къ русскимъ какъ разъ весною 1919 года произошелъ полный переломъ. До того оно было въ высшей степени холоднымъ, высокомернымъ и презрительнымъ. Но вдругъ оно сдѣлалось въ высшей степени предупредительнымъ, внимательнымъ и любезнымъ. Та же рѣзкая перемена тона наблюдалась и въ Екатеринодарѣ. Говоря объ уходѣ французовъ изъ Одессы, англичане съ удивленіемъ пожимали плечами и всячески старались подчеркнуть, что они считаютъ поведеніе Франціи прискорбной и непонятной ошибкой. Намъ это казалось тѣмъ болѣе удивительнымъ, что всѣ информаціи, какія получались изъ Лондона и Парижа, свидѣтельствовали о наилучшемъ расположеніи къ Россіи французовъ и о холодности къ намъ англичанъ.

Вскорѣ, однако, мы поняли въ чемъ дѣло. Отъ русскихъ, служившихъ въ англійской миссіи, мы узнали, что англичане смущены успѣхами Колчака и не на шутку встревожены тѣмъ, что Колчакъ ничѣмъ и мѣ не обязанъ. Они опасаются, какъ бы адмиралъ Колчакъ, по достиженіи имъ полной побѣды надъ большевиками, не вступилъ въ дружескія отношенія съ нѣмцами.

Очевидно, что теперь, какъ и прежде, англичане руководствуются въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи не сентиментальными соображеніями и не симпатіями, а холоднымъ прозаическимъ расчетомъ. Какъ солидная торговая фирма, Англія съ самаго начала прикидывала и соображала, стоитъ или не стоитъ ей ставить ставку на Россію. Пока Россія казалась англичанамъ мертвымъ тѣломъ, они относились къ намъ холодно и презрительно, какъ тотъ начальникъ штаба англійскаго адмирала, съ которымъ я въ декабрѣ 1918 года бесѣдовалъ въ Севастополѣ. Наоборотъ, когда начались успѣхи Колчака, англичане, раньше французовъ сообразившіе, что Россія — живая сила, расцѣнили добровольческую армію, какъ выгодное предпріятіе, и стали затрачивать на нее капиталы.

Такимъ образомъ, самая помощь Англии представляетъ собою яркое свидѣтельство въ пользу русской оріентаціи. Англичане бездѣйствовали, покуда мы искали спасенія въ союзнической оріентаціи, и стали намъ помогать, когда событія доказали, что они сами могутъ оріентироваться на Россію. Таковъ вообще принципъ существующихъ международныхъ отношеній; всякій оріентируется на сильнаго, слабый окруженъ всеобщимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ.

Помощь Англии досталась намъ, когда мы уже стали сильны: ей предшествовалъ долгій періодъ, когда въ роли «интендантства» при добровольческой арміи являлись большевики. Изъ чего же создавалась та русская сила, которая сначала превратила красную армію въ «интендантство», а потомъ завоевала Россіи помощь англичанъ? Ея

происхождение — одно изъ самыхъ изумительныхъ чудесъ, какія совершались въ исторіи.

Передъ нами несомнѣнный случай творенія изъ ничего. И въ этомъ чудѣ выразилась великая побѣда духа. Судьба русской арміи—рядъ яркихъ свидѣтельствъ объ этой побѣдѣ. Когда въ 1917 году она стала тыломъ безъ духа, распалась связь ея частей, она превратилась въ ничто въ нѣсколько мѣсяцевъ. Когда нѣсколькими мѣсяцами позже въ горсти русскихъ воиновъ возгорѣлся духъ жизни, мертвое тѣло воскресло, русская военная мощь возродилась изъ ничтожества. Нужны ли другія доказательства того, что вѣра и горы передвигаетъ!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

На этомъ я заканчиваю воспоминанія о моихъ скитаніяхъ. Чувствуется, что главныя наблюденія уже сдѣланы: ясенъ общій смыслъ видѣннаго. Думаю, что дальнѣйшія событія могутъ обогатить эти замѣтки многими новыми интересными подробностями, но едва ли внесутъ существенныя измѣненія въ выводы, здѣсь сдѣланные.

Теперь, послѣ взятія Харькова и Царицына, освобожденіе Россіи — вопросъ времени. И тѣмъ не менѣе мы не можемъ смотрѣть вполне спокойно на будущее. Есть мучительные вопросы и сомнѣнія, которые пока еще остаются безъ разрѣшенія. Гибель большевизма еще не есть конецъ тяжелой болѣзни. Есть, къ сожалѣнію, много оснований опасаться, что ея исцѣленіе вообще не будетъ полнымъ. Большевизмъ — болѣзнь, во многомъ напоминающая бѣшенство. Бѣшенная собака не перестаетъ быть опасной отъ того, что она умираетъ. Напротивъ, нѣтъ ничего страшнѣе укуса умирающаго звѣря. Для Россіи эта опасность теперь величайшая изъ всѣхъ. На нашихъ глазахъ бѣшенная собака издыхаетъ. Но такъ или иначе, всѣ мы ею укушены: всѣ мы, борющіеся съ большевизмомъ, въ большей или меньшей степени испытываемъ на себѣ дѣйствіе его яда.

Хотячее обвиненіе добровольцевъ въ томъ, что они стали похожи на большевиковъ, — несправедливо лишь постольку, поскольку оно огульно. Не всѣ, но къ сожалѣнію, весьма многіе восприняли страшный образъ звѣрины. Одни ли добровольцы? Междоусобная война вообще наложила печать на нравы. Не только на фронтѣ, въ тылу точно также совершается оргія грабежа. Воровство и взяточничество гражданскихъ властей достигли того предѣла, какого они никогда не достигали, даже въ худшія времена самодержавія. Отъ людей, близко знакомыхъ съ гражданской администраціей добровольческой арміи, приходится слышать, что теперь почти ни на кого нельзя положиться. Эпидемія воровства заразила почти всѣхъ, даже тѣхъ, кто доселѣ считались честнѣйшими.

А насколько при этомъ возросла жестокость, въ этомъ каждый изъ насъ можетъ убѣдиться путемъ внутренняго самонаблюденія. Несомнѣнно, что въ будущемъ государственная необходимость предпишетъ весьма суровыя мѣры для подавленія большевизма. Но прежде

русскому человѣку несвойственно было радоваться жестокимъ казнямъ. А теперь беспощадная расправа съ большевиками стала мечтою всякаго русскаго обывателя. И къ сожалѣнію, чувство мести тутъ говорить громче и сильнѣе, чѣмъ сознаніе государственной необходимости. Потоки крови, которые прольются послѣ возстановленія порядка, безъ сомнѣнія превысятъ мѣру. Будущіе побѣдители будутъ соперничать въ жестокости съ большевистскими чрезвычайками, а можетъ быть, и превзойдутъ ихъ. Я часто спрашиваю себя, что будетъ въ Москвѣ въ тотъ день, когда тамъ гдѣ-нибудь на площади будутъ всенародно повѣшены такіе корифеи большевизма, какъ Троцкій, Ленинъ, Петерсъ и другіе. Многіе ли откажутся отъ соблазна «посмотрѣть» на этотъ финалъ большевизма. Глазѣтъ будутъ несомнѣнно десятки, а можетъ быть, и сотни тысячъ народа. А вѣдь раньше подобныя зрѣлища внушали у насъ почти всеобщее отвращеніе. Негодование симулировали даже тѣ, кто его на самомъ дѣлѣ не чувствовалъ. Теперь другое: иногда приходится слышать о томъ, какъ взятыхъ въ плѣнъ комиссаровъ сначала «угощаютъ шомполами», а потомъ вѣшаютъ; но ставшее привычнымъ безобразіе почти ни въ комъ не вызываетъ ужаса и даже интереса. «Публичность» казни раньше возмущала насъ, когда она была возстановлена большевиками. А теперь примѣръ ихъ не только вызываетъ подражаніе, — онъ вошелъ у насъ въ обычай. Въ Кисловодскѣ на видномъ мѣстѣ, на холмѣ надъ городомъ стоятъ двѣ висѣлицы; мнѣ показывали ихъ маленькія дѣти и при этомъ называли лицъ, которыя видѣли повѣшенныхъ; саму висѣлицу дѣти, смѣясь, называли «качелями». Бывали случаи, когда особливо видныхъ большевиковъ умышленно долго держали на этихъ висѣлицахъ. Обыкновенно, такія мѣры оправдываются тѣмъ, что у большевиковъ нужно «учиться приѣмамъ твердой власти». Подъ этимъ предлогомъ большевики мало по малу становятся нашими учителями варварства и жестокости.

Самая опасная черта современности заключается въ томъ, что кодексъ междоусобной войны, привитый намъ большевиками, сталъ обыкновеннымъ: его усвоили не только взрослые, но и дѣти. Расшатанность всѣхъ нравственныхъ правилъ, разнузданное своеволие, привычки къ хищенію и жестокость — таково ядовитое наслѣдіе смутной эпохи, которое оставить свои слѣды въ душѣ народной на многіе годы. Черты большевистскаго типа сохранятся въ русскихъ администраторахъ, военныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ изъ черносотенцевъ, даже въ то время, когда о большевикахъ въ собственномъ смыслѣ мы забудемъ и думать.

Едва ли современная Россія окажется исключеніемъ изъ общаго правила: чѣмъ звѣрообразнѣе революція, тѣмъ болѣе звѣрообразна и реакція, которая является ей на смѣну. Сейчасъ намъ трудно даже измѣрить всю степень опасности, которая отсюда вытекаетъ, потому что пробудившійся въ насъ звѣриный инстинктъ пока до извѣстной степени уравнивается и сдерживается тѣмъ духовнымъ подъемомъ, который зародился въ борьбѣ противъ большевизма. Такой духовный подъемъ является въ эпохи великихъ страданій народныхъ, но по минованіи бѣды нерѣдко угасаетъ. Примѣръ древняго Изра-

иля, который вспоминалъ о Богѣ лишь въ години великихъ испытаній и тотчасъ же забывалъ о немъ, какъ только возвращалось благополучіе — остается классическимъ и для современной Россіи. Есть, къ сожалѣнію, слишкомъ много основаній опасаться, что возвращеніе благополучія будетъ имѣть тѣ же послѣдствія и у насъ. Тогда исполнится (въ который разъ!) предсказаніе Апокалипсиса о звѣрѣ, смертельно раненомъ въ голову и о второмъ звѣрѣ, который заставитъ всю землю и живущихъ на ней поклоняться первому звѣрю, у котораго смертельная рана исцѣлена. (Апокал. XIII, 12).

Имѣющій уши слышать, да слышитъ! Большевиизмъ теперь несомнѣнно смертельно раненъ въ голову, но нарождается другой звѣрь, тоже страшный и жестокій, который можетъ исцѣлить эту рану и вызвать въ будущемъ новое поклоненіе большевиизму.

Уже послѣ первой революціи русская реакція обнаружила свои звѣриныя черты; трудно предположить, чтобы онѣ не возродились въ ближайшемъ будущемъ, послѣ побѣды надъ большевиизмомъ. Мы уже теперь чувствуемъ нарождающуюся мощную волну будущихъ погромовъ. Среди нашихъ крайнихъ правыхъ принято отождествлять звѣриное царство антихриста съ жидомасонствомъ. Напрасная иллюзія — жидомасоны не болѣе, какъ частное проявленіе звѣринаго царства; ему не въ меньшей степени служатъ и тѣ, кто избиваетъ и грабятъ жидовъ. Надо помнить пророческое предостереженіе Апокалипсиса: жидомасонство, безъ сомнѣнія, причастно дѣяніямъ и судьбамъ того перваго звѣря, нынѣ раненаго въ голову, противъ котораго мы теперь боремся. Но не слѣдуетъ забывать, что есть звѣрь съ двумя рогами, п о д о б н ы м и агнчимъ (Апок. XIII, 11), который заставитъ людей поклониться первому. «Подражаніе агнцу» заставляетъ думать, что этотъ второй звѣрь не имѣетъ ничего общаго съ открытыми врагами Христа; его «рога подобны агнчимъ» напоминаютъ скорѣе о тѣхъ, кто носятъ обманчивую личину православія, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, какъ драконъ» (Апок. XII, 11). Что этотъ второй звѣрь воскреситъ былую популярность большевиизма, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія для всякаго знающаго его повадки. Исторія взаимныхъ отношеній двухъ звѣрей повторяется изъ эпохи въ эпоху. Первый звѣрь былъ несомнѣнно раненъ уже въ дни первой русской революціи, но его воскресили дѣянія второго звѣря: ни для кого не тайна, что вторая революція была подготовлена тѣми казнокрадами, измѣнниками, предателями, которые купно съ лжепророкомъ прельстили царя обманчивой личиной православія и подъ предлогомъ религіознаго служенія творили дѣла дракона. Если мы не послушаемся пророческихъ предостереженій Св. Писанія, то же повторится съ нами въ будущемъ. Громилы, лжеправославные, лжепатріоты, а съ ними и новые лжепророки готовятъ новый и болѣе страшный, чѣмъ теперь, взрывъ большевиизма. И этотъ взрывъ созрѣетъ какъ разъ къ тому времени, когда надвинется намѣчающаяся уже теперь гроза съ востока. Тогда, какъ и теперь, военныя бури родятъ революціонныя смуты. И поколѣнія, не изжившія большевиизма, не будутъ застрахованы противъ его соблазновъ.

Но, скажутъ мнѣ, зачѣмъ приурочивать апокалиптическія предсказанія къ специфически русскимъ событіямъ? Я могу на это отвѣтить коротко: наши русскія событія лишъ частное проявленіе міровыхъ началъ. Міровую величину представляетъ собой какъ жидомасонство, у насъ въ Россіи наиболѣе ярко воплотившееся въ большевизмѣ, такъ и та реакція, которая всюду вызывается жидомасонствомъ и всюду принимаетъ болѣе или менѣе звѣриный обликъ, хотя и облекается у различныхъ національностей въ различныя формы.

Разумѣется, и первый, и второй звѣрь не имѣютъ роковой непреодолимой силы. Пока это могущественныя тенденціи всемірной исторіи, противъ которыхъ можно и должно бороться.

Я не только отъ души желаю, чтобы не исполнились сдѣланныя здѣсь мрачныя предсказанія возможнаго будущаго, я отъ души на это надѣюсь. Тѣмъ болѣе, я считаю себя обязаннымъ напомнить о пророческихъ предостереженіяхъ откровенія: Б л ю д и т е у б о , какъ о п а с н о х о д и т е .

Кисловодскъ, 22 іюня 1919 года.
